РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

4(97)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Октябрь 1917: Понять революцию
October 1917: To Understand the Revolution

Россия и мир в XIX веке: Венский конгресс, Священный союз
Russia and the World in the 19th Century: The Congress of Vienna, Holy Alliance

Век XXI: Интеграционные тенденции
XXI Century: Integration Trends

Трамп и СМИ: Противостояние
Trump and the Media: The Confrontation

Содержание журнала «Россия и современный мир» за 2017 год
Contents of «Russia and the Contemporary World» for 2017

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2017

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: В.С. Мирзеханов (гл. ред.) и др. – М., 2017. – ISSN 1726–5223. – № 4 (97). – 256 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА		RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW
М.П. Одесский Октябрь 1917 года: Между «революцией духа» и «переворотом». (К истории идеологемы «революция»)	6	M.P. Odesskii October of 1917: «The Revolution of Spirit» and «Revolt». (History of the «Revolution» Ideology)
В.П. Булдаков Как понять революцию?	17	V.P. Buldakov How to Understand the Revolution?
РОССИЯ И МИР, В XIX ВЕКЕ		**RUSSIA AND THE WORLD IN THE 19TH CENTURY**
М.-П. Рей Венский конгресс как инструмент выработки новых дипломатических норм и обычаев. Пер. с французского О.В. Окуневой	31	M.-P. Rey The Congress of Vienna as the Platform to Elaborate the New Diplomatic Norms and Customs. Translation from French – O.V. Okuneva
В.С. Парсамов Священный союз и его интерпретаторы	45	V.S. Parsamov The Holy Alliance and its Interpreters
Н.П. Таньшина Венская система и Венские соглашения: Взгляд из Франции	61	N.P. Tanshina The Vienna System and the Vienna Agreements: The View from France
Е.П. Кудрявцева За кулисами Венского конгресса	77	E.P. Kudryavtseva Behind the Scenes of Vienna's Congress
А.О. Хорошева Великие державы и создание Великого герцог- ства Люксембург в XIX в.	86	A.O. Khorosheva The Great Powers and the Creation of the Grand Duchy of Luxembourg in the 19th century

А. Forrest *The Congress of Vienna and the Atlantic Slave Trade*	*102*	*A. Forrest* *The Congress of Vienna and the Atlantic Slave Trade*
И. Фраскет *Обретение независимости иберoамериканскими странами и европейская Реставрация: Постановка проблемы и перспективы исследования. Пер. с испанского О.В. Окуневой*	*118*	*I. Frasket* *The Independence of the Ibero-American Countries and the European Restoration: The Problem and Prospects of Research. Translation from Spanish – O.V. Okuneva*
П.А. Даценко *Королевство Вюртемберг и проблема германского нейтралитета в 1853–1854 гг. (По материалам российской дипломатической миссии в Штутгарте)*	*139*	*P.A. Datsenko* *The Kingdom of Württemberg and the Problem of German Neutrality in 1853–1854 (Documents of the Russian Diplomatic Mission in Stuttgart)*
РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ		**RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY**
Н.В. Попова *Страны БРИКС в формирующемся многополярном мире*	*155*	*N.V. Popova* *BRICS Countries in the Emerging Multipolar World*
Е.М. Кузьмина *Новые тенденции в экономическом сотрудничестве в ШОС*	*163*	*E.M. Kuzmina* *New Trends in Economic Cooperation in the SCO*
А.В. Посашкова *Процессы региональной интеграции: Опыт МЕРКОСУР и ЕАЭС*	*178*	*A.V. Posashkova* *Regional Integration Processes: The MERCOSUR and EAEU Experience*
А.Я. Щербакова *Россия и Восток: Проблемы безопасности и политического лидерства*	*194*	*A.Ya. Shcherbakova* *Leadership of Russia in Security Field in the East*

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ — **REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS**

Ю.С. Пивоваров — *Yu.S. Pivovarov*
Художник Гитлер: Полемические заметки 202 — *Hitler Was a Painter: Polemical Notes*

Н.И. Бубнова — *N.I. Bubnova*
Закусив удила: Противостояние Дональда Трампа и американских СМИ 222 — *Stand-Off Between Donald Trump and the U.S. Media*

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ — **REVIEWS. SUMMARIES**

О.В. Бабенко — *O.V. Babenko*
Польский журнал «Nowa Europa Wschodnia» о внешней политике России в 2013–2016 гг. (Реферативный обзор) 237 — *Polish Magazine «Nowa Europa Wschodnia» about Russian Foreign Policy in 2013–2016 (Review)*

М.А. Ядова — *M.A. Yadova*
Штер Н. Исключительные обстоятельства: Изменение климата важнее демократии? (Реферат) 243 — *Stehr N. Exceptional Circumstances: Does Climate Change Trump Democracy? (Summary)*

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2017 г. 248 — **CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD» FOR 2017**

М.П. Одесский

ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА: МЕЖДУ «РЕВОЛЮЦИЕЙ ДУХА» И «ПЕРЕВОРОТОМ». (К истории идеологемы «революция»)

Аннотация. *В статье речь идет о словах-идеологемах «революция» и «переворот». Рассматривается история бытования этих идеологем, их употребление в европейской и российской традициях. Делается вывод о том, что в России XIX и XX вв. они часто оказывались синонимами, и даже В.И. Ленин употреблял их в одном значении. Однако теперь эти идеологемы несут различную смысловую нагрузку: «революция» оценивается позитивно, а «переворот» негативно.*

Ключевые слова: *революция, переворот, превращение, В.И. Ленин, П.М. Милюков.*

Одесский Михаил Павлович – доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва. E-mail: modessky@mail.ru

M.P. Odesskii. October of 1917: «The Revolution of Spirit» and «Revolt». (History of the «Revolution» Ideology)

Abstract. *The article describes the words-concepts «revolution» and «revolt», the history of these ideological concepts and their use in European and Russian traditions. It is important that in Russia of the 19th – 20th centuries the words were used as synonymous; even Lenin used them as they were of a single value. Now, however, they have different meaning: «revolution» is evaluated positively and «revolt» – negatively.*

Keywords: *revolution, revolt, transformation, V.I. Lenin, M.P. Milyukov.*

Odesskii Mikhail Pavlovich – Doctor of Philology, Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow. E-mail: modessky@mail.ru

Для языкового сознания современной России характерно противопоставление слов-идеологем «революция» / «переворот». В особенности – примени-

тельно к политическим событиям, случившимся в Октябре 1917 г., когда партии большевиков и левых эсеров свергли Временное правительство и вооруженным путем захватили власть.

Эти слова ныне функционируют как ценностные антонимы: «революция» – вооруженное восстание, которое оценивается позитивно, а «переворот» – тоже восстание, но оцененное негативно. При советской власти, обязанной своим происхождением 1917 г., безальтернативно функционировало словосочетание «Октябрьская революция», после 1991 г. смена вех в отношении к коммунистической идеологии выразилась в утверждении словосочетания «октябрьский переворот». Причем на различных уровнях: публицистики, школьных учебников и т.д. Вот свидетельство современника: «В старших классах уже читала, что Октябрьская революция – это переворот, да и личность Владимира Ильича не так однозначна. Интересно, а что знает о Великой Октябрьской социалистической революции современное совсем юное поколение?» [18].

Характерен в этом аспекте и роман популярного в 1990-х годах прозаика А.И. Слаповского. Там указано: «Кстати, не понимаю, с чего это стали говорить: переворот, большевистский путч – и тому подобное?» [16]. Примечательны и суждения А.Н. Яковлева, признанного «идеологом перестройки». Налицо противопоставление: «Если переворот в октябре 1917 года носил явно разрушительный характер, то французская революция сумела сконцентрировать в своем духовном арсенале важнейшие достижения европейского социального опыта, науки и общественного сознания XVIII века» [15].

Оппозиция стала привычной. Потому о героях исторического романа сказано: «В семье Башуцких, как, впрочем, и в других подобного разряда “переворот” был не слишком восторженным синонимом революции, а жизнь прежняя определяется ностальгически – “мирное время”» [19].

Но стоит отметить, что современники и участники тех событий отнюдь не противопоставляли «революцию» «перевороту». Так, В.П. Катаев, вспоминая в автобиографическом романе «Алмазный мой венец» о друге-поэте и его одесской деятельности периода Гражданской войны, указывал: «Вот, например, как он изображал революционный переворот в нашем городе» [9, с. 351].

Характерно, что нет противопоставления и в мемуарах знаменитого карикатуриста Б.Е. Ефимова, брата влиятельнейшего советского журналиста М.Е. Кольцова: «Молотов обстоятельно описывал, как Сталин подготовил по идее Ленина, организовал и осуществил Октябрьский переворот, то есть Рабоче-крестьянскую революцию»; «То был подлинно исторический Октябрьский переворот, не только потрясший, но и круто, беспощадно, катастрофически и одновременно возвышающе переломивший миллионы судеб»; «Людей, совершивших этот грандиозный переворот, можно восхвалять или

порицать, почитать или хулить, любить или ненавидеть, восхищаться ими или презирать, но они причастны к легендарному историческому событию и сами стали легендарными» [17].

Не подразумевается противопоставление и А.И. Солженицыным. Один из героев романа «В круге первом» – Сталин. По воле автора лидер государства вспоминает, что «семнадцатый год был неприятный год: слишком много митингов, кто красивей врет, того и на руках носят… Сталин это не любил, не умел – выбрасывать слова наперегонки, кто больше и громче. Не такой он себе представлял революцию. Революцию он представлял: занять руководящие посты и дело делать… Авантюрой был и октябрьский переворот (так! – *М. О.*), но удался, ладно» [22, с. 124].

Наконец, примечательно и первое издание словаря С.И. Ожегова. Именно оно устанавливало как языковую, так и политическую норму. Там «переворот» – «коренное изменение в государственной жизни». Приведены и примеры: «революционный переворот»; «государственный переворот» (ср.: «революция» – «коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передает власть в руки передового класса»).

Таким образом, для сторонников «Октября» были синонимичны понятия «революция» и «переворот». Для противников тоже. Лидер партии кадетов П.Н. Милюков в книге «Очерки по истории русской культуры», выпускавшейся и эмигрантскими издательствами, начинает главу «Литература революции и возвращение к реализму» словосочетанием «октябрьская революция»: «Отношение октябрьской революции к литературе и искусству должно быть, конечно, совершенно иным – гораздо более сложным, – чем отношение к церкви и религии» [14, с. 355]. Завершается же глава словосочетанием «октябрьский переворот»: «Предстоит выступление в литературе поколения, выросшего и воспитывавшегося в период времени после октябрьского переворота» [14, с. 409].

В 1921–1924 гг. Милюковым написана «История второй русской революции». Там автор вроде бы противопоставляет позитивно оцениваемые события – характеризуемые негативно: «В дни, предшествовавшие большевистскому перевороту, идеология этого переворота была дана самим вождем большевизма, Лениным, в его брошюре: “Удержат ли большевики государственную власть?”» [13, с. 579].

На деле же терминологического противопоставления нет. Рассуждая о «перевороте», Милюков воспроизводит сказанное большевистским лидером, цитирует его программную брошюру. А Ленин использовал оба термина. Он рассуждал о непобедимости «народной революции», которая «победит весь мир, ибо во всех странах зреет социалистический переворот». И акцентировал: «Наша революция (так! – *М. О.*) непобедима, если она не будет

бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за нами стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемирные силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а напротив, умноженные ею» [11, с. 330].

Получается, что представители поколения 1917-го – как Милюков, лидер Февраля, так и «звезда» Октября Ленин – не противопоставляли термины «революция» и «переворот». Оба вполне адекватно реализовали внутреннюю форму идеологемы «революция», определившую историю ее бытования.

Исходно понятие «revolutio» – латинское. Употреблялось в естественнонаучном контексте. Например, в заглавии хрестоматийно известного с 1553 г. трактата Н. Коперника: «De revolutionibus orbium coelestium», т.е. «Об обращениях небесных сфер». Историю понятия «революция» исследовал, в частности, К. фон Гриванк. Он указал астрономические контексты данного термина – в трудах И. Кеплера и Г. Галилея ([26, p. 171–173; см. также: [21, с. 28–41]).

К XVII в. термин переносится в политическую лексику, что, надо полагать, связано с влиянием астрологии. Так, А. де Перефикс, воспитатель Людовика XIV, именовал «революцией» политику Генриха IV Бурбона, добившегося в 1594 г. полнообъемного восстановления королевской власти после длительных религиозных войн [26, p. 173–174]. «Революция» как насильственное восстановление законности противопоставлена бунту. Таков был узус. Соответственно, Т. Гоббс «революцией» называл реставрацию власти Стюартов – восшествие на английский престол сына Карла I [26, p. 176]. Ну а свержение и казнь Карла I именовалась «Великим бунтом» (Great Rebellion) или «Гражданской войной» (Civil War). Что, к примеру, отражает заглавие написанного в 1702–1704 гг. труда Э. Хайда, графа Кларендона: «The True Historicall Narration of the Rebellion and Civil Wars» (1702–1704). Впрочем, вопрос терминологической характеристики указанных событий остается открытым [см.: 25].

Ныне привычное значение термин обрел в связи со свержением Якова II Стюарта и восшествием на престол Вильгельма III. События 1688–1689 гг. англичане назвали «Славной революцией» (Glorious revolution) [26, p. 179–180]. Это было обусловлено факторами пропагандистского характера. Во-первых, сторонники Вильгельма III характеризовали свои действия как «восстановление» традиционных английских свобод. А во-вторых, принципиально изменился государственный строй. Власть исполнительная – королевская – была ограничена властью парламента, т.е. законодательной.

Именно тогда дискурс был обновлен. «Революцией» именовали насильственное восстановление законных прав, похищенных тираном.

Эту концепцию эксплицировал в 1690 г. Д. Локк. В «Двух трактатах о правлении» декларировалось, что народ, восставший против тирании,

совершает действия законные – «революцию». Соответственно, тираны, посягнувшие на его права, «виновны в мятеже» (guilty of Rebellion) [12, с. 389, 392, 393–394]. Учение Локка стало программой будущих революций. И они уже «знали свое имя» [23, с. 150–151]. В XVIII в. все более распространенным становилось использование локковского истолкования термина «революция». Что закономерно: английский режим многие интеллектуалы признавали образцовым.

Смысловое поле термина все более расширяется. Весьма популярен жанр «истории революций», и авторитеты эпохи Просвещения, характеризуя свое время как переломное, призывали к «революции духа» [26, p. 182–213]. Идеологи американской борьбы за независимость, как известно, использовали эти терминологические конструкции в пропагандистской войне с Англией. А в ходе Великой французской революции предложено было и множество новых интерпретаций.

На образцы «Славной революции» ориентировалось, например, французское Учредительное собрание. Оно торжественно постановило, что надлежит именовать «восстановителем» Людовика XVI, формально отменившего сословные привилегии. Но затем его свергли и судили, а якобинский лидер Л.-А. Сен-Жюст доказывал, что всякий король уже постольку виновен в тирании, поскольку не избран, следовательно – «мятежник и узурпатор» [3, с. 50]. Прагматику суда четко обозначил М. Робеспьер. Он заявил, что смертный приговор Людовику – только средство. Цель же – «внедрить глубоко в сердца презрение к королевской власти и поразить ужасом приверженцев короля» [3, с. 57]. Отныне «революция» – не восстановление нарушенной традиции, но творение совершенно нового и небывалого.

В российской радикальной традиции заимствованное слово «революция» тоже стало идеологемой. Но многие декабристы, движимые патриотическим порывом, передавали французское слово «révolution» русским – «переворот» [см. подробнее: 19, с. 494–502]. Это так называемое семантическое калькирование. Оно было основано на морфологическом: «ré-volution» / «пере-ворот».

Согласно «Словарю Академии Российской» в издании 1822 г., «переворот» – «нечаянная и сильная перемена дел и обстоятельств... *Переворот французский потряс все основания государства*»[1]. Комментируя историю слова «переворот», В.В. Виноградов отметил: «Сближение слова *переворот* с французскими словами *révolution* и *révolte* произошло в конце XVIII в. Понятно, что уже в семантическом облике этого русского слова обозначались признаки и оттенки, активно подготовившие это сближение и ему содействовавшие» [4, с. 449].

1. Здесь и далее: курсив в авторском тексте.

П.И. Пестель тоже использовал слово «переворот» как синоним слова «революция». Это фиксируется, например, показаниями Пестеля на следствии: «Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали… столько *революций* совершенных, столько *переворотов* (так! – *М. О.*) произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с *революциями*, с возможностями и удобностями оные производить». «К тому же, – добавлял декабрист, – имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается *революционными* мыслями» [5, с. 105].

Русские интеллектуалы в качестве альтернативы революционному слову «переворот» пытались предложить архаизирующее, церковно-славянское слово «превращение». Это прием новаторский. Причем новаторство вполне осознанное, целенаправленное. Термин создан как результат поморфемной славянизации: «переворот»: «пере-ворот» / «пре-вращение». Архаизация в области культуры довольно популярна в ту пору. И Пестель был ей отнюдь не чужд [10]. Наряду с русским термином «переворот» он использовал и славянизм – «превращение». Так, утверждал, что на политическое развитие государства «добрые планы могут иметь хорошее действие и влияние даже без *превращения (революции)*» [5, с. 87].

В такого рода примерах заметна тенденция. Посредством уловок достигается синонимизация понятий «революция», «переворот» и «превращение». От «революции» отодвигаются все дальше – на два шага. С учетом этих уловок можно найти объяснение и кажущемуся странным монологу Чацкого в первом явлении третьего действия комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» [8, с. 115]:

Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов,
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иный по армии, иный плохим поэтом,
Иный... Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.

Автор, как известно, был к архаистам близок. Потому и отсылал читателей к исходной – «естественно-научной» – традиции бытования термина «революция».

Шутка была понятна не только современникам. Например, А.И. Герцен иронически описывал в «Былом и думах» незадачливого полицмейстера, который при обыске, взглянув на обложку издания, счел крамольной «речь Кювье “Sur les révolutions du globe terrestre”» [6, с. 112]. Имелось в виду сочи-

нение французского естествоиспытателя Ж. Кювье «Discours sur les révolutions de la surface du globe…» – «Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара…».

Неожиданной кажется связь комедии «Горе от ума» и царского манифеста 19 декабря 1825 г. Однако и в нем – слово «превращения». Манифест содержал, во-первых, официальную версию декабристского восстания. А во-вторых, – призыв видеть различия «между любовью к отечеству и страстию, между желаниями лучшего и бешенством превращений...» [цит. по: 23, с. 329].

Исходя из сказанного, отметим, что изначально в русской традиции, формировавшейся под влиянием общеевропейской, слова «революция» и «переворот» («превращение») – не оценочные. Таковой стала оппозиция «революция духа / сознания – революция <политическая>». В данном случае указывалось, что восстание приводит к ограниченным политическим изменениям, но не к принципиальным трансформациям и установлению справедливого строя, которые ожидают от истинной революции.

Такую оппозицию содержит трактат Андрея Белого «История становления самосознающей души», создававшийся с середины 1920-х и до начала 1930-х годов. К примеру, указано, что «в этом смешении духа Люцифера и Аримана, в уравновешивании их друг другом – явление выявления всякой *"политической"* революции, в отличие от революции собственно, изживающей себя в трех пластах: 1) как революция *социальная*, которая есть революция внесения символов *"экономики"*, символов астрального тела в душу ощущений в будущем движении пролетариата, 2) как революция политическая, которая есть – такое же внесение символов души ощущающей, политической, *"личной"* свободы в душу рассудочную, 3) как революция сознания, которая есть внесение символов обеих революций в самосознание наше» [1, с. 137–138].

Трактат был предназначен для распространения среди антропософов, так сказать, для антропософского «самиздата». Автор потому и позволял себе весьма осторожное оппонирование государственным идеологическим установкам. Зато в брошюре «Революция и культура», печатавшейся между Февралем и Октябрем 1917 г., высказался открыто: «Революция производственных отношений есть отражение революции, а не сама революция; экономический материализм полагает лишь в ней чистоту; и полагает он: революции духа – не чисты; они буржуазны. Революция чистая, революция, собственно, еще только идет из туманов грядущей эпохи. Все иные же революции по отношению к этой последней – предупреждающие толчки, потому что они *буржуазны* и находятся внутри эволюционного круга огромной эпохи, именуемой нами *"история"*…» [2, с. 303].

Очередное «странное сближенье» – в одной из статей Максима Горького из цикла «Несвоевременные мысли», публиковавшегося газетой «Новая жизнь». Автор был отнюдь не единомышленником Андрея Белого, однако использовал те же семантические нюансы, полемизируя с большевистским режимом в декабре 1917 г.: «Но всего больше меня и поражает, и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда» [7, с. 99].

Подводя итоги, можно констатировать, что термины «революция» и «переворот», использующиеся ныне для обозначения позитивно или негативно оцениваемого восстания – отнюдь не универсальны. Они даже не историчны. Но отсюда вовсе не следует, что такое использование вообще неуместно. Уместно осознанное и ответственное отношение к словесному облачению смыслов.

Библиография

1. Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+, 2004. 560 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Беркова К.Н. Процесс Людовика XVI. Пг.: Гос. изд-во, 1920. 168 с.
4. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка, 1999. 1142 с.
5. Восстание декабристов: Документы и материалы и. М.; Л.: Центрархив, 1927. Т. 4. 488 с.
6. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965. Т. 8. 519 с.
7. Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М.: ИНТЕРКОНТАКТ, 1990. 193 с.
8. Грибоедов А.С. Соч. в стихах. Л.: Сов. писатель, 1967. 520 с.
9. Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Соч.: В 4 т. М.: Вагриус, 2005. Т. 2. С. 229–478.
10. Азиатцев Д.Б., Киянская О.И. Опись библиотеки П.И. Пестеля на русском языке // 14 декабря 1825 года. СПб.; Кишинев: Нестор, 2002. Вып. V. С. 17–27.
11. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 289–339.
12. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.
13. Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
14. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М.: Прогресс-Культура, 1994. Т. 2. Ч. 1. 416 с.
15. Национальный корпус русского языка: Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 1. (2001). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C5%F1%EB%E8%20%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2%20%E2%20%EE%EA%F2%FF%E1%F0%E5%201917%20%E3%EE%E4%E0%20%ED%EE%F1%E8%EB%20%FF%E2%ED%EE%20%F0%E0%E7%F0%F3%F8%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%E9%20%F5%E0%F0%E0%EA%F2%E5%F0&docid=49107 (Дата обращения: 15.07.2017.)

16. Национальный корпус русского языка: Алексей Слаповский. День денег (1998). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2%2C%20%E1%EE%EB%FC%F8%E5%E2%E8%F1%F2%F1%EA%E8%E9%20%EF%F3%F2%F7%20%96%20%E8%20%F2%EE%EC%F3%20%EF%EE%E4%EE%E1%ED%EE%E5&docid=49018 (Дата обращения: 15.07.2017.)

17. Национальный корпус русского языка: Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CB%FE%E4%E5%E9%2C+%F1%EE%E2%E5%F0%F8%E8%E2%F8%E8%F5+%FD%F2%EE%F2+%E3%F0%E0%ED%E4%E8%EE%E7%ED%FB%E9+%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2%2C+%EC%EE%E6%ED%EE+%E2%EE%F1%F5%E2%E0%EB%FF%F2%FC+%E8%EB%E8+%EF%EE%F0%E8%F6%E0%F2%FC%2C+%EF%EE%F7%E8%F2%E0%F2%FC+%E8%EB%E8+%F5%F3%EB%E8%F2%FC (Дата обращения: 15.07.2017.)

18. Национальный корпус русского языка: Светлана Савельева. «Белые» и «красные»? Это... фломастеры (2004) // Вечерний Екатеринбург. 2004, 11 июня. http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C2+%F1%F2%E0%F0%F8%E8%F5+%EA%EB%E0%F1%F1%E0%F5+%F3%E6%E5+%F7%E8%F2%E0%EB%E0%2C+%F7%F2%EE+%CE%EA%F2%FF%E1%F0%FC%F1%EA%E0%FF+%F0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%E8%FF+%96+%FD%F2%EE+%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2 (Дата обращения: 15.07.2017.)

19. Национальный корпус русского языка: Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%FB%EB%20%ED%E5%20%F1%EB%E8%F8%EA%EE%EC%20%E2%EE%F1%F2%EE%F0%E6%E5%ED%ED%FB%EC%20%F1%E8%ED%EE%ED%E8%EC%EE%EC%20%F0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%E8%E8&docid=114358 (Дата обращения: 15.07.2017.)

20. Одесский М.П. Вольнодумный тезаурус декабристов: Révolution – революция – переворот – превращение // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 494–502.

21. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти: Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.

22. Солженицын А.И. В круге первом. М.: Худ. литература, 1990. 766 с.

23. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. 432 с.

24. Шильдер Н. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. М.: Чарли; Алгоритм, 1997. Кн. 1. 752 с.

25. Эйлмер Дж. Восстание или революция. СПб.: Алетейя, 2004. 264 с.

26. Griewank K. von. Der neuzeitliche Revolutionsbegriff: Entstehung und Entwicklung. Weimar: Böhlaus Nachfolger, 1955. 498 S.

References

Aziatcev D.B., Kiyanskaya O.I. Opis' biblioteki P.I. Pestelja na russkom jazyke // 14 dekabrja 1825 goda. Saint Petersburg; Kishinev: Nestor, 2002. Vol. V. P. 17–27.

Belyj A. Dusha samosoznajushhaja. M.: Kanon+, 2004. 560 p.

Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie. M.: Respublika, 1994. 528 p.

Berkova K.N. Process Ljudovika XVI. Pg.: Gos. izd-vo, 1920. 168 p.

Gercen A.I. Sobr. soch.: V 30 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954–1965. Vol. 8. 519 p.

Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli i rassuzhdenija o revoljucii i kul'ture (1917–1918). Moscow: INTERKONTAKT, 1990. 193 p.

Griboedov A.S. Soch. v stihah. L.: Sov. pisatel', 1967. 520 p.

Griewank K. von. Der neuzeitliche Revolutionsbegriff: Entstehung und Entwicklung. Weimar: Böhlaus Nachfolger, 1955. 498 S.

Jejlmer Dzh. Vosstanie ili revoljucija. Saint Petersburg: Aletejja, 2004. 264 p.

Kataev V.P. Almaznyj moj venec // Kataev V.P. Soch.: V 4 t. Moscow: Vagrius, 2005. Vol. 2. P. 229–478.

Lenin V.I. Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennuju vlast'? // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Vol. 34. P. 289–339.

Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Lokk Dzh. Soch.: V 3 t. Moscow: Mysl', 1988. Vol. 3. P. 135–406.

Miljukov P.N. Istorija vtoroj russkoj revoljucii. Moscow: ROSSPJeN, 2001. 767 p.

Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury: V 3 t. Moscow: Progress-Kul'tura, 1994. Vol. 2. Ch. 1. 416 p.

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: Aleksandr Jakovlev. Omut pamjati. Vol. 1. (2001). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C5%F1%EB%E8%20%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2%20%E2%20%EE%EA%F2%FF%E1%F0%E5%201917%20%E3%EE%E4%E0%20%ED%EE%F1%E8%EB%20%FF%E2%ED%EE%20%F0%E0%E7%F0%F3%F8%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%E9%20%F5%E0%F0%E0%EA%F2%E5%F0&docid=49107 (Data obrashhenija: 15.07.2017.)

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: Aleksej Slapovskij. Den' deneg (1998). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2%2C%20%E1%EE%EB%FC%F8%E5%E2%E8%F1%F2%F1%EA%E8%E9%20%EF%F3%F2%F7%20%96%20%E8%20%F2%EE%EC%F3%20%EF%EE%E4%EE%E1%ED%EE%E5&docid=49018 (Data obrashhenija: 15.07.2017.)

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: Boris Efimov. Desjat' desjatiletij (2000). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CB%FE%E4%E5%E9%2C+%F1%EE%E2%E5%F0%F8%E8%E2%F8%E8%F5+%FD%F2%EE%F2+%E3%F0%E0%ED%E4%E8%EE%E7%ED%FB%E9+%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2%2C+%EC%EE%E6%ED%EE+%E2%EE%F1%F5%E2%E0%EB%FF%F2%FC+%E8%EB%E8+%EF%EE%F0%E8%F6%E0%F2%FC%2C+%EF%EE%F7%E8%F2%E0%F2%FC+%E8%EB%E8+%F5%F3%EB%E8%F2%FC (Data obrashhenija: 15.07.2017.)

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: Jurij Davydov. Sinie tjul'pany (1988–1989). http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%FB%EB%20%ED%E5%20%F1%EB%E8%F8%EA%EE%EC%20%E2%EE%F1%F2%EE%F0%E6%E5%ED%ED%FB%EC%20%F1%E8%ED%EE%ED%E8%EC%EE%EC%20%F0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%E8%E8&docid=114358 (Data obrashhenija: 15.07.2017.)

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: Svetlana Savel'eva. «Belye» i «krasnye»? Jeto... flomastery (2004) // Vechernij Ekaterinburg. 2004, 11 ijunja. http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%C2+%F1%F2%E0%F0%F8%E

8%F5+%EA%EB%E0%F1%F1%E0%F5+%F3%E6%E5+%F7%E8%F2%E0%EB%E0%2C+%F7%F2%EE+%CE%EA%F2%FF%E1%F0%FC%F1%EA%E0%FF+%F0%E5%E2%EE%EB%FE%F6%E8%FF+%96+%FD%F2%EE+%EF%E5%F0%E5%E2%EE%F0%EE%F2 (Data obrashhenija: 15.07.2017.)

Odessky M.P. Vol'nodumnyj tezaurus dekabristov: Révolution – revoljucija – perevorot – prevrashhenie // Dekabristy: Aktual'nye problemy i novye podhody. Moscow: RGGU, 2008. P. 494–502.

Odessky M.P., Feldman D.M. Pojetika vlasti: Tiranoborchestvo. Revoljucija. Terror. Moscow: ROSSPJeN, 2012. 263 p.

Shil'der N. Imperator Nikolaj Pervyj: Ego zhizn' i carstvovanie. Moscow: Charli; Algoritm, 1997. Kn. 1. 752 p.

Solov'ev Je.Ju. Proshloe tolkuet nas: Ocherki po istorii filosofii i kul'tury. Moscow: Politizdat, 1991. 432 p.

Solzhenicyn A.I. V kruge pervom. Moscow: Hud. literatura, 1990. 766 p.

Vinogradov V.V. Istorija slov. Moscow: Institut russkogo jazyka, 1999. 1142 p.

Vosstanie dekabristov: Dokumenty i materialy i. Moscow; Leningrad: Centrarhiv, 1927. Vol. 4. 488 p.

В.П. Булдаков

КАК ПОНЯТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?

Аннотация. *В статье предпринимается попытка осмыслить причины и значение российской революции 1917 г. Автор полемизирует с разного рода «конспирологическими» и «просветительскими» объяснениями революции. Сделан вывод, что революция была вызвана внутренними закономерностями развития России. В статье намечены дальнейшие пути изучения русской революции как великого исторического феномена.*

Ключевые слова: *революция, В.И. Ленин, большевики, анархисты, кризис.*

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).
E-mail: kuroneko@list.ru

V.P. Buldakov. How to Understand the Revolution?

Abstract. *The author tries to understand the causes and the significance of the Russian revolution of 1917 and argues with different «conspiracy» and «educational» explanations of the revolution. The author comes to a conclusion that the revolution was caused by the internal laws of Russian development. The article contains ways of further study of the Russian revolution as the great historic phenomenon.*

Keywords: *revolution, V.I. Lenin, the bolsheviks, the anarchists, the crisis.*

Buldakov Vladimir Prokhorovich – Ph.D. (History), chief research fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: kuroneko@list.ru

100-летие революции мы встречаем в довольно нелепой историографической ситуации. С одной стороны, нам предлагают решительно осудить случившееся, признав революцию злом, не находящим себе оправдания: 1917-й – это «России черный год». Налицо предложение вывести этот гран-

диозный феномен за скобки исторической науки. С другой стороны, нам подсказывают, что это величайшее событие надо все же отметить, но так, чтобы не допустить разгула страстей.

Впрочем, сколько событий отмечать: одно или два? Для некоторых такие символы, как Февральская и Октябрьская революции, давно превратились в некие идейно-политические маркеры и даже «историософские» установки. А кое-кто вовсе не признает случившееся революцией, предпочитая использовать «уничижительный» термин – переворот. В общем, повторяется ситуация 1917 г.: эмоции порождают слова, слова заслоняют реалии.

Конечно, довольно удобно считать, что Октябрь перечеркнул все демократические завоевания Февраля. Не менее соблазнительно утверждать, что Февраль и Октябрь – две предопределенные ступени восхождения человечества к «светлому будущему». Мы как бы признаем, что Россия закономерно совершила социалистическую революцию, встав в авангарде всеобщего прогресса. И тот факт, что окончательное торжество не состоялось, можно списать на злокозненность каких угодно «темных сил».

Итак, мы все еще находимся в пространстве мифов, порожденных 100 лет назад. А потому прежде чем задуматься над значением реалий 1917 г., следовало бы настроить, точнее, перенастроить, исследовательскую оптику, осуществив заодно некую коррекцию нашей психики применительно к историческому процессу.

Несомненно, мы остаемся обладателями дурного историографического наследства. Так называемая история КПСС, вкупе с «научным коммунизмом», забивавшая всякую историческую мысль, была диктаторской прикладной дисциплиной, призванной утвердить наукообразную «веру». Выдающийся социолог Э. Геллнер как-то заметил, что коммунистические правители ухитрились сделать официальной государственной доктриной и основой социального порядка «не что иное, как саму *теорию истории*» [39, p. VIII]. Эта амальгама «науки» и мифа – поистине выдающееся государственное «достижение» коммунистических правителей. Но можно ли от этого избавиться? И как?

Во-первых, стоило бы признать, что мы самым нелепым образом отделяем *свою* историю от истории всемирной. В лучшем случае считается, что последняя существует *сама по себе* – таково наследие былой автаркии. И если признается, что внешний мир оказывает на нас воздействие, то, конечно, воздействие негативное. Между тем наша связь с мировым историческим процессом была и остается чрезвычайно тесной: нет таких мировых идей, которые мы не пытались бы примерить на себя, нет таких общечеловеческих заблуждений, которые миновали бы русскую историю.

Во-вторых, наш взгляд на собственное прошлое носит «обиженный» и даже «страдальческий» характер: принято считать, что нам крупно не

повезло. Изредка встречаются, правда, заявления противоположного характера: русская история провозглашается *особо успешной* [35, с. 7–9]. Но зачем эти эмоции: важно усвоить, что это *твоя* история. Необходимо преодолеть отчуждение от собственного прошлого.

В-третьих, наше непонимание истории связано с этатистским взглядом на «дела давно ушедших дней». Стоит напомнить, что в античные времена история представлялась «историей богов», затем наступила «история королей», сегодня преобладает «история народов» – социальная история. Последняя, в свою очередь, уступает место «истории человека». Мы же по-прежнему колдуем над «историей королей», втиснутую в «материалистическую» схему. И этому детскому занятию, похоже, нет конца.

Наконец, стоит заметить, что человек, «выключенный» из собственной истории, но вдохновленный европейским «прогрессом», непременно будет воспринимать события своей революции по лекалам революций Запада. Так, в 1917 г. о событиях, скажем, мексиканской революции в России никто не вспоминал, зато политики были намерены следовать образцам Великой французской революции, запечатленным в работах историков либерального направления. При этом о том, что России желательно поскорее выбраться из ненавистной войны, «европеизированные» политики предпочитали не вспоминать. Вдобавок почему-то существовала уверенность, что решение аграрного вопроса можно оттягивать до бесконечности, чтобы в удобный для политиков момент «правильно» решить его сверху.

Нетрудно догадаться, с чем связана задержка в формировании современного исторического сознания и самосознания. Россия все еще представляет собой социальную систему замкнутого авторитарно-патерналистского, а не открытого гражданского типа. Соответствующий тип сознания, законсервированный «отеческой» властью, мешает нам ориентироваться в собственной истории. Отсюда особая убежденность в способности «темных сил» управлять нашей судьбой.

В таких условиях история проще всего воспринимается через «героев и злодеев». Это успокаивает национальное самолюбие, но блокирует поиски истины. И тогда применительно к переломным временам наиболее основательно сказывается «принцип параллакса» (С. Жижек): всякий объект меняет свою конфигурацию в зависимости от угла зрения. Увы, у нас всякий взгляд в прошлое слишком переполнен «возвышенными» эмоциями. Разумеется, сказывается и другая, еще более пагубная привычка, ведущая начало от Н.М. Карамзина: вольное или невольное сочинение «вдохновляющей» истории «для начальства». Подчас это приобретает откровенно лакейские формы. А всего приятнее власть предержащим бывает использовать «разоблачение» революционных угроз ее застойному существованию.

Нынешнее историческое воображение россиянина не случайно пронизано конспирологией. Наш кругозор исторического воображения катастрофически заужен. Кто сегодня вспомнит, что начало XX в. – время великих страстей для всего мира? Кто станет сравнивать катастрофические события отдаленного российского прошлого с революцией 1917 г.? Между тем события русской революции можно понять только во всемирно-историческом контексте.

Европейский XX век начинался как время великих иллюзий и человеческих страстей. С начала XX в. европейские народы жили ощущением неустойчивости ситуации. Это провоцировало соблазн рывка вперед – в том числе и через «освободительную» войну. Сегодня причины, ее породившие, вполне различимы: демографический бум привел к «омоложению» населения; промышленный прогресс убеждал во «всесилии» человека; информационная революция усиливала иллюзорный компонент сознания, словно переворачивая его с ног на голову. Соответственно возрастала эмоциональность, а заодно и агрессивная «безрассудность» социальной среды. Распознать в то время глубинную природу происходящего было сложно (если вообще возможно), зато натурам поэтическим легко было впасть в тревожное ожидание.

Успехи материального «прогресса» вкупе с информационной революцией привели к тому, что человек утратил органичность мировосприятия, связанную с Верой. Произошел своего рода эмоциональный перегрев европейской культурной среды – относительно «сытой», старающейся мыслить «рационально», но остающейся неустойчивой социально и психически. «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает ее жертвой меняющихся настроений и предположений», – писал историк П.Г. Виноградов [9, с. 438]. *Mass media* доводили эти настроения до вспышек истерии.

Исследователи отмечают, что и российское культурное пространство уже давно жило смутными ожиданиями то ли «великого переворота» (Л. Толстой), то ли «века духовного обновления» (М. Горький), то ли «новой, неведомой культуры, которая с нами возникает, но и нас же отметет» (С.П. Дягилев) [32, с. 140]. И то что религиозные мыслители – от В. Соловьева до П. Флоренского – искали пути выработки «цельного знания», синтезирующего мистическое, рациональное и эмпирическое, отнюдь не спасло российское социальное пространство от вытеснения туманных идеалов соблазнительными проектами «всеобщего счастья», насаждаемыми демагогами. Таковы естественные последствия разрушения прежних моральных и эстетических иерархий.

Сегодня «Великая российская революция» упорно описывается по лекалу Великой французской революции [38]. В свое время «творцы» Февраля также мысленно сопоставляли ход революции с соответствующими событиями во

Франции. Вероятно, именно поэтому февральский переворот был дружно наречен «бескровным» – его свидетели слишком хорошо знали о бесчинствах Французской революции [17, с. 267–378], не говоря уже о революционном терроре 1905–1906 гг.

Между тем русская революция 1917 г. прошла в контексте многочисленных, порой не менее свирепых революций на периферии европейского мира. Она в некотором смысле началась еще в 1902 г. (резкий рост крестьянского бунтарства), продолжилась в 1905–1907 гг. [15; 6, с. 10, 15, 17, 177]. Накануне Первой мировой войны в столице начались серьезные рабочие выступления. Одновременно на грани революционных потрясений оказались и развитые европейские страны. Но мы почему-то считаем себя несчастными пасынками истории, которая адресует всевозможные напасти нам одним. В общем, это отголосок психологии людей несвободных, это, если угодно, дискурс существ, навсегда обиженных «несправедливой» властью.

Разумеется, историческое значение авторитарной власти далеко не однозначно. Тем не менее очевидно, что в предвоенные годы и тем более в условиях тотальной войны управлять Россией по-старому мог только сильный и энергичный самодержавный правитель. Между тем трудно представить человека, столь же не подходящего на эту роль, как Николай II. Но почему-то в истории ему упорно отводится роль «страстотерпца». Известно, однако, что к концу его правления «самодержавная» власть оказалась настолько беспомощной, что ее не пришлось даже по-настоящему свергать. Между прочим, в одном из обращений Временного комитета Государственной думы признавалось (и это походило на оговорку по Фрейду), что «старая власть, губившая Россию, распалась» [26, с. 144]. «Революции не было, – записал в дневнике в 1917 г. московский литературовед Н.М. Мендельсон, – самодержавие никто не свергал. А было вот что: огромный организм, сверхчеловек, именуемый Россией, заболел каким-то сверхсифилисом. Отгнила голова – говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вранье: отгнила голова и отвалилась» [цит. по: 33, с. 503]. «Русь слиняла в два дня, – изумлялся В.В. Розанов. – Самое большее – в три»[1]. Однако немногие сознавали и тем более – готовы были признать, что самодержавие было вовсе не свергнуто восставшим народом: «гнилое правительство… рухнуло бесследно» само по себе [25, с. 186].

Казалось бы, нормальный историк отнесет подобные мнения к числу «намеков Клио», стимулирующих поиск глубинных причин произошедшего. Напротив, для болезненного воображения конспиролога бесславное падение монархии явится стимулятором поиска «заговорщиков». И его ничуть не смутит абсурдность подобного дискурса: могущественную державу повалила

1. И здесь же он приводил мнение 60-летнего старика из Новгородской губернии: «Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть» [см.: 31, с. 6–7].

кучка салонных инсургентов. И неужели вслед за тем 160-миллионный народ действительно стал легкой добычей политических демагогов?

Возможно, самое поразительное в нашем сегодняшнем историческом сознании связано с тем, что фантазийная конспирология легко уживается с материалистическим взглядом на историю. И здесь действует «железная» логика. Если предреволюционная России «процветала» в хозяйственном отношении, уверенно двигаясь «от традиции к Модерну», если народ «благоденствовал», то никаких объективных предпосылок революции быть не могло. Марксистская догма посрамлена «экономическим детерминизмом»!

Носители такой логики, похоже, начисто забыли, что «не хлебом единым жив человек». (Впрочем, чтобы превратить «сытого» человека в бунтаря, порой достаточно всего трех голодных дней.) Забывается и о том, что ощутимый рост благосостояния, особенно в авторитарно-патерналистских системах, порождает еще больший всплеск социальных ожиданий. И если подобный процесс резко прерывается по «неведомым» причинам, взрыв социального недовольства неизбежен.

Самое удручающее в данной историографической ситуации – это то, что мы не умеем «расшифровывать» истоки сегодняшних историографических заблуждений. Понятно, что современные конспирологии в значительной степени призваны удовлетворить досужее обывательское любопытство, не имеющее никакого отношения к собственно истории, – это часть нашего мифологического пространства, требующего непременного присутствия в прошлом и настоящем неких вездесущих «темных сил». Но почему так живуча вера в заговоры, откуда вырастают слухи о них? Вероятно, это удел людей, сознание которых было так покорежено за 74 «революционно-застойных» года, что они лишились способности мыслить независимо от политики и политиков.

В свое время Февральская революция стала неожиданностью для всех. Все ждали не начала грандиозной социальной революции, а всего лишь подвижки в верхах, связанной с избавлением от некоторых «вредоносных» личностей. По этой логике убийство Распутина должно было завершиться устранением нелюбимой «немки» – императрицы Александры Федоровны. Соответственно конструировались слухи. «Что даст нам наступивший год?.. – риторически 1 января 1917 г. вопрошал историк М. Богословский. – Всякие ползучие слухи отравляют меня… Все время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа» [2, с. 287]. Действительно, собственно революции (политическому перевороту) предшествовали многочисленные домыслы о покушениях на представителей царствующего дома. Стреляли в них непременно гвардейские офицеры – называли даже «звучные» фамилии [3, с. 116–117; 6, с. 414]. Кому-то якобы удавалось ранить или даже убить императрицу, похоже, пострадал и сам Николай II. Такие известия изумляли

иностранцев [27, с. 169]. Очевидно, что слухи указывали на общественную необходимость устранения некоего препятствия. Но кем?

Между прочим, британский вице-консул в Москве рассказал об интересном феномене: еще в феврале 1915 г. ему не раз звонили интеллигентные русские люди, офицеры, спрашивая, когда, наконец, «Англия избавит Россию от немки» (императрицы) [22, с. 107]. Вряд ли такое можно было присочинить. Очевидно, что многочисленные ненавистники Александры Федоровны до такой степени не верили в собственные силы, что готовы были поверить в «спасительное» вмешательство «извне» – абсурдное с дипломатической точки зрения. Само по себе наличие многочисленных слухов о заговорах подтверждает отсутствие *реальных* заговорщиков – действия таковых обычно опережают соответствующие слухи.

Конспирологическая «логика» конца 1916 – начала 1917 г. естественно подхватывалась людьми параноидального склада. Так, известный «геополитик» и сотрудник «Нового времени» А.Е. Вандам [Едрихин] перед самой войной уверял: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире…» [7, с. 185]. Правда, при этом он оставался сторонником союза с Германией, очевидно, считая его залогом российского процветания [6, с. 53–54]. Естественно, в апреле 1917 г. он так объяснял происходящее: «Революцию сделала Англия», а «комитет рабочих и солдатских депутатов направляется еврейством и большим капиталом». Между прочим, он же утверждал, что Милюков «давно жил в английском посольстве» и «в карете ездил с Бьюкененом» [34, с. 388, 391].

Порой конспирология становится заразительной, что соответственно используется политиками. Так, даже В.И. Ленин (вроде бы не склонный верить в могущество «темных сил») как-то заявил, что Февральская революция – это результат заговора английского и французского посольств, поддержанного Гучковым, Милюковым и генералитетом, с целью «помешать “сепаратным” соглашениям и сепаратному миру Николая Второго» [21, с. 16]. Понятно, что болезненные фантазии и политические инсинуации 1917 г. люди известного сорта непременно постараются протянуть до наших дней.

На деле революцию по-своему напророчила вся русская культура с ее нетерпеливыми элитами. Православное мессианство перемежалось с духом культурного самоуничижения перед Западом. Жуткие предвосхищения Пушкина и Лермонтова соседствовали с утопическими порывами Гоголя единым махом сбросить с России пороки прошлого. Революция поселилась *внутри* России. Но *какая* революция? Анархо-гедонистическая – как у идеологов общинного социализма? Или марксистская, образом которой, заодно с утопией Чернышевского, вдохновлялся Ленин? И может быть, «революция» Степана Разина и Емельяна Пугачева?

Этатизированность нашего исторического сознания подчас парализует историческое воображение. Почему, скажем, не допустить, что революция 1917 г. вкупе с Гражданской войной была известного рода воспроизведение системного кризиса империи XVII в., известного как Смутное время? Между прочим, после утверждения большевизма некоторые русские мыслители (причем самых различных политических ориентаций) отмечали, что русская революция была скорее воспроизведением событий 300-летней давности, нежели подобием европейских революций. К сравнениям Октября со Смутой XVII в. прибегли и консервативный либерал П. Струве, и правый политик Т. Локоть (тоже бывший социал-демократ), и кадет-сионист Д. Пасманик [36, с. 32–33; 23; 28, с. 17, 20, 23], и кто-то еще – упомнить всех невозможно. Что касается писателей и поэтов, наиболее способных к интуитивному постижению «духа времени», то они не раз (главным образом в 1920-е годы) отмечали повторяемость исторических событий в России и ощущали себя «сейсмографами». Впрочем, о подобной повторяемости – в силу неизменности человеческих качеств – писал еще Фукидид. Всякая архаичная система рискует стать жертвой эндогенного «застоя», оказавшегося беспомощным перед вызовами исторического времени.

На основании подобных предположений нетрудно составить общую схему системных кризисов, поражающих авторитарно-патерналистские системы. Можно условно выделить отдельные уровни или стадии их протекания: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный. Соответствующие им компоненты действуют на всех стадиях его развития, но с различной интенсивностью. Это связано с тем, что механизм раскрутки и течения кризиса связан с характерными изменениями массового сознания и психологии [см.: 5, с. 53–63]. При таком взгляде на кризис главную сложность составляет отыскание той точки бифуркации, когда общественное нетерпение приобретает агрегорную целостность. Начиная с этого момента даже действие сил самосохранения приобретает провоцирующий, а не сдерживающий характер. В начале 1917 г. такая точка вполне обозначилась: от власти ожидали чего угодно, но не «исправления».

Задолго до 1917 г. было отмечено, что европейские ментальные недуги порождают на русской почве целые эпидемии. Самую опасную из них породило вторжение в Россию марксизма. Впервые русская интеллигенция столкнулась с утопией, покрытой броней «научного» знания. Соответствующего противоядия внутри России не нашлось.

Стало общим местом говорить о «двухслойности» российского культурного пространства. Однако не замечают, что и урбанистическая культура европеизированных «верхов», и традиционалистская культура «низов» к началу XX в. все активнее противостояли друг другу. В первом случае

возобладало тяготение к западной демократии и развитию, во втором – к патерналистской архаике и самодостаточности. Их «примирение» могло состояться только на основе «обновленной» утопии.

Утопия становится разрушительной, если ее наполняет страсть насилия. Почему-то считается, что ее приверженцы, как и всякие доктринеры, оставались людьми бесстрастными. Сегодня трудно поверить, что большевики образца 1917 г. смотрелись паиньками на фоне всевозможных анархистов и максималистов. Среди брошюр, издаваемых (и переиздаваемых в 1905–1906 гг.), были труды европейских анархистов. Некоторое из них об «опиуме для народа» писали следующее: «Будем надеяться, что массы скоро перестанут поддаваться обману, что скоро наступит тот день, когда распятие и иконы будут брошены в печь… церкви будут обращены в залы для концертов, театральных представлений или собраний… Разумеется, такое радикальное преобразование будет возможно только тогда, когда вспыхнет приближающаяся уже социальная революция, т.е. когда будут уничтожены все сообщники попов – монархи, бюрократы и капиталисты» [24, с. 30]. Будущим «воинствующим безбожникам» было у кого поучиться.

В сущности, анархисты стремились перевернуть всю ценностную иерархию. Им казалось, что повернуться лицом к будущему – значит, прежде всего, отвернуться от государства, его институтов, религии и морали – всех симулякров и культурной ауры старого строя. «“Дворники, творите анархию!”, “Швейцары, творите анархию!”, “Кандальщики, воры, убийцы, проститутки! Сыны темной ночи, станьте рыцарями светлого дня… Творите анархию!”» [13, с. 38], – взывали братья Гордины, рассчитывая перевоспитать всех «униженных и оскорбленных». Спрашивается, из каких глубин психики мог подняться подобный протест?

Свою роль сыграла и проповедь интернационализма. Человек, потерявший чувство родины, лишается естественных культурных сдержек. Характерный случай был зафиксирован в конце августа в Одессе. Воспользовавшись попыткой выступления анархистов, черносотенные элементы стали призывать к еврейскому погрому [16]. В том же месяце в Ташкенте на съезде воров была образована группа, именующая себя анархистами [14, л. 85]. И весь этот сброд маргинальных осколков старой России тоже сыграл роль «революционеров».

Победа большевиков в известном смысле была победой силы и страсти над политическим теоретизированием интеллигенции. Настал момент, когда все решается «не совещаниями, не съездами», – убеждал Ленин. «Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!», – требовал он вечером 24 октября (6 ноября) 1917 г. [20, с. 436].

Но к этому моменту колебались все. «Во всем Петрограде невозможно было найти ни одного сколь-нибудь спокойного и уравновешенного человека»

[11, с. 272], – уверяли наблюдатели событий. М. Пришвин, походив по столичным «общественным говорильням», пришел к выводу: «Нет, не теми словами говорим мы и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего, – отмечал он в дневнике. – Наши слова мертвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил» [29, с. 86]. И либералы, и лидеры умеренных социалистов не смогли подобрать ключ к возбужденной психике народных масс. В действие вступили силы *мета*истории, воспринимаемые как (дурная) стихия.

Несомненно, большевикам для победы хватило всего двух лозунгов: «Мир!» и «Земля!». Именно они отвечали настрою толп. Поразительно, что на второй день работы II Всероссийского съезда Советов делегаты практически единогласно вотировали все предложения большевиков. Когда один из делегатов робко попытался поднять руку против Декрета о земле, «вокруг него раздался такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку...» [30, с. 152]. Действовала магия коллективного внушения. Порой голосовали вопреки наказам избирателей. Лишь 75% формальных сторонников Ленина поддержали лозунг «Вся власть Советам!», 13% большевиков устраивал девиз «Вся власть демократии!», а 9% даже считали, что власть должна быть коалиционной [10, с. 107]. Это была победа эмоций над политическим расчетом. После Октября в подобных эмоциях власть уже не нуждалась.

Характерно, что после большевистской победы анархисты продолжали «революционизировать» массы. 13 ноября 1917 г., выступая в цирке «Модерн», В.Л. Гордин пообещал: «Мы большевистское правительство низвергнем». Через несколько дней другой анархист Г. Сахновский заявил в адрес большевиков: «Не забывайте, что теперь есть группы более левые, чем вы» [цит. по: 19, с. 93].

О русской революции не стоит судить по «победившей» партии. Революцию делала не только она и даже не столько она. Еще до Февраля развернулся процесс, позволявший «борцам с самодержавием», а затем и «победителям буржуазии» пользоваться плодами стихийного процесса ломки старой системы. И либералы, и социалисты, и большевики друг за другом «приходили на готовое». Понятно, однако, что ни тем, ни другим, ни третьим признаваться в этом было не к лицу. И именно поэтому мы до сих пор пребываем в состоянии исследовательской спячки. Научная история уступает место псевдоисторическим предрассудкам.

Как ни странно, и здесь на помощь приходят некоторые культурные традиции.

После революции привычка делать из нужды добродетель порой приобретала христианское обоснование. Поначалу надеялись на очищение от большевизма. «Все стадии разочарования уже пройдены, кроме одной: народ должен еще разочароваться в большевиках, – писал Е.Н. Трубецкой А.Ф. Кони

1 ноября 1917 г. Ему упорно хотелось верить, что именно так будет с Россией» [8, с. 677]. Некоторым казалось, что очищение – непременный компонент духовного развития народа. П. Флоренский находил «для религии выгодным и даже необходимым пройти через трудную полосу истории, и не сомневаюсь, что эта полоса послужит религии лишь к укреплению и очищению» [37, с. 78]. Идея «очищения» революцией присутствовала и у А. Белого [1, с. 14]. Об этом писали и революционные деятели искусства. «Искусство должно радовать. Даже страдание, которым привлекает нас к себе иное произведение, имеет целью конечное очищение, освобождение, просветление…» [12]. Еще в 1920-е годы можно было встретить такие «примирительные» (неовеховские) суждения о революции: «В пункте кризиса мы имеем сосредоточение всей жизни. Он приносит очищение… Очищение страданием, страданием внутренним, жертвуя собою, живя героем, другим, для очищения себя» [18, с. 183]. Революция представлялась «бичом Божьим», что, конечно, не могло принести внятных когнитивных результатов.

Понятно, что на этой основе никакого познавательного консенсуса не может сложиться. Примирение по поводу тех или иных исторических событий возможно только на основе осознания их глубинной обусловленности, а не на основе эфемерных эмоций, навеянных реалиями нынешнего дня. С другой стороны, познавательная конвенциональность не может быть достигнута на основе одряхлевшей теории.

Строго говоря, подлинное величие русской революции состояло в том, что она не вписывалась ни в какие известные тогда научные теории – сегодня это более чем очевидно. Вольно или невольно самим ее ходом была выдвинута грандиозная исследовательская задача. Опыт современности подсказывает, что в наши дни осмысление революции уже не может идти в рамках «прогрессистского» телеологизма XIX в. Эпоха Просвещения, увы, закончилась.

История – это отнюдь не ступенчатое восхождение человечества соответственно стадиям экономического роста или смене технологических циклов. Скорее болезненные рывки человечества в будущее соответствуют волнам информационных революций. Их воздействие беспощадно корежит «отсталую» человеческую психику – это хорошо заметно по событиям современности. Так или иначе цикличное движение, в ходе которого «неожиданные» революции «одергивают» зарвавшихся апологетов материального довольства, по-своему напоминает, что в основе общественной эволюции лежит совсем иной основополагающий фактор – сам человек.

Библиография

1. Белый А. Революция и культура. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 30 с.
2. Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. 797 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
4. Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–64.
5. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007. 203 с.
6. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 714 с.
7. Вандам А.Е. [Едрихин А.Е.] Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. 269 с.
8. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А.С. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М.: Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1997. 745 с.
9. Виноградов П.Г. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 631 с.
10. Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 179 с.
11. «Все кончено и никакие компромиссы уже невозможны…»: Из воспоминаний Е.Е. Драшусова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 254–273.
12. Глебов И. Предвосхищение будущего // Жизнь искусства. 1918. № 3. 3 октября.
13. Гордины, бр. Манифест пан-анархистов. М., 1918.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1791. Оп. 6. Д. 271.
15. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М.; Тамбов: МШСЭН: ТГТУ, 1996. С. 4–23.
16. День. 1917. 30 августа.
17. Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП +», 1998. 576 с.
18. Каган М.И. О ходе истории. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 703 с.
19. Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма). М.: Мысль, 1974. 415 с.
20. Ленин В.И. Письмо членам ЦК (6 ноября 1917 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 34. С. 435–436.
21. Ленин В.И. Письма издалека. Письмо 1-е. Первый этап революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 31. С. 11–23.
22. Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2016. 366 с.
23. Локоть Т.В. Смутное время и революция (Политические параллели 1613–1917 гг.). Берлин: Двуглавый орел, 1923. 103 с.
24. Мост И. Религиозная язва. Пг.: б/и, 1917. 30 с.
25. Неизданный В.Г. Короленко. Дневники и записные книжки. М.: Пашков дом, 2013. Т. I. 1914–1918. 352 с.
26. Николаев А.Б. Думская история Февральской революции: Введение, текст, комментарии // Русская революция 1917 г.: Проблемы истории и историографии: Сб. докладов межвузовской научной конференции. СПб.: ЛЭТИ, 2016. Т. 4. С. 65–162.

27. Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 582 с.

28. Пасманик Д.С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж: Франко-рус. печать, 1923. 256 с.

29. Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.

30. Рид Д. Избранное. М.: Политиздат, 1987. Кн. 1. 543 с.

31. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад: б/и, 1917. Вып. 1.

32. Россия в Великой войне 1914–1918 годов. Образы и тексты. М.: РОССПЭН, 2014. 279 с.

33. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ: Астрель, 2011. 678 с.

34. Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М.: Кучково поле: Военная книга, 2014. 669 с.

35. Соловей В.Д. Русская история: Новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. 312 с.

36. Струве П.Б. Размышления о русской революции. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. 34 с.

37. Флоренский П.А. Автобиография // Наше наследие. 1988. № 1. С. 74–78.

38. Шубин А.В. Великая российская революция: От Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина МЕДИА, 2014. 452 с.

39. Gellner E. Foreword // Loone E. Soviet Marxism and Analytical Philosophies of History. L.; N.Y.: Verso, 1992.

References

Belyj A. Revoljucija i kul'tura. M.: G.A. Leman i S.I. Saharov, 1917. 30 p.

Bogoslovskij M.M. Dnevniki (1913–1919): Iz sobranija Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja. Moscow: Vremja, 2011. 797 p.

Buldakov V.P., Leont'eva T.G. Vojna, porodivshaja revoljuciju. Moscow: Novyj hronograf, 2015. 714 p.

Buldakov V.P. Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 965 p.

Buldakov V.P. Quo vadis? Krizisy v Rossii: Puti pereosmyslenija. Moscow: ROSSPJeN, 2007. 203 p.

Buldakov V.P. Revoljucija kak problema rossijskoj istorii // Voprosy filosofii. 2009. N 1. P. 53–64.

Danilov V.P. Krest'janskaja revoljucija v Rossii. 1902–1922 gg. // Krest'jane i vlast'. Moscow; Tambov: MShSJeN: TGTU, 1996. P. 4–23.

Den'. 1917. 30 Aug.

Florenskij P.A. Avtobiografija // Nashe nasledie. 1988. N 1. P. 74–78.

Gellner E. Foreword // Loone E. Soviet Marxism and Analytical Philosophies of History. L.; N.Y.: Verso, 1992.

Glebov I. Predvoshishhenie budushhego // Zhizn' iskusstva. 1918. N 3. 3 Oct.

Gordiny, br. Manifest pan-anarhistov. Moscow, 1918.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. 1791. Op. 6. D. 271.

Kabanes O., Nass L. Revoljucionnyj nevroz. Moscow: Institut psihologii RAN, Izdatel'stvo «KSP +», 1998. 576 p.

Kagan M.I. O hode istorii. Moscow: Jaz. slavjan. kul'tury, 2004. 703 p.

Kanev S.N. Oktjabr'skaja revoljucija i krah anarhizma (Bor'ba partii bol'shevikov protiv anarhizma). Moscow: Mysl', 1974. 415 p.

Lenin V.I. Pis'mo chlenam CK (6 nojabrja 1917 g.) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury, 1969. Vol. 34. P. 435–436.

Lenin V.I. Pis'ma iz daleka. Pis'mo 1-e. Pervyj jetap revoljucii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5-e. Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury, 1969. Vol. 31. P. 11–23.

Lokkart R. Agonija Rossijskoj imperii. Vospominanija oficera britanskoj razvedki. Moscow: Algoritm, 2016. 366 p.

Lokot' T.V. Smutnoe vremja i revoljucija (Politicheskie paralleli 1613–1917 gg.). Berlin: Dvuglavyj orel, 1923. 103 p.

Most I. Religioznaja jazva. Petrograd: b/i, 1917. 30 p.

Neizdannyj V.G. Korolenko. Dnevniki i zapisnye knizhki. Moscow: Pashkov dom, 2013. Vol. I. 1914–1918. 352 p.

Nikolaev A.B. Dumskaja istorija Fevral'skoj revoljucii: Vvedenie tekst, kommentarii // Russkaja revoljucija 1917 g.: Problemy istorii i istoriografii: Sb. dokladov mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii. Saint Petersburg: LJeTI, 2016. Vol. 4. P. 65–162.

Paskal' P. Russkij dnevnik: Vo francuzskoj voennoj missii (1916–1918). Ekaterinburg: Gonzo, 2014. 582 p.

Pasmanik D.S. Russkaja revoljucija i evrejstvo (Bol'shevizm i iudaizm). Parizh: Franko-rus. pechat', 1923. 256 p.

Prishvin M.M. Dnevniki. Moscow: Pravda, 1990. 480 p.

Rid D. Izbrannoe. Moscow: Politizdat, 1987. Kn. 1. 543 p.

Rossija v Velikoj vojne 1914–1918 godov. Obrazy i teksty. Moscow: ROSSPJeN, 2014. 279 p.

Rozanov V.V. Apokalipsis nashego vremeni. Sergiev Posad: b/i, 1917. Vol. 1.

Ruga V., Kokorev A. Povsednevnaja zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny. Moscow: AST: Astrel', 2011. 678 p.

Shubin A.V. Velikaja rossijskaja revoljucija: Ot Fevralja k Oktjabrju 1917 goda. Moscow: Rodina MEDIA, 2014. 452 p.

Snesarev A.E. Dnevnik: 1916–1917. Moscow: Kuchkovo pole: Voennaja kniga, 2014. 669 p.

Solovej V.D. Russkaja istorija: Novoe prochtenie. Moscow: AIRO-XXI, 2005. 312 p.

Struve P.B. Razmyshlenija o russkoj revoljucii. Sofija: Rossijsko-Bolgarskoe knigoizdatel'stvo, 1921. 34 p.

Vandam A.E. [Edrihin A.E.] Geopolitika i geostrategija. Moscow: Kuchkovo pole, 2002. 269 p.

Vinogradov P.G. Izbrannye trudy. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 631 p.

«Vse koncheno i nikakie kompromissy uzhe nevozmozhny…»: Iz vospominanij E.E. Drashusova // Rossija 1917 goda v jego-dokumentah. Vospominanija. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2015. P. 254–273.

Vtoroj Vserossijskij s'ezd rabochih i soldatskih deputatov. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1928. 179 p.

Vzyskujushhie grada. Hronika chastnoj zhizni russkih religioznyh filosofov v pis'mah i dnevnikah A.S. Askol'dova, N.A. Berdjaeva, S.N. Bulgakova, E.N. Trubeckogo, V.F. Jerna i dr. Moscow: Shk. «Jazyki russkoj kul'tury»: Koshelev, 1997. 745 p.

М.-П. Рей

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫРАБОТКИ НОВЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ НОРМ И ОБЫЧАЕВ.
Пер. с французского О.В. Окуневой

Аннотация. *В статье речь идет о предпосылках, атмосфере, задачах и результатах Венского конгресса 1814–1815 гг. Анализируются мемуары современников и участников конгресса, донесения венской полиции и т.п. Делается вывод о том, что конгресс был эффективным инструментом по достижению и сохранению мира в Европе.*

Ключевые слова: *Венский конгресс, Наполеон, Александр I, Меттерних, Талейран, дипломатия.*

Рей Мари-Пьер – директор Центра исследований славянской истории (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна).
Электронный адрес: Marie-Pierre.Rey@univ-paris1.fr

M.-P. Rey. The Congress of Vienna as the Platform to Elaborate the New Diplomatic Norms and Customs

Abstract. *The article focuses on the background, atmosphere, goals and results of the Congress of Vienna of 1814–1815, analyses memoirs of contemporaries and participants of the Congress, reports to the Vienna police and concludes that the Congress served as the effective instrument to achieve and preserve peace in Europe.*

Keywords: *the Congress of Vienna, Napoleon, Alexander I, Metternich, Talleyrand, diplomacy.*

Rey, Marie-Pierre – Director of the Research Center for Slavic history (University, Paris 1 Panthéon-Sorbonne).
E-mail: Marie-Pierre.Rey@univ-paris1.fr

Венский конгресс представлял собой основополагающее событие для дипломатии XIX в. Он стал следствием заключительного этапа кампании

против Наполеона[1]. Кампания завершилась после трех месяцев ожесточенных боев битвой при Париже 30 марта 1814 г., входом союзников во французскую столицу, первым отречением Наполеона, возвращением короля Людовика XVIII в начале мая и подписанием первого Парижского мирного договора 30 мая 1814 г.[2]

Договор, возвращавший Францию к ее границам по состоянию на 1 января 1792 г. (с небольшими изменениями), санкционировал также занятие Мальты Англией и переход к последней принадлежавшего Франции острова Маврикий, Сейшельских островов, Тобаго и Сент-Люси, голландских колоний Кейптауна и Цейлона, а также Ионических островов. Договор предусматривал также и ряд других изменений на карте мира. Но даже притом, что в нем рассматривалась в положительном ключе идея объединения германских государств с помощью «федеративных связей» и предусматривался раздел Италии [8, p. 16], эти вопросы не были окончательно решены. В частности, не было определено будущее территорий на левом берегу Рейна, до Французской революции и эпохи Империи, представлявших собой скопление бесчисленных мелких княжеств. Кроме того, договор не урегулировал другие весьма важные вопросы международных отношений: неопределенными оказались судьбы Польши и тех французских территорий, от которых Франция была вынуждена отказаться по Парижскому договору 30 марта 1814 г., дальнейшая участь саксонской династии и династии Мюрата, а также будущность Папской области.

Из всего этого проистекала необходимость созыва «общего конгресса», который должен был состояться в Вене (ст. 32 первого Парижского договора). По мысли тех, кто поставил свои подписи под договором, речь шла о том, чтобы покончить с наполеоновской эпопеей, уладив еще не решенные территориальные вопросы. Речь также шла и о том, чтобы покончить с политической практикой эпохи Наполеона и определить новую расстановку сил на международной арене. Великие державы полагали необходимым гарантировать прочный мир на континенте, выдвинуть новые принципы, которые были бы повсеместно приняты, и выработать новые нормы международного права. Из этого следует, что цели Венского конгресса были весьма амбициозными.

При этом, невзирая на высокие цели, конгресс весьма скоро приобрел незавидную репутацию. В своем венском дневнике швейцарец Жан-Габриэль Эйнар, богатейший финансист, ставший личным секретарем Шарля Пикте

1. Общая панорама этой кампании представлена: [4]. Здесь и далее, если не оговорено иного, примечания автора.

2. Об оккупации Франции в 1814 г. см.: [10; 11]. Издание этой книги на русском языке в переводе А.Ю. Терещенко готовится в настоящее время в издательстве РОССПЭН. – Прим. перевод.

де Рошмона, делегата Швейцарии на конгрессе, заявляет без обиняков: «Конгресс доказал, что в Европе не хватает достойных и заслуженных людей; короли и министры весьма посредственны, и все те, кто жил в Вене в это же самое время, сколь мало бы они ни следили за происходившим здесь, скажут вам то же самое» [5, p. 325].

Во Франции конгресс положил начало настоящей «черной легенде», поддерживавшейся на протяжении всего XIX в., о якобы слабости, если не сказать предательстве, Талейрана. Он – по мнению, сложившемуся уже после событий, – будто бы пожертвовал интересами Франции в угоду Пруссии (об историографии этого вопроса и о «черной легенде» см. ценную статью: [6]) и повредил возможному франко-русскому союзу, продвигая договор против России от января 1815 г. Были и те, кого не устраивал ход конгресса, кто критиковал в пух и прах «аморальность статистической комиссии». Но эти суровые отзывы не принимают в расчет огромной работы, проделанной конгрессом, и его значительный вклад в сферу дипломатии, геополитики и права. Именно об этом вкладе и пойдет речь в настоящей статье[3].

На Венском конгрессе всё принимает необычайный размах: и его длительность (с ноября 1814 по июнь 1815; заключительный акт был подписан 9 июня), и количество представленных на нем государств (216 стран, из них две империи, пять королевств и 209 княжеств), и число участников (500 аккредитованных дипломатов, которых сопровождали жены, секретари, слуги, сюда же нужно добавить полицейских и куртизанок), и значение принятых на нем решений (Венский конгресс полностью перекроил карту Европы), и драматические коллизии, достойные театральной постановки (именно на время Венского конгресса приходятся наполеоновские Сто дней, 1 марта – 18 июня 1815 г.). Венский конгресс – это и официальные заседания, и гул салонных разговоров, и уединенные беседы, не рассчитанные на посторонних, и торжественные приемы, и пышные празднества в стороне от политических дискуссий. Но это еще и большая организационная работа по созданию комиссий и комитетов, и начало эры профессиональной дипломатии в современном смысле слова. Не случайно многие нынешние дипломаты (здесь нельзя не назвать Генри Киссинджера и его «Дипломатию» [7]; издание на русском языке: [1]. – *Пер.*, в которой Венскому конгрессу посвящен обстоятельный и подробный раздел) обращаются к Венскому конгрессу в своих многочисленных монографиях и статьях.

Чтобы попытаться дать представление о конгрессе в целом, необходимо, в первую очередь, остановиться на весьма своеобразной атмосфере, в которой он проходил. Затем я обращусь к задачам конгресса в геополитическом

3. Подробное освещение работы конгресса представлено также: [15; 12].

и политическом плане и к тем личностям, которые сыграли на конгрессе ключевую роль. Заключительная часть статьи будет посвящена основным результатам, достигнутым конгрессом: и их значению, и – одновременно с этим – их неоднозначности, если не сказать порой и двусмысленности.

Атмосфера конгресса

Поскольку на конгресс съехались принцы, принцессы и всевозможные аристократы, рабочие заседания, в которые с полной отдачей включились дипломаты, перемежались светскими приемами и празднествами (среди них выделялись ослепительные концерты, в том числе концерт по случаю открытия конгресса, данный Бетховеном), зваными ужинами, балами-маскарадами и обычными балами, театральными спектаклями и оперными постановками. А.И. Михайловский-Данилевский, адъютант Александра I, приехавший в Вену 12 сентября 1814 г. и оставивший историкам весьма ценный дневник о своем пребывании там, так описал один из дней конгресса (20 декабря 1814 г.):

> *«Венский двор неистощим в выдумках увеселений и праздников. Недавно был карусель[4], которому подобного я никогда не видал. Он происходил в самом большом и красивом манеже, какой есть в Европе, в присутствии всех монархов и многочисленной публики, между которыми находились почти все знаменитейшие наши современники. Сражающиеся рыцари были из лучших дворянских фамилий, а подобно австрийскому дворянству в Европе нет, одетые блестящим образом на прекраснейших лошадях. У каждого рыцаря была дама его мыслей и сердца, как то водилось в старину; они сидели напротив Государей, украшенные таким множеством драгоценных каменьев, что для глаз было больно долго на них смотреть.*
>
> *С некоторого времени завелся при дворе театр, на котором играют молодые люди лучших фамилий... Недавно представляли французскую комедию под заглавием: "Девичье училище в Сюрене"... в котором одним из актеров был наш генерал-майор граф Потоцкий; а на театре в доме княгини Багратионовой, где присутствовали все почти монархи, играл генерал-адъютант граф Ожаровский. Странно видеть русских генералов, переодетых в арлекинов» [3, с. 136–137].*

Пристрастие участников конгресса к празднествам, спектаклям и любовным интригам сообщало ему репутацию легкого и беззаботного действа; это же впечатление подтверждали карикатуры и сатирические гравюры. Вечера проходили в балах, концертах и прочих увеселениях. Остро́та принца де Линя

4. Карусель – здесь: конно-спортивный турнир с элементами театрального действа.

«конгресс танцует, но не двигается с места»[5] дает представление о язвительных замечаниях, которые конгресс вызывал у современников. С легкостью завязываются интриги и любовные связи, куртизанки и шпионки соперничают в обольстительности, и за всеми ними неотступно следит венская полиция и ее многочисленные агенты; шпионаж, агентурная разведка и контрнаблюдение правят бал.

Чтобы быть в курсе малейших действий и жестов коронованных особ, дипломатов и членов их семей, полиция Меттерниха прибегает ко всевозможным способам и уловкам: письма и записки перехватываются; выброшенные черновики извлекаются из корзин для бумаг и тщательно переписываются; светских дам и дам полусвета щедро вознаграждают за сведения, к замка́м от апартаментов, сундуков и потайных шкафов подбираются ключи. Все средства хороши, чтобы выведать самые потаенные мысли и поступки гостей австрийского императора[6].

Среди этих гостей особый интерес вызывает Александр I. Этому способствуют многие факторы – и прежде всего численность русской делегации. В ее составе 53 человека, это самая многочисленная из всех миссий, что делает ее особенно уязвимой перед интригами. Интерес подогревает личная роль царя в ключевых геополитических вопросах. И наконец, личность Александра, чувствительного к женским чарам: во время своего пребывания в Вене император порхает по салонам, а за ним неотступно наблюдают во все глаза, пока он находится в австрийской столице. Донесения венской полиции сохранили множество сообщений о политических и геополитических вопросах. Так, в частности, в конце сентября 1814 г. глава венской полиции пишет Меттерниху о польских делах:

> *«Я только что узнал из частного, но заслуживающего всяческого доверия источника, несколько деталей, в которые Ваша Светлость непременно должны быть посвящены [...] Император России, несмотря на все испытываемые им трудности и противоречия, придает огромное значение проекту учреждения в Польше конституционной монархии под своей верховной властью; он настолько погрузился в этот проект, что дает понять, будто хочет присоединить к этому королевству прежние польские провинции, доставшиеся ему по последним разделам [Польши]. Таким образом, по этой важнейшей статье будут*

5. Эту остроту подхватил «Монитёр» в номере от 3 декабря 1814 г., и затем она часто повторялась и в многочисленных мемуарах, и в исторических исследованиях. – Прим. авт. Русский современник, присутствовавший на конгрессе, передал эту остроту следующим образом: «Каково идет Конгресс»? – спросили у принца де Линя. – «Он нейдет», отвечал Принц, «а пляшет» [2, с. 47]. – Прим. перевод.

6. Я адресую здесь читателя к важнейшему историческому источнику – двухтомному сборнику донесений венской полиции [14].

затруднительные и щекотливые переговоры и непросто будет вычислить, чем обернутся эти осложнения. В любом случае, к войне это не приведет. Вот то, на что вы твердо можете рассчитывать. Но никто в мире не в состоянии предсказать на сегодняшний день, кто из сражающихся на этом дипломатическом ристалище одержит победу или каким образом будут согласованы различные мнения» [14].

При этом наблюдение не ограничивается политическими и геополитическими вопросами; под прицелом остается и личная жизнь императора, составляющая предмет подробнейших донесений. В частности, в середине октября 1815 г. сообщается следующее:

«Он [Александр I] танцует и много беседует с [дочерью принца] Морица Лихтенштейнского и молодой Сечени; обе полагают, что завлекли его в свои сети, но другие считают, что как и во Франкфурте и других местах для Александра речь идет не более чем о кокетстве.

На самом деле, с тех пор как он здесь, он провел несколько ночей только у [княгини] Багратион[7]. Может быть, еще Чернышев[8]. Я сам лично слышал то, что он по этому поводу конфиденциально говорил Александру; он также раздобыл для него несколько девиц легкого поведения» [14, p. 318].

В начале октября тот же агент венской полиции столь же многословно доводит до сведения Меттерниха слова Александра, сказанные «той самой» княгине Багратион:

«Княгиня Багратион не смогла удержаться от того, чтобы поведать то, о чем будет сказано дальше, особе, пользующейся ее полным доверием. Остается узнать, всё ли правда из того, что она говорит, но так как различные вещи достаточно согласуются с характером Александра (так в тексте. – М.-П. Р.) и ее слова подтверждаются на практике, я расположен считать, что она не приду-

7. Княгиня Е.П. Багратион, урожденная графиня Скавронская, известная в придворных кругах Европы своей красотой, беспечным нравом и романами с высокопоставленными лицами. В оригинале донесения имя княгини сопровождается артиклем – это непереводимый, но действенный способ выразить невысокое мнение о той или иной особе. Даже в наши дни во Франции публично добавить к имени или фамилии женщины артикль значит подпустить шпильку, граничащую с оскорблением. Так, во время президентской кампании Сеголен Руайяль в 2007 г. французские средства массовой информации широко обсуждали вопрос, сознательно или нет одна из ее соперниц по Социалистической партии назвала ее «la Ségolène». – Прим. перевод.

8. Вероятно, граф Г.И. Чернышев, при Екатерине II исполнявший ряд дипломатических поручений, а в 1816 г. получивший церемониальную придворную должность при дворе Александра I; был известен расточительным образом жизни и пристрастием к литературе и опере. – Прим. перевод.

мала их в разговоре со своим доверенным лицом, от которого я имею эти сведения.

Говоря о князе Меттернихе, Александр пожелал узнать историю его связи с княгиней и обстоятельства их охлаждения; в настоящий момент он выглядел полностью очарованным герцогиней Саган.

Затем Александр сказал княгине: "Меттерних никогда не любил ни вас, ни эту Саган (так в тексте. – М.-П. Р.)[9]. Поверьте ему, он холодный человек. Он не любит ни одну, ни другую. Это создание с холодной кровью. ...С этим своим лицом, подобным гипсовой маске, он никого не любит".

Говоря о пресловутой Саган, император сказал, что было сделано всё возможное, чтобы она ему понравилась. "Меня даже разместили с ней наедине в одной карете, но они не добились своего. Я люблю чувства, но мне надобен и ум с остроумием"» [14, p. 205].

6 декабря 1814 г. агенты Меттерниха написали в своем докладе следующее (и отделить правду от вымысла здесь невозможно):

«Прошлой ночью Александр оставался до трех часов ночи у княгини Багратион. Говорят, что он еще болен (венерической болезнью) и что княгиня ставит ему припарки и делает перевязки» [14, p. 647].

Этим ретивым агентам венской полиции будет много хлопот еще с двумя персонажами: англичанином Кастельро (очень часто он сам пишет свои письма, а не диктует их, и рассылает их с собственными курьерами) и французом Талейраном, чья резиденция недоступна для постороннего взгляда. Но и здесь, невзирая на все препятствия, полиция Меттерниха продемонстрировала прямо-таки устрашающую эффективность. Многие десятки писем Кастельро всё же оказались перехвачены агентами Меттерниха. И даже Талейран не ускользнул от этих весьма профессиональных ищеек.

«Любой, кто хоть немного знаком с характером Талейрана и, помимо этого, даст себе труд представить расположение и устройство его жилища, тут же поймет всю сложность устройства серьезной слежки за князем, за его поступками и жестами. Дом сейчас представляет собой ни больше ни меньше крепость, в которой он держит гарнизон из тех лишь людей, которых полагает надежными. Несмотря на это, нам всё же удалось в конце концов перехватить некоторые бумаги, исходящие из его кабинета. Кроме того, нам удалось склонить на свою сторону старого слугу, которому уже довелось быть на службе у трех послов Франции, а также одного охранника или посыльного при канцелярии, благодаря которому мы сумели раздобыть несколько разорванных бумаг, находившихся в кабинете самого Талейрана» [14, p. 326–327].

9. Вильгельмина Саган, внучка Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны, хозяйка известного светского салона и соперница Е.П. Багратион. В оригинале донесения имя герцогини также сопровождается артиклем. – Прим. перевод.

Если судить по донесениям венской полиции, высшие дипломатические круги только и делали, что танцевали и предавались светским развлечениям. Однако на самом деле дипломаты отнюдь не забывали об основной задаче Венского конгресса, собственных полномочиях и необходимости эффективной работы. А.И. Михайловский-Данилевский приводит по этому случаю характерное стихотворение, сложенное в честь уже упоминавшегося полувоенного-полуспортивного ристалища, «карусели» 20 декабря 1814 г.:

Друзья, да здравствует танец,
Если мы обязаны ему миром,
Лишь бы за этот танец
Не пришлось бы расплачиваться нам самим.
Но если всю зиму мы протанцуем,
То, как говорят, вполне может статься так,
Что весной мы закружимся в танце
Под громкую музыку пушек [3, с. 144][10].

Эти стихи, конечно, вызывают улыбку. Однако они свидетельствуют: участники Венского конгресса развлекаются, но при этом полностью отдают себе отчет в том, что цель их работы – длительный и устойчивый мир на континенте.

Участники и основные цели конгресса

На Венском конгрессе было представлено 216 делегаций. Однако они не были равнозначны ни по своему политическому весу, ни в количественном отношении. Как уже упоминалось, представительство России было самым многочисленным и составляло 53 человека, делегация Пруссии – 46, Великобритании – 25, Франции – 15[11]. При этом сразу несколько микроскопических государств могли быть представлены одним и тем же дипломатом. На конгрессе собрались видные дипломаты своего времени: Меттерних (Австрия), Талейран (Франция), лорд Кастельро, затем герцог Веллингтон, затем лорд Кланкарти (Великобритания), князь фон Гарденберг и барон фон Гумбольдт (Пруссия), граф Лёвенгельм (Швеция) и Ганс Рейнгард в сопровождении Пикте де Рошмона (Конфедерация 22-х швейцарских кантонов). Что же касается России, то представлял ее император: Александр I был единственным монархом, принимавшим непосредственное участие в работе конгресса. Однако он прибегал к консультациям и помощи князя А.К. Разумовского, бывшего посла в Вене, графа Г.О. фон Штакельберга (посла в Вене в момент

10. Цитируемая песенка приведена в мемуарах на французском.
11. Эти цифры приведены Тьерри Ленцем [8, p. 52].

проведения конгресса), вице-министра К.В. Нессельроде, барона д'Анстетта и двух своих главных дипломатических советников – К.О. Поццо ди Борго и И. Каподистрии. К 216 делегациям государств необходимо добавить еще несколько десятков групп, занимавшихся, как мы бы сказали сейчас, лоббированием, поэтому в целом речь может идти о трех сотнях делегаций.

В ходе Венского конгресса состоялось лишь два пленарных заседания: первое при открытии прений (3 ноября 1814 г.) и второе, заключительное, при подписании финального акта (9 июня 1815 г.). Очевидно, что представители четырех держав-победительниц – Австрии, Пруссии, Великобритании и России – задавали тон прениям. Накануне открытия конгресса и во время первых заседаний Франция, подобно парии, держалась в стороне. Однако талант, ловкость и дипломатические способности Талейрана положили конец этому остракизму, и с января 1815 г. Франции позволили заседать вместе с державами-победительницами (мы еще вернемся к этому вопросу).

Итак, органом, оказавшим наибольшее влияние на работу конгресса, была комиссия Четырех, преобразованная в комиссию Пяти с января 1815 г. Была также и комиссия Восьми (пять стран плюс Испания, Португалия и Швеция, которым было дозволено участвовать в некоторых прениях на правах победительниц). Однако появились и специально назначенные для определенных дел комитеты (комитеты ad hoc). Некоторые из комитетов рассматривали территориальные дела (комитет по делам Германии, конференция по вопросу Германской конфедерации, по делам Швейцарии, по делам Генуи, Тосканы, герцогства Бульонского и др.). Другие занимались тематическими проблемами (конференция по отмене работорговли, комиссия по вопросам свободы речного судоходства, комиссия по вопросам рангов и старшинства, статистическая комиссия – ей выпала сложная и требующая особого внимания задача по подсчету населения тех или иных земель, чтобы затем приступить к территориальным переделам). Наконец, составлением собственно решений конгресса занималась специальная редакционная комиссия.

Пока продолжалась борьба с Наполеоном (и в 1813, и в 1814 гг.), коалиция, сплотившаяся против «тирана», сохраняла свое единство. Ее участники находили между собой общий язык. Однако стоило императору французов потерпеть поражение, как единство союзников пошатнулось.

Разумеется, они продолжали разделять некоторые общие для себя, дорогие их сердцу принципы. К ним, в частности, относится принцип «равновесия», который породит понятие «европейского концерта наций»[12]. А также дипломатию конгрессов, на которых претензии и тяжбы улаживались бы в многостороннем порядке; этот принцип и эти понятия обеспечат Франции

12. Подробнее об этой проблематике см. очень ценную работу: [13].

ее долю величия в XIX в. В отличие от пруссаков, движимых в Вене чувством мести, представители Австрии, Великобритании и России будут стремиться «установить как можно более совершенное политическое равновесие между великими державами» [9, p. 200] – и подобная установка в ходе переговоров станет преобладающей. Второй принцип – принцип «легитимности», выдвинутый для того, чтобы позволить европейским «законным династиям» вернуться на свои престолы. Однако это возвращение не означало, что короли непременно будут править своими странами в их границах до начала военных действий (*status quo ante*). Так, реставрация Бурбонов во Франции не означала восстановления в стране абсолютной монархии эпохи Старого порядка, поскольку с введением Конституционной хартии 1814 г. речь шла уже об иной форме правления.

Одновременно с этим уже с самого начала конгресса наметились линии раскола. По некоторым вопросам державы не просто разошлись во мнениях, а заняли кардинально противоположные позиции.

Так, австрийская дипломатия, возглавляемая Меттернихом, верховным церемониймейстером всего конгресса, стремилась поскорей изгладить из памяти тот факт, что длительное время она занимала двусмысленную позицию по отношению к наполеоновскому режиму. Австрия стремится вернуть себе центральное положение на европейском континенте: с одной стороны, пытаясь расширить свои владения в Италии, Германии (там она столкнется с Пруссией) и на Балканах, а с другой – пытаясь противостоять амбициям Российской империи в Польше.

Что касается Александра I и его дипломатических советников, то они не доверяли Великобритании. Англичан упрекали в стремлении главенствовать на морях, принимая позу «благородного» отказа от территориальных претензий, кроме претензий колониальных. При этом Россия предъявляла свои преимущественные права на Польшу, обосновывая притязания своей победой над Наполеоном в 1812 г. и решающим вкладом в дальнейшую антинаполеоновскую кампанию. Напротив, Австрия, Великобритания и Франция не собирались предоставлять России полную свободу действий в Польше. Наконец, Пруссия при поддержке России предъявляла претензии на Саксонию – к великому неудовольствию Великобритании и Франции. Последняя весьма опасалась единого германского государства у своих границ.

Противоречиями союзников по саксонскому и польскому вопросам не преминул воспользоваться Талейран: тонко и цинично играя на этих разногласиях, он сумел вернуть Францию в разряд ключевых игроков и покончить с ее статусом парии. 3 января 1815 г. между Францией, Великобританией и Австрией был подписан секретный договор об оборонительном союзе против России и Пруссии. Рассказывая о своих усилиях Людовику XVIII, Талейран не без гордости так описал ему свой ловкий ход:

«В настоящий момент, сир, коалиция распущена и таковой навсегда и останется. Не только Франция перестала быть изолированной в Европе, но и Ваше Величество уже может располагать федеративной системой, которую, казалось, и пятьдесят лет переговоров не смогли бы обеспечить» [9, p. 137].

В действительности в этот момент угроза войны, которой оправдывалось заключение договора 3 января 1815 г., была неактуальной. Никто в Вене не собирался бряцать оружием, усталость от войны была слишком велика. 8 февраля 1815 г. Пруссия была вынуждена признать свои новые границы: ее всячески поощряли отказаться от притязаний, а русская сторона еще и побуждала прийти к компромиссу (конец января 1815). Эти новые границы «передвинули» Пруссию ближе к западу: с точки зрения демографии и количества квадратных километров ее территория была эквивалентной той, что были у Пруссии в 1805 г., но отныне эта территория была рассечена на две части коридором шириной в 40 км. Фридрих-Август укрепился на саксонском престоле, но страна, которой он правил, уменьшилась на 40%. В тот же день, 8 февраля 1815 г., был окончательно решен и польский вопрос (в той форме, которая была не так уж далека от четвертого раздела Польши – по аналогии с тремя разделами Польши в XVIII в.).

В этом вопросе Александр I в значительной степени получил желаемое, но и здесь существовал ряд важных ограничений. В частности, Александр сохранил бóльшую часть прежнего Варшавского герцогства, что позволяло ему контролировать Варшаву и центральный бассейн Вислы; он получил также право называться королем Польским. Однако в обмен ему пришлось уступить северо-западные регионы (в том числе Познань и Калиш, 810 тыс. человек) Пруссии, а западную Галицию (область Тарнополя, 400 тыс. человек) – Австрии[13]; Краков становился вольным городом. Кроме того, в договоре признавалось, что несмотря на новое территориальное деление, польская нация представляла собой единую историческую общность; в ст. V договора провозглашалось право поляков на национальные и представительные институты (это же положение будет повторено в ст. I заключительного акта Венского конгресса). В договоре также провозглашалась благодетельность свободы обменов и торговли между различными польскими регионами. Таким образом, международное сообщество официально вписало в дипломатический документ положение о праве поляков на представительное правление и оставило открытым вопрос о возрождении в будущем национального польского государства.

13. Помимо этого, Австрия получила Иллирию, Тироль, Ломбардию и Венецию, восстановив свои позиции на итальянских землях.

Если на протяжении февраля 1815 г. два важных дипломатических вопроса находили мало-помалу свое решение, то будущее Италии и германской конфедерации оставалось еще туманным. В этот момент на конгрессе стало известно о высадке Наполеона в Гольф-Жюан на средиземноморском побережье Франции. Новость вызвала содрогание: эта высадка вновь меняла расклад сил, к великому разочарованию Талейрана. Возвращение Наполеона немедленно заставило сплотиться участников антифранцузской коалиции; договор от 2 января 1815 г., шедевр дипломатической ловкости Талейрана, оказался не у дел, а конгресс ускорил свою работу, и 9 июня 1815 г. был подписан его финальный акт.

Основные решения конгресса

Французский вариант финального акта Венского конгресса состоял из 121 статьи. Среди них, как мы уже видели, были решения, относящиеся к переделу и установлению новых границ ряда государств. Венский конгресс здесь следовал духу и логике первого Парижского договора 30 мая 1814 г.[14], подтвердив его решения о создании буферных государств, призванных «сдержать» французскую и, в меньшей степени, русскую угрозу. Этим объясняется создание королевства Нидерландов к северу от Франции, усиление Пруссии за счет рейнских владений у восточных границ страны и укрепление Пьемонта-Савойи на юго-востоке Франции. Параллельно с этим была создана новая германская Конфедерация из 39 немецких государств с общим представительным федеральным органом во Франкфурте; она блокировала бы Россию на западе. Были также гарантированы независимость, суверенитет и нейтральный статус Швейцарии: в этом вопросе Александр I последовательно поддержал позицию, отстаиваемую его бывшим наставником, швейцарцем республиканских взглядов Лагарпом.

Помимо территориальных вопросов, на конгрессе были приняты и другие решения. Была регламентирована свобода речного судоходства в Европе (реки, протекавшие по территории государств, были признаны их общим достоянием), а также, благодаря согласованным усилиям Великобритании и России, было принято моральное осуждение торговли африканскими рабами[15].

Финальный акт Венского конгресса подписали не все европейские государства (в частности, среди подписавших не было Папского государства

14. После битвы при Ватерлоо второй Парижский мирный договор (подписан 20 ноября 1815) вновь уменьшил границы Франции, приведя их к состоянию на 1790 г. В этот момент союзникам по антинаполеоновской коалиции уже было не до благодушия и успокоенности.

15. Речь на этом этапе шла об осуждении самого принципа работорговли, но пока не об осуждении рабства.

и Османской империи), однако это не умаляет значения итогового текста. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о тексте совершенно иной природы: вместо множества двусторонних договоров предпочтение было отдано, по настоянию Великобритании, коллективному заключительному акту, накладывавшему обязательства на всех, его подписавших. Символическое значение такого текста, разумеется, было очень большим.

Решения Венского конгресса не были совершенными. Уязвимыми для критики оставались некоторые из принятых решений, а также установка на стабильность, зачастую понятая как частичное возвращение прежних порядков в ущерб новым динамичным тенденциям. Тем не менее Венский конгресс способствовал не только установлению новых границ и проведению в жизнь новых принципов равновесия и легитимности, но и выработке новых международных норм. Отныне приращение территорий или иные изменения территориального статуса утверждались не силой или угрозой применения силы, а исключительно договорами на основе юридических норм, принимаемых всеми участниками. Делался шаг к тому, чтобы согласованность действий между европейскими странами стала нормой.

После бурных лет Французской революции и Империи эти новые правила должны были обеспечить Европе многие десятилетия мирной жизни. И если при этом на континенте в XIX в. всё же вспыхивали отдельные войны – двусторонние или региональные – почти столетие удавалось избежать всеобъемлющего военного конфликта. Практика созыва международных дипломатических конгрессов (Парижский конгресс 1856 г., Берлинский конгресс 1878 и 1885 гг.) стала успешным предохранительным клапаном общеевропейской истории и с этой точки зрения Венский конгресс – прародитель этой европейской системы, представлял собой эффективный инструмент по достижению и сохранению мира.

Библиография

1. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 903 с.
2. Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814 и 1815 годов А. Михайловского-Данилевского, бывшего флигель-адъютанта Государя Императора Александра Павловича. СПб., 1841. 252 с.
3. Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары, 1814–1815 гг. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2001. 400 с.
4. Boudon J.-O. 1814, la campagne de France. Paris: Belin, 2014. 365 p.
5. Eynard J.-G. Au Congrés de Vienne. Journal de Jean-Gabriel Eynard / Publié avec une introduction et des notes par Édouard Chapuisat. Paris: Plon Nourrit et Cie, 1914. 338 p.
6. Kerautret M. Quelques réflexions sur l'historiographie française du Congrès de Vienne // Napoleonica. La Revue. 2015. N 1 (22). P. 87–103.
7. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 1994. 912 p.
8. Lentz T. Le Congrès de Vienne, une refondation de l'Europe. 1814–1815. Paris: Perrin, 2013. 400 p.

9. Metternich C.W.L. de. Mémoires, Documents et écrits divers laissés par le prince Metternich. Paris, 1880–1884. T. 1. 545 p.

10. Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 2014. 329 p.

11. Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Champs Flammarion, 2015. 325 p.

12. Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. 894 p.

13. Soutou G.-H. L'Europe de 1815 à nos jours. Paris: PUF, 2007. 515 p.

14. Weil M.-H. (ed). Les *dessous* du Congrès de Vienne: d'après les documents originaux des archives du Ministère impérial et royal de l'intérieur à Vienne. Paris: Payot, 1917. T. 1–2.

15. Zamoyski A. Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York: Harper Collins, 2007. 634 p.

References

Boudon J.-O. 1814, la campagne de France. Paris: Belin, 2014. 365 p.

Eynard J.-G. Au Congrés de Vienne. Journal de Jean-Gabriel Eynard / Publié avec une introduction et des notes par Édouard Chapuisat. Paris: Plon Nourrit et Cie, 1914. 338 p.

Kerautret M. Quelques réflexions sur l'historiographie française du Congrès de Vienne // Napoleonica. La Revue. 2015. N 1 (22). P. 87–103.

Kissindzher G. Diplomatija. Moscow: Ladomir, 1997. 903 p.

Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 1994. 912 p.

Lentz T. Le Congrès de Vienne, une refondation de l'Europe. 1814–1815. Paris: Perrin, 2013. 400 p.

Metternich C.W.L. de. Mémoires, Documents et écrits divers laissés par le prince Metternich. Paris, 1880–1884. Vol. 1. 545 p.

Mihajlovskij Danilevskij A.I. Zapiski 1814 i 1815 godov A. Mihajlovskogo-Danilevskogo, byvshego fligel'-ad'jutanta Gosudarja Imperatora Aleksandra Pavlovicha. Saint Petersburg, 1841. 252 p.

Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Memuary, 1814–1815 gg. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Rossijskoj nacional'noj biblioteki, 2001. 400 p.

Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Champs Flammarion, 2015. 325 p.

Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 2014. 329 p.

Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. 894 p.

Soutou G.-H. L'Europe de 1815 à nos jours. Paris: PUF, 2007. 515 p.

Weil M.-H. (ed). Les *dessous* du Congrès de Vienne: d'après les documents originaux des archives du Ministère impérial et royal de l'intérieur à Vienne. Paris: Payot, 1917. Vol. 1–2.

Zamoyski A. Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York: Harper Collins, 2007. 634 p.

В.С. Парсамов

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАТОРЫ*

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция представлений европейских политиков и публицистов о Священном союзе в период между Венским конгрессом и подавлением европейских революций в 1823 г. Делается вывод о том, что все стремления проникнуть в суть замысла русского царя, равно как и либеральная критика Священного союза не раскрывают его подлинной сущности, которая и до сих пор во многом остается загадочной.*

Ключевые слова: *Священный союз, Александр I, европейская политика, Сен-Симон, Прадт, Шатобриан, Каннинг, Б. Констан, Люллен де Шатовье.*

Парсамов Вадим Суренович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: parsamovvs@gmail.com

V.S. Parsamov. The Holy Alliance and its Interpreters

Abstract. *The article studies the evolution of the ideas of European politicians and journalists about the Holy Alliance in the period between the Congress of Vienna and the suppression of European revolutions in 1823. It concludes that the attempts to comprehend the plan of the Russian Tsar, as well as the liberal criticism of the Holy Alliance could not reveal its true identity, still remaining mysterious.*

* *Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ–ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ–ВШЭ.*

Keywords: *The Holy Alliance, Alexander I, European politics, Saint-Simon, Pratt, Chateaubriand, Canning, B. Constant, Lullin de Sotovie.*

**Parsamov Vadim Surenovich – D. Hist. Sciences, Professor,
chief research fellow of Poletaev Institute for theoretical
and historical studies in the humanities, Professor,
School of History, National research University
«Higher school of Economics».
E-mail: parsamovvs@gmail.com**

Первая проблема, с которой сталкивается исследователь Священного союза, – это неопределенность самого понятия, еще больше усиливающаяся от широкого разброса интерпретаций. В середине XX в. французский исследователь М. Буркэн поставил вопрос: «Что такое Священный союз? Надо договориться на этот счет, потому что, несмотря на очевидность, выражение двусмысленное». Далее Буркэн предлагает различать термин «Священный союз» в узком смысле – как «мистический договор 26 сентября 1815 г.» и в широком смысле – как «собрание постановлений, которые создали, утвердили и изменили Четверной союз» [7, с. 85]. Сам Буркэн понимает Священный союз именно в этом широком смысле. Его монография продолжает традицию изучения этого явления в качестве составной части дипломатической истории Европы. В работах подобного типа[1], как правило, либо игнорируется совсем, либо рассматривается попутно связь Священного союза с религиозными исканиями Александра I. В противовес этой линии возникла тенденция религиозно-мистической трактовки Священного союза. Наиболее детально она представлена в работах Ф. Лея [13; 14]. Автор практически не касается вопросов дипломатии и политики. Священный союз трактуется им как этап в эволюции религиозных взглядов царя. При этом всячески подчеркивается роль баронессы В.Ю. фон Крюденер в создании Акта о Священном союзе.

Еще до появления монографии Ф. Лея «Александр I и его Священный союз» во Франции вышла книга Г. Бертье де Совиньи, в которой была предпринята попытка синтезировать различные точки зрения на Священный союз. Автор выделяет три значения самого термина и соответственно три ключевые политические фигуры: 1) мистическое создание самого Александра I; 2) Четверной союз, созданный для наблюдения над Францией, вдохновителем

1. Наиболее полно эта концепция представлена в: [18]. Автор рассматривает Священный союз не просто как факт европейской дипломатии, но и как явление мирового масштаба. В основе Союза, по мнению автора, лежало противоборство Англии и России в поисках универсального равновесия.

которого был Каслри и 3) система Меттерниха, объединяющая в себе два первых значения [5].

В дальнейшем нас будут интересовать не исследовательские интерпретации, рассматривающие различные грани Священного союза, а его восприятие современниками. В отличие от историков, имеющих дело с застывшим корпусом источников, современники наблюдают живое явление, раскрывающееся перед ними во времени. И если историки спорят, как правило, об одних и тех же текстах, то разногласия современников нередко обусловливаются тем, что речь идет о разных явлениях, обозначаемых единым понятием. Перед глазами современников смысл Священного союза развертывался во времени, и поэтому они часто разные оттенки смысла принимали за смысл в целом. Мне уже приходилось писать об интерпретации Священного союза его первыми реципиентами (баронессой Крюденер, А. Стурдза, К. Меттерних, Ж. де Местром [1]). Не повторяя уже сказанного, я постараюсь проследить, как во времени менялись общественные представления о Священном союзе на протяжении семи лет его существования, т.е. с момента подписания Акта до Веронского конгресса 1822 г., и как постепенно выкристаллизовывалось представление о реакционности Священного союза, во многом определившее последующее его восприятие как в историографии, так и в массовом сознании.

В намеченном временно́м промежутке можно выделить два этапа интерпретаций. Первый – с 1815 по 1818 г., т.е. с момента подписания Акта до Аахенского конгресса, и второй этап – с 1818 по 1822 г., т.е. период конгрессов. Для первого этапа характерно стремление либо вписать Священный союз в контекст общих представлений о необходимости преобразований Европы после Наполеоновских войн, либо проникнуть в замыслы Александра I, скрываемые им за туманными формулировками Акта. В первом случае идея Священного союза интерпретировалась как ответ на вызов времени, во втором случае – как плод индивидуального «творчества» русского царя.

Идеи объединения Европы на религиозной основе, ставшие фундаментом Священного союза, можно сказать, витали в воздухе. Еще в 1802 г. Л.Г.А. Бональд писал, что «революция, начавшаяся декларацией Прав человека, окончится декларацией прав Бога» [6, с. 96]. В марте 1814 г. Ф.Р. де Шатобриан в своей знаменитой брошюре «О Бонапарте и Бурбонах», как бы предвосхищая формулы Акта о Священном союзе, писал: «Все короли как братья, соединенные христианской религией и древностью воспоминаний» [9, с. 78].

Осенью того же года во время работы Венского конгресса вышла брошюра К.А. Сен-Симона и его ученика А. Тьерри, в которой авторы излагали свой план объединения Европы путем создания общеевропейской парламентской монархии по английскому образцу с палатой общин и палатой пэров [21]. На этом эпизоде можно было бы не останавливаться, если бы впослед-

ствии Сен-Симон не пересмотрел свои взгляды на процесс объединения Европы под влиянием Священного союза. Уже после его смерти в 1825 г. была опубликована его статья «Некоторые философские рассуждения для применения в XIX веке» [20, с. 25–86; 4, с. 273–317].

Предложенная Александром I формула европейского единства показалась Сен-Симону более отвечающей потребностям времени, чем его собственный проект. Принимая ее как новое слово в европейской политике, философ выделяет четыре попытки реорганизации Европы начиная с 1793 г. Первая – опыт был поставлен якобинцами, которые пытались возродить обычаи и нравы древних греков и римлян. По мнению Сен-Симона, это было все равно, что одеть взрослого человек в детские одежды. «Эта попытка, – пишет он, – имела попятное направление и, следовательно, была ложной» [4, с. 307]. Вторая попытка была предпринята Наполеоном, старавшимся возродить эпоху Карла Великого. Это было менее абсурдным, чем опыт якобинцев, так как ретроградация в данном случае не заходила так далеко. Третий, современный, опыт – это то, что еще недавно предлагал сам Сен-Симон – «перенос на континент английской конституции». Эта попытка ему казалась предпочтительнее двух предыдущих. Тем не менее она также с изъяном, «потому что ставит себе целью навязать народам континента такую форму общественного устройства, которая была создана и проведена в жизнь больше столетия тому назад, когда весь континентальный разум еще не пришел в движение в области политики» [4, с. 312]. Наконец, четвертый проект (речь идет о Священном союзе), в отличие от всех трех предыдущих, имеющих пусть в разной степени, но все-таки ретроградный характер, полностью устремлен в будущее. «Это учреждение объединений является естественным результатом предшествующей цивилизации и наилучшим средством перехода от феодального строя к промышленному» [там же].

Главное отличие Священного союза от предшествующих опытов реорганизации Европы заключается, по Сен-Симону, не только в том, что он соединяет в себе объединительные и миротворческие идеи, но и является высшей общеевропейской властью, которая подчиняет себе все духовные и мирские власти. «Благодаря Священному союзу, – пишет Сен-Симон, – евангельская мораль стала господствующей в Европе, мораль же, созданная различными религиозными сектами, имеет только местный характер: она подчинена наиболее человеколюбивой толерантной морали, когда-либо существовавшей. Вследствие этого философы могут свободно и смело работать над усовершенствованием общественного организма» [4, с. 313].

В дипломатических кругах идея Александра I не встретила понимания. По свидетельству Роксандры Стурдзы, «императора стали считать либо фанатиком и слабоумным, либо искусным и глубоким макиавеллистом» [12, с. 242–243]. Первую точку зрения об умственном нездоровье царя и безобид-

ности Священного союза высказал британский министр иностранных дел Р.С. Каслри. В донесении Р.Б.Дж. Ливерпулю от 28 сентября 1815 г. из Парижа, назвав Священный союз «возвышенным абсурдом», он тем не менее положительно оценил саму идею объединения трех могущественных монархов, готовых использовать «всё свое влияние для поддержания мира». И даже принцу-регенту советовал принять предложения царя и «соединиться сердцем и душой с августейшими союзниками». Правда при этом Каслри, по его словам, осмелился выразить Александру I «свое удовлетворение, что союзники не придали этому документу (т.е. Акту о Священном союзе. – *В. П.*) официального характера, который он бы неизбежно получил при публикации в качестве государственного акта». По мнению английского дипломата, Священный союз должен быть делом совести европейских монархов, а не предметом политических дискуссий. Любопытно, что главным аргументом в пользу искренности русского царя, Каслри считает его умственное расстройство: «Несомненно, рассудок императора не совсем здоров. В прошлом году было достаточно оснований считать, что он стремится к завоеваниям и господству. Теперь же всеобщее мнение состоит в том, что он настроен основать свою славу на принципе *мира* и *доброжелательности.* С тех пор как решен польский вопрос в течении дел ничто не обнаруживает иную цель. Он представляется по-настоящему искренним» [цит. по: 5, с. 65–69]. Примерно с этих же позиций, представляющих Священный союз как систему идей, не противоречащих миру, писал 31 декабря 1817 г. французский посол в Петербурге Жюст де Ноай графу де Ришелье, занимавшему в то время пост министра иностранных дел. Мысль его заключалась в том, что Александр I, провозгласив нравственные принципы в политике, сам стал их заложником. Каковыми бы ни были его истинные намерения, он не сможет открыто нарушать то, что сам «торжественно провозгласил» [3, с. 529].

Иную реакцию Священный союз вызвал у австрийской дипломатии, представленной канцлером К. Меттернихом и его советником Ф. Генцем. С их точки зрения под мистическими заявлениями о мире и братской любви скрывались воинственные замыслы царя. Правда, когда стали распространяться слухи, представляющие Священный союз как воплощение идеи крестового похода против мусульманского мира, Меттерних, как и Александр I, со своей стороны поспешил заверить Турцию в том, что ей ничего не угрожает. Примерно в то же время австрийский канцлер выступил на страницах «Австрийского наблюдателя» с разъяснением для журналистов неофициального характера Священного союза, который является не межгосударственным соглашением, а всего лишь выражением чувств и мыслей отдельных государей по поводу взаимоотношений народов и правительств [17].

Почему европейские дипломаты не приняли всерьез идею Священного союза? Во-первых, потому, что в его тексте они не обнаружили никаких

взаимных обязательств правительств по отношению друг к другу. Во-вторых, документ не только начинался, но и заканчивался провозглашением принципов, которые одновременно представляли и цель, и средства ее достижения. Против этих принципов нечего было возразить, но использовать их в практике международных отношений также было невозможно. В-третьих, Акт о Священном союзе был составлен и подписан лично государями, без контрасигнации министрами и без ратификации структурами государственной власти. В-четвертых, подписанию Акта не предшествовало его обсуждение на международных переговорах, а просто государи в процессе личного контакта друг с другом ставили свои подписи.

Возможно, что по этим же самым причинам Священный союз до 1818 г. не привлекал к себе серьезного внимания со стороны общественного мнения. В 1818 г. после публикаций актов Аахенского конгресса о Священном союзе заговорили как о реальной политической силе. Конгресс в Аахене первоначально мыслился как переговоры представителей стран – участниц Четвертного союза, заключенного в ноябре 1815 г. Австрией, Англией, Пруссией и Россией для наблюдения за Францией и предотвращения возможного рецидива бонапартизма. Поскольку в Аахене Франция официально присоединилась к Четверному союзу, то последний утратил всякий смысл. И тогда идея Священного союза не разделяющего, а наоборот, объединяющего европейские державы, оказалась востребованной. Став своего рода «правопреемником» Четверного союза, Священный союз получил не свойственные ему изначально полицейские функции, но направил их теперь не против какого-либо государства, а на поддержание порядке в Европе. При этом подразумевалось, что потенциальными нарушителями порядка являются не монархи, законно занимающие свои престолы, а народы. Именно это имел в виду Д. Прадт, когда писал по поводу деклараций Аахенского конгресса: «Общественное мнение решило, что оно сняло покрывало, окутывающее секретный союз государей против народов. В это поверили с тем большим основанием, что многие фразы этой декларации напоминали акт о Священном союзе, который при его публикации был расценен как *Апокалипсис дипломатии*» [19, с. 301].

Впрочем, пока народы вели себя спокойно Священный союз не вызывал ни споров, ни особого интереса. Когда же в начале 1820-х годов в Европе поднялась новая революционная война, Священный союз стал одной из наиболее обсуждаемых тем в европейской публицистике. Либеральные авторы констатировали перерождение Священного союза и видели в нем стремление остановить естественное развитие европейского континента. В газете «Courrier français» от 28 октября 1822 г. появилась рецензия Бенжамена Констана на брошюру Альфонса Жака Мауля «О Священном союзе и ближайшем конгрессе» [16]. Констан ставил в заслугу автору брошюры то, что тот пишет не

об определенной цели, преследуемой Священным союзом, как это делают большинство авторов, а показывает, «как эта цель изменилась, и как творение выскользнуло из рук творца». «Любопытно наблюдать августейшее собрание, – продолжает Констан, – согласовывающее с глубиной и усилием средства для поддержания мира в Европе, и доводящее ее своими комбинациями до положения, в котором вот-вот начнется война» [11][2].

Священный союз, стремящийся к тому, чтобы ничего не менялось вокруг него, изменился сам и продолжает, как утверждает Мауль, меняться. Александр I, представлявший себя «могущественным апостолом порядка, права, стабильности и всеобщей законности», принял неподвижность за мир. Побудительными причинами изначально были стремление успокоить народы, пережившие бурные потрясения революционной эпохи, и вернуть людям человеческое достоинство. Изначально не имея перед собой никакой практической цели, Священный союз являлся лишь средством для самовыражения экзальтированного царя. Поэтому эта царская идея не вызвала энтузиазма ни у дипломатов, встретивших ее с улыбкой, ни у народов, «которые легко осознали, что нет никакой необходимости в коалиции всех государей, для того чтобы поддерживать мир в Европе, когда и так никто не хотел войны» [16, с. 8–9]. Более важным для европейских народов стало требование совершенствовать политические системы внутри своих государства. И вот тут, как пишет Мауль, нашлась работа для Священного союза: «От филантропических теорий, которыми его создатель обернул его колыбель, он перешел на проторенные пути административных дрязг (administration tracassière)» [16, с. 11]. Для Александра I это означало пожертвовать принципами, вдохновившими его на создание Священного союза. Царь не мог предвидеть, что ему придется пожертвовать греками, надеющимися на его помощь против Турции, отдать всю Италию австрийцам, поддерживать во Франции ультраправых, добившихся отставки министерства Ришелье.

Резюмируя рецензируемого автора, Констан писал, что «цель Священного союза была двойной и двусмысленной, или скорее, она преследовала последовательно две цели» [11]. Первая цель была бесполезной, так как европейскому миру после окончательного изгнания Наполеона ничто не угрожало, вторая – невозможной, так как мир неудержимо работал над собственным улучшением и сохранять его в неподвижности было химерой. Поэтому подспудно возникла новая цель – противостоять конституционным режимам, которые с исторической неизбежностью стали распространяться по Европе. Таким образом, идея мира обернулась идеей войны.

2. Статья была опубликована анонимно. О том, что ее автором является Б. Констан, см.: [5, с. 332].

С апологией Священного союза выступил Шатобриан в палате депутатов 25 февраля 1823 г. Как министр иностранных дел Шатобриан должен был оправдать в глазах общественного мнения необходимость интервенции в Испанию для подавления там революции. Противники интервенции, поддерживаемые Англией, ссылались на международное право, запрещающее вмешательство во внутренние дела других государств, и осуждали решение Священного союза. Объявив себя сторонником принципа невмешательства («ни одно правительство не имеет право вмешиваться во внутренние дела другого правительства» [10, с. 337]), Шатобриан сделал существенную оговорку: «Исключая те случаи, когда под прямой угрозой находятся безопасность и жизненные интересы этого правительства» [там же]. При этом, предупреждая возможные возражения своих оппонентов, апеллирующих к английскому мнению, он сослался на опыт Англии. Он привел английскую ноябрьскую декларацию 1793 г., призывающую к интервенции против революционной Франции. Далее, проводя параллели между французской и испанской революциями, Шатобриан заявил, что Священный союз действует вполне в духе английской декларации и более того сама Англия не исключает права вмешательства в исключительных случаях. При этом он сослался на циркуляр Каслри от 19 января 1821 г., в котором говорилось: «Должно быть ясно усвоено, что никакое правительство не может быть в большей степени, чем британское, склонно поддерживать право каждого государства или государств на интервенцию в случае, когда его непосредственной безопасности или его жизненным интересам угрожают внутренние распри в другом государстве» [10, с. 340]. Шатобриан не мог не понимать, что этот циркуляр представляет собой политический анахронизм. Его автор покончил жизнь самоубийством, и во главе внешней политики Британии теперь стоял его личный и идейный враг Дж. Каннинг. С которым, кстати, у самого Шатобриана сложились вполне дружеские отношения еще с тех пор, когда он был послом в Лондоне. Не будет сильным преувеличением сказать, что относительно мирное разрешение испанской проблемы, не переросшей в большую общеевропейскую войну, стало возможным благодаря изначальной установке английского и французского министров на сохранение личных отношений. «Если бы связывающая нас дружба, мосье, смогла бы поддержать взаимную расположенность между нашими странами!» [8, с. 421]. В доверительной беседе с преемником Шатобриана в должности французского посла виконтом Марселю Каннинг сказал: «В настоящих обстоятельствах мы должны извлечь большую пользу из нашего союза. В наших обоюдных интересах действовать согласованно по Мадриду, не показывая, что мы договорились. Я надеюсь, что таким образом мы достигнем мира, и всеобщее счастье будет результатом наших трудов» [8, с. 422].

Для придания переписке интимного характера Каннинг с позволения Шатобриана стал писать ему по-английски. Тем самым французский язык писем самого Шатобриана перестал быть языком официальной дипломатии, и вся их переписка приобрела характер дружеского общения на родных языках.

Политические взгляды Шатобриана и Каннинга в своей основе во многом совпадали: «Я уверен, – писал Шатобриан Каннингу 2 января 1823 г., – что мы понимаем друг друга в практической политике так же, как мы понимаем друг друга в теоретической политике. Вы так же ненавидите радикалов, как я якобинцев, и если Франция и Англия договорятся между собой подавить и тех и других во всех странах, мы скоро положим конец континентальным тревогам» [8, с. 420]. Оба они заявляли о своей ненависти к революциям, о приверженности принципу невмешательства во внутренние дела других государств. Однако «практическая политика» зависела не только от политической теории. Шатобриан прямо писал об этом своему корреспонденту 14 января 1823 г.: «Вы лучше меня знаете, что абсолютные принципы плохо применимы в политике, в человеческих делах есть своя необходимость, и какие бы усилия ни прилагались государственными людьми, они не могут выйти за пределы возможного» [8, с. 432].

Базовые принципы Каннинга и Шатобрина по-разному применяли к конкретным событиям. Каннинг считал, что «в настоящий момент война против революционной Испании потрясла бы до основания французскую монархию и ее еще не сложившиеся полностью институты» [8, с. 424]. Шатобриан в принципе также не исключал такую возможность. Но при этом он уточнял, что «есть два способа погубить правительство: один – через неудачи, другой – через бесчестье. Если революционная Испания сможет похвалиться тем, что она заставила дрожать монархическую Францию, если белая кокарда отступит перед дескамисадосом, то вспомнят о могуществе Империи и о победах трехцветной кокарды. Так вот прикиньте, чем обернутся для Бурбонов эти воспоминания» [8, с. 432–433].

Между тем война, по мнению Шатобриана, если она все-таки начнется, была бы успешной для Франции: «Наш народ воинственен, наше увеличившееся население доставило бы нам, в случае необходимости, более миллиона лучших солдат на континенте. Наши финансы в таком цветущем состоянии, что бюджет этого года покажет, что мы с избытком имеем средства начать кампанию, не устанавливая новых налогов. Нам было бы позволительно надеяться на первый успех в Испании. Успех навсегда привязал бы армию к королю, и заставил бы всю Францию взяться за оружие. Вы даже не представляете, что может значить для нас слово *честь*. День, когда мы будем вынуждены нажать на эту великую пружину Франции, мы сможем сдвинуть мир. Никто еще не пользовался безнаказанно нашими трофеями и нашими

бедами» [8, с. 433]. При этом ответственность за войну Шатобриан перекладывает на Англию, которая своими обещаниями помощи подстрекает испанских революционеров продолжать революцию: «Мир определенно в ваших руках. И если бы, даже не следуя за континентальными державами, вы сочли бы своим долгом обратиться к испанскому правительству с суровыми речами, если бы вы сказали ему конфиденциально: “Мы не будем против вас, но мы не будем и за вас; ваша политическая система чудовищна, она внушает опасения Европе и в первую очередь Франции, измените ее или не рассчитывайте ни на какую поддержку, ни на какую помощь оружием или деньгами со стороны Англии”. Я не сомневаюсь, что в тот же момент все было бы кончено, и Англия бы стяжала славу сохранения мира в Европе» [8, с. 433–434].

Каннинг же со своей стороны, отрицая то, что Англия поддерживает революцию в Испании, считал тем не менее что война против нее была бы бессмысленной, так как любая война, направленная на изменение внутреннего устройства государства, обречена на поражение: «Я понимаю войну за наследство, войну за изменение или сохранение отдельной династии, но войну за изменение политической конституции, войну ради двух палат и расширения королевских прерогатив, войну за подобные вещи я действительно не понимаю, и я не постигаю, как нужно руководить операциями в этой войне, чтобы достигнуть подобного конца. Не хотите же вы на самом деле проповедовать Хартию, как Магомет Коран, или же как в первое время вашей революции Франция проповедовала права человека. Подумайте и о том, не могла бы Испания бросить вам в лицо нечто подобное? Не могла бы она в ответ на упреки, что изменения в ее конституции заставляют литься кровь, сравнить это с 1789, 1792 и 1793? Не могла бы она на обвинения со стороны России в насильственном свержении правительства напомнить императору Александру события, которые предшествовали его восхождению на трон, и Тильзитский договор, который отдал Испанию Бонапарту?» [8, с. 445].

Британский министр не возражал против того, что испанская конституция нуждается в изменении, но он настаивал на том, что это изменение должно быть внесено самим испанским правительством. Его французский коллега сомневался, что сами испанцы способны в обозримом будущем без посторонней помощи произвести «это столь желательное изменение». По его мнению, мир в Европе не совместим с испанской революцией, и ошибка английского правительства заключается в том, что оно полагает себя в безопасности от внутренних потрясений, которые могут быть спровоцированы Испанской революцией: «Мы хотим мира, он является предметом всех наших помыслов. Мы не хотим, чтобы наши солдаты ежедневно подвергались разложению и наши народы бунтовали. Или вы считаете, что мадридские клубы угрожают Англии меньше, чем Франции? Разве у вас нет радикалов вроде наших якобинцев? Разве ваша могущественная аристократия вызывает меньшую нена-

вись у современных уравнителей, чем сильная королевская прерогатива нашей монархии? У нас общий враг. Однажды утром борцы за законодательную власть смогут объявить в Лондоне, как и в Париже, что надо возродить наши институты, уничтожить обе палаты и установить суверенность *независимыми штыками*» [8, с. 461].

Каннинг в ответ на это продолжал настаивать на том, что надо оставить «испанскую революцию пожирать самое себя в своем собственном кратере. Вам не нужно, – писал он, – бояться извержения, если вы не откроете лаве дорогу через Пиренеи» [8, с. 462]. Один из наиболее сильных его аргументов заключался в том, что Франция снова спровоцирует в Испании народную войну, как это было при Наполеоне: «Вы объединили против Франции мнения всего народа, как одного человека. Вы возбудили против нынешнего государя те же чувства, что и против *узурпатора* Франции и Испании в 1808 г. Более того, я вынужден сказать, что теперь всеобщее согласие более совершенно, чем оно было тогда. Потому что тогда якобинцы с отвращением относились к осуждению их идола. Теперь же они, как и виги и тори, с одного конца страны до другого, все придерживаются одного и того же мнения» [8, с. 465].

Каннинг спорил не только с Шатобрианом, но и с Александром I. На Веронском конгрессе Австрия и Пруссия заняли выжидательную позицию. На интервенции настаивали главным образом Франция и Россия. Для Александра I испанская революция стала удобным поводом подтвердить реальность общеевропейской политики и показать практическую направленность идей Священного союза. Шатобриан в этом отношении был полностью согласен с Александром, и его представления о роли Священного союза во многом строились на политических заявлениях русского царя, в частности о том, что больше «не может быть политики английской, французской, русской, прусской, австрийской. Есть только всеобщая политика, которая должна быть принята всеми сообща народами и королями» [10, с. 346]. В подтверждение этих слов Александр заявил, что он первый продемонстрировал верность этим принципам, когда отказался помогать грекам против Турции вопреки национальным интересам России только лишь потому, что увидел в пелопонесских возмущениях признак революции. Теперь же общеевропейские интересы, по представлениям царя, требуют, чтобы французские войска вторглись в Испанию. «Может ли государь, способный произнести подобную речь, – риторически спрашивал Шатобриан, – предложить Франции что-то, что ставило бы под угрозу ее независимость и ее счастье?» [там же]. Отказ от интервенции, по мнению Шатобриана, привел бы Францию к изоляции: «Ошибка моих уважаемых оппонентов заключается в том, что они путают независимость с изоляцией. Перестает ли нация быть свободной только лишь потому, что она имеет договоры? Ограничена ли она в своем развитии,

подвергается ли она постыдному ярму только лишь потому, что имеет отношения с равными ей по силе державами и выполняет обоюдосторонние договоры? Какая нация, находящаяся среди других наций, смогла бы обойтись без союзов? Существует ли в истории хоть один пример? Не хотим ли мы превратить французов в своего рода евреев, отделенных от всего человечества?» [10, с. 347].

В историографии закрепилось мнение, что назначение Каннинга главой Министерства иностранных дел привело к кризису Священного союза, так как с его приходом Сен-Джеймсский кабинет стал проводить изоляционную политику и противопоставил полицейским методам Священного союза принцип невмешательства во внутренние дела. Однако обращение к источникам дает более сложную картину. Из переписки Каннинга и Шатобриана видно, что в марте 1823 г. Европа стояла на грани новой большой войны. Спровоцировать ее могли стремления Англии воспрепятствовать Франции, действующей по решению Священного союза, подавить революцию в Испании. Судьба мира в этот момент фактически находилась в руках британского и французского министров иностранных дел. Именно Шатобриан перед лицом Англии, представляемой Каннингом, отстаивал принципы Священного союза и вполне искренне доказывал право Франции на подавление Испанской революции. Каннинг пытался представить позицию Франции не как позицию Священного союза, а как стремление одного государства напасть на другое. Но такого рода аргументы не могли убедить ни Австрию, ни Пруссию, ни тем более Россию. Александр I прямо заявил, что в случае объявления Англией войны Франции русские войска вновь окажутся в Европе [8, с. 478]. В ответ на предостережения Шатобриана, что Испанская революция может развиваться по тому же сценарию, что и Французская революция, и обернется большой кровью, Каннинг приводил ассоциации с Английской революцией XVII в., которая, как известно, не вышла за пределы Англии. При этом на всякий случай он обращал внимание на то, что Фердинанд VII не вызывает никаких симпатий даже у тех, кто пытается вернуть его на трон.

Положение Франции было очень сложным. Ее вторжение в Испанию угрожало ей морской войной с Англией. Если же Франция уклонилась бы от выполнения решений Веронского конгресса, то это автоматически означало бы ее выход из Священного союза и заключение союза с Англией. В свою очередь, это привело бы снова к тому, чего хотели избежать – к большой европейской войне. Революция в Испании подавлялась бы силами Австрии, Пруссии и России, которым предстояло пройти через территорию Франции. Необходимо учитывать, что Шатобриан, отстаивая право Франции на вторжение в Испанию, из всех зол выбирал меньшее. И, как показали ближайшие события, он оказался прав. Война в Испании продлилась всего несколько месяцев (с апреля по август 1823 г.), и испанский народ к удивлению всей

Европы не принял в ней участие. По сути дела все вторжение свелось к нескольким военным операциям. Каннинг косвенным образом признал правоту Шатобриана, заявив, по словам Марселя, французского поверенного в делах при английском правительстве, что война «закончилась, едва начавшись. Успех уже не представляется ему сомнительным и он не думает больше ни о чем, кроме того чтобы его разделить» [8, с. 10].

Если Каннинг и Шатобриан при всем различии в их отношении к Священному союзу могли находить точки соприкосновения, то либеральное общественное мнение было настроено непримиримо и, стремясь представить Священный союз в виде ретроградной и реакционной силы, противопоставляло ей либеральную систему Каннинга. В наиболее полном виде эту оппозицию выразил швейцарский агроном Ф. Люлен де Шатовье. Рассуждая об освобождении испанских колоний, он писал, что Священный союз, следуя собственным принципам, должен был бы послать в Южную Америку флот для возвращения колоний испанскому правительству. Если бы он это сделал, то, вероятно, колонии подчинились бы, так как не имели достаточных сил сопротивляться силам Союза. Колонии нуждались в защите от Священного союза, и такую защиту им обеспечила Англия. «Но что бы иметь право защищать Америку от союза континентальных держав, – продолжает Шатовье, – необходимо было установить право, отличающееся от их права, и другие политические принципы. Г-н Каннинг не остановился перед этим, и таким образом он провозгласил систему, на которой основал величие своей страны. Эта система была направлена против системы Священного союза, и Англия, одобрительно приняв ее, встала во главе той новой нравственной силы, которую народы противопоставили преградам на пути их цивилизации» [15, с. 113].

Это один из первых случаев употребления идеологемы «система Каннинга» как альтернативы Священному союзу. При этом надо понимать, что ни Каннинг не был последовательным сторонником принципа невмешательства, ни Священный союз никогда не провозглашал противоположного принципа. Не менее правомерным было бы противопоставить «систему Каннинга» как следование национально-эгоистическим интересам и систему Священного союза с его стремлением видеть Европу единой христианской семьей, в которой снимается само противопоставление вмешательства и невмешательства во внутренние дела.

Именно так представлял суть дела Шатобриан в своих парламентских выступлениях. Священный союз в его интерпретации выглядел как объединение европейских монархов и народов на основе христианской морали: «Государи, исполненные умеренности и справедливости, короли – честные люди, которых подданные хотели бы иметь у себя в друзьях, если бы они не были их правителями» [10, с. 345]. Эти идеи при всем их романтизме Шатобриан

считал вполне реальным следствием утверждения в Европе принципов Священного союза. Гибельную альтернативу этим принципам он видел в политике Каннинга, которая, по его мнению, сводится к эгоистической заботе об английской промышленности: «Его политика не романтична. Он жестко заявил Испании, что Англия никогда не поднимала оружия за Бурбонов. Он столь же жестко отказал в помощи эллинам, которую на Темзе готовы были им оказать. Он все оборачивает на процветание Англии: и рабство народов, и свободу людей. Он предпочитает Боливара турецкому султану. Он будет против греков вместе с лондонскими купцами и против испанских республик вместе с ливерпульскими купцами. Если поворот судьбы пробудит другие интересы, он будет за греков и против республик» [10, с. 148–149].

Возвращаясь к Александру I, мы не может определить степень искренности его представлений о возможности строить международные отношения на христианской основе. Сам он никогда не подчеркивал свое «авторство» идеи Священного союза. Напротив, Александр хотел убедить себя и окружающих в том, что он, пользуясь властью и политическим превосходством над европейскими монархами, данными ему Богом, лишь воплощает в жизнь насущные идеи своего времени. В воспоминаниях прусского епископа Эйлерта приводятся слова Александра, приписывающие идею религиозно-нравственного обновления политической жизни Европы прусскому королю Фридриху Вильгельму III: «Во дни битв при Люцене, Дрездене, Бауцене, – говорил Александр Эйлерту, – после стольких бесплодных усилий, или несмотря на величайший героизм наших войск, мы тем не менее вынуждены были отступить; ваш король и я, мы не могли не прийти к убеждению, что власть человеческая ничтожна и что Германия погибнет, если не будет особенной помощи и благословения божественного Промысла. Мы ехали рядом, ваш король и я, без свиты; мы оба были серьезны, предавшись своим размышлениям, и молчали. Наконец, этот любезнейший из моих друзей прервал молчание и обратился ко мне с этими словами: “Так дело не может идти! Мы направляемся к востоку, между тем мы хотим, и мы должны идти к западу. Мы придем туда, с Божьей помощью. Но если, как я надеюсь, Бог благословит наши соединенные усилия, тогда провозгласим перед лицом всего мира наше убеждение, что слава принадлежит Ему одному”. Мы обещали это друг другу, и мы искренне пожали руки» [цит. по: 2, с. 357][3].

3. Совершенно другую картину рисует Каслри в своем донесении Ливерпулу от 28 сентября 1815 г., написанном по горячим следам: «Я должен сообщить вам, что хотя австрийский император и является внешним представителем (organe apparent), все распоряжения исходят от императора России, дух которого в последнее время принял глубоко религиозный оборот». Далее рассказывается, как Александр буквально заставил подписать Акт о Священном союзе Франца I и Фридриха Вильгельма III. Со

Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что Россия, в отличие от Австрии и Пруссии, в войне с Францией не могла компенсировать свои потери приобретением территорий. Это открывало возможность представить позиции русской дипломатии в очень выгодном свете. Александр, открыто заявлявший о защите интересов своих вчерашних врагов – Франции и Польши, вполне мог позволить себе встать выше узконациональных интересов европейских стран и предложить им новые принципы дипломатических отношений. В дипломатических кругах передавались слова Александра: «Всеобщая система, которой мы следуем, несовместима с комбинациями старой политики». Ему поверили и за ним пошли люди, для которых нравственность была выше политики. Шатобриан наиболее показательный пример в этом отношении. И наоборот, политики, с которыми царь собирался строить новую Европу, встретили его идеи либо насмешками, либо тяжелыми подозрениями. Рассеивая эти подозрения, царь вынужден был идти на уступки традиционной дипломатии. Это породило раздвоенность самого понятия Священного союза и, как следствие, сложность его интерпретаций.

Библиография

1. Парсамов В.С. «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзы») // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 44–66.
2. Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. Пг.: Огни, 1916. 486 с.
3. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1904. Т. 119. 896 с.
4. Сен-Симон А. Некоторые философские рассуждения для применения в XIX веке // Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 273–317.
5. Bertier de Sauvegny G. La Sainte-Alliance. Paris, 1972. 383 p.
6. Bonald. Législation primitive considerée dans les derniers temps par les seules lumières de la raison. Paris, 1802. T. 1. 560 p.
7. Bourquin M. Histoire de la Sainte Alliance. Genève, 1954. 507 p.
8. Chateaubriand. Congrès de Vérone. Paris; Leipzig, 1838. 488 p.
9. Chateaubriand. De Buonaparte et des Bourbons. Paris, 1814. 140 p.
10. Chateaubriand. Oeuvres complètes. Paris, 1975. T. 8.
11. Courrier français. 1822. 28 Oct.
12. Edling la comtesse. Mémoires. Moscou, 1888.

слов Меттерниха, Каслри сообщает своему корреспонденту о затруднении (embarrase), в котором оказался австрийский император: «Он испытал сильное отвращение участвовать в подобном акте, но еще больше он боялся отказать в настойчивой просьбе императору [России] <...> Короче говоря, не видя средств уклониться, австрийский император согласился подписать этот документ после изменения в нем нескольких слов». Примерно так же, судя по письму Каслри, обстояло дело и с Фридрихом Вильгельмом: «Русский император отнес затем его (текст Акта. – В. П.) прусскому королю, который реагировал подобным же образом, но в итоге пришел к тому же заключению» [цит. по: 5, с. 66–67].

13. Ley F. Alexandre 1er et sa Sainte-Alliance (1811–1825). Paris, 1975.

14. Ley F. Madame de Krüdener. 1764–1824. Romantisme et Sainte-Alliance. Paris, 1994.

15. Lullin de Chateauvieux F. Lettre de Saint-James. 5e partie. Paris; Genève, 1826.

16. Mahul A.J. De la Sainte-Alliance et du prochain congrès. Paris, 1822.

17. Österreichischer Beobachter. 1816. 5 Nov.

18. Pirenne J-H. La Sainte-Alliance. Organisation européene de la paix mondiale. Paris, 1946. T. 1–2.

19. Pradt D. L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle faisant suite au congrès de Vienne. Paris, 1819.

20. Saint-Simon Cl.H. Quelques opinions philisophiques à l'usage du XIX siècle // Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Paris, 1825. P. 25–86.

21. Saint-Simon, Tierry A. De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son independence. Paris, 1814.

References

Bertier de Sauvegny G. La Sainte-Alliance. Paris, 1972. 383 p.

Bonald. Législation primitive considerée dans les derniers temps par les seules lumières de la raison. Paris, 1802. T. 1. 560 p.

Bourquin M. Histoire de la Sainte Alliance. Genève, 1954. 507 p.

Chateaubriand. Congrès de Vérone. Paris; Leipzig, 1838. 488 p.

Chateaubriand. De Buonaparte et des Bourbons. Paris, 1814. 140 p.

Chateaubriand. Oeuvres complètes. Paris, 1975. T. 8.

Courrier français. 1822. 28 Oct.

Edling la comtesse. Mémoires. Moscou, 1888.

Ley F. Alexandre 1er et sa Sainte-Alliance (1811–1825). Paris, 1975.

Ley F. Madame de Krüdener. 1764–1824. Romantisme et Sainte-Alliance. Paris, 1994.

Lullin de Chateauvieux F. Lettre de Saint-James. 5e partie. Paris; Genève, 1826.

Mahul A.J. De la Sainte-Alliance et du prochain congrès. Paris, 1822.

Österreichischer Beobachter. 1816. 5 Nov.

Parsamov V.S. «Apokalipsis diplomatii» («Akt o Svjashhennom sojuze» v interpretacii K.-V. Metterniha, baronessy Krjudener, Zhozefa de Mestra i Aleksandra Sturdzy») // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Saratov, 2003. V. 20. P. 44–66.

Pirenne J-H. La Sainte-Alliance. Organisation européene de la paix mondiale. Paris, 1946. T. 1–2.

Pradt D. L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle faisant suite au congrès de Vienne. Paris, 1819.

Pypin A.N. Religioznye dvizhenija pri Aleksandre I. Petpograd: Ogni, 1916. 486 p.

Saint-Simon Cl.H. Quelques opinions philisophiques à l'usage du XIX siècle // Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Paris, 1825. P. 25–86.

Saint-Simon, Tierry A. De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son independence. Paris, 1814.

Sbornok Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg, 1904. V. 119. 896 p.

Sen-Simon A. Nekotorye filosofskie rassuzhdenija dlja primenenija v XIX veke // Sen-Simon A. Izbrannye sochinenija. V. 2. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. P. 273–317.

Н.П. Таньшина

ВЕНСКАЯ СИСТЕМА И ВЕНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ

Аннотация. *В статье речь идет о восприятии Венской системы международных отношений во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848). Если правящие либералы-орлеанисты были убеждены, что Франция должна придерживаться Венской системы, отказавшись от идеи «экспорта революции», то широкие круги французского общества усматривали в Венских договорах основную причину всех бед и несчастий Франции и выступали за их упразднение. Это противоречие между народными чаяниями и умеренным внешнеполитическим курсом правительства во многом оказалось фатальным для режима Июльской монархии и стало одной из причин Революции 1848 г.*

Ключевые слова: *Венская система, Июльская революция 1830 г., король Луи-Филипп Орлеанский, «наполеоновская легенда», «Realpolitik», идея невмешательства, «экспорт революции».*

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХИГС), профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (МПГУ). E-mail: nata.tanshina@mail.ru

N.P. Tanshina. The Vienna System and the Vienna Agreements: The View from France

Abstract. *The article describes the perception of the Vienna system of international relations in France during the July monarchy (1830–1848). While the ruling liberal Orleanists were sure that France should follow the Vienna system, refusing the «export revolution» idea, the wide circles of the French society assumed that the Vienna treaties led to all disasters and misfortunes of France and stood for their abolition. Such conflict between people's aspirations and the moderate foreign policy of the government was really fatal for the regime of the July monarchy and became one of the reasons of the Revolution of 1848.*

Keywords: *the Vienna system, the July revolution of 1830, king Louis Philippe of Orleans, the «Napoleonic legend», «Realpolitik», the idea of non-interference, the «export of revolution».*

Tanshina Nataliya Petrovna – doctor of Science (History),
professor of the School of the Advanced Studies in the Humanities,
Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
professor of Moscow State Pedagogical university.
E-mail: nata.tanshina@mail.ru

В истории XIX в. для французов есть два символических события с крайне негативной коннотацией – это Ватерлоо и Седан. Два символа унижения и позора. Ватерлоо завершило эпоху величия и побед императора Наполеона I, Седан подвел итог под империей его племянника, Наполеона III. Начиная с первых лет Реставрации в массовом сознании французов формируется убеждение, характерное для всего XIX в.: главным источником французских бед, и в первую очередь поражения Франции под Седаном, являются договоры 1815 г.

Между тем только Седан приучил французов к мысли о Ватерлоо. Все эти годы французы жили в плену «наполеоновской легенды» – идеи величия Франции, ее военного могущества и побед. «Наполеоновская легенда» была своеобразным противовесом Венским договорам, которые в глазах большей части французов являлись источником всех бед и несчастий Франции, синонимом ее национального унижения. И это притом, что Венские договоры отнюдь не имели такого унизительного характера для Франции. В этом была большая заслуга как князя Ш.-М. Талейрана, который, играя на противоречиях между державами, «выторговывал» выгодные для Франции условия, так и самих союзников, которые прекрасно осознавали, что Францию необходимо «проучить», но надо дать ей возможность вернуться в ранг «великих держав», дабы не создавать условий для развития реваншистских идей. Однако несмотря на то что уже в 1818 г. после уплаты контрибуции с территории Франции были выведены оккупационные войска, идея унижения, и соответственно, реванша, никуда не ушла из массового сознания. Напротив, она пустила глубокие корни и обильно расцвела. И случилось это в 1830 г., после Июльской революции, которая возродила не только чувство национальной гордости, но и чувство национальной обиды.

Июльская революция вызвала воспоминания о временах Великой революции и Империи, чувство необходимости ликвидировать договоры 1815 г., желание распространять за границы Франции идеи конституционного прогресса как противовес консервативным режимам. Эти ожидания, «это дно черной патриотической страсти» (как говорил политический деятель тех лет

Шарль Ремюза), были широко распространены во французском общественном мнении: среди республиканцев и даже самих орлеанистов, интеллектуалов, студентов, либеральной буржуазии. Все критиковали правительство за то, что оно жертвует национальной честью в материальных и династических интересах правящей верхушки [10, p. 300]. Министра иностранных дел Франции в 1840–1848 гг. Франсуа Гизо именовали не иначе как «лордом Гизо», или «лордом Валь-Рише» (по наименованию его нормандского поместья), имея в виду его якобы проанглийскую политику. Даже национальная гвардия вотировала манифесты против пацифизма короля.

Такие настроения подогревались и событиями в Европе: Июльская революция 1830 г. стала катализатором революционных движений в Бельгии, Польше, Итальянских государствах. Король Луи-Филипп Орлеанский, сам пришедший к власти в результате революции, оказался в сложных условиях. Политика французских либералов-орлеанистов по отношению к разного рода революционным и национально-освободительным движениям – это один из деликатных аспектов французской дипломатии. С одной стороны, французы считали себя обязанными помочь народам, боровшимся за свое освобождение, а идея «экспорта революции», апробированная в конце XVIII в., вновь обрела огромную популярность. По словам современника событий Луи Блана, в эти годы «Франция жила больше жизнью других наций, чем своей собственной. События, будоражившие тогда Польшу, Португалию, Бельгию, занимали умы в манере почти исключительной…» [9, t. 2, p. 349]. С другой стороны, континентальные монархи пристально следили за действиями Франции и не простили бы Луи-Филиппу оказания восставшим поддержки. Король это понимал и был вынужден маневрировать, чтобы не дать погибнуть движениям, которым он симпатизировал. Можно сказать, что Луи-Филипп стремился по мере возможности «орлеанизировать» новые политические режимы, создавая, таким образом, дружественные Франции государства.

Польские, итальянские и немецкие беженцы, скрывавшиеся во Франции и бывшие там весьма популярны, также поддерживали идею освободительной миссии Франции. Ф. Гизо так говорил в своем парламентском выступлении 15 января 1831 г.: «Народ, совершивший революцию и принявший революционные принципы, должен сделать их превалирующими во всей Европе… Рассуждают так: принцип народного суверенитета восторжествовал у нас, значит, необходимо содействовать тому, чтобы он победил во всей Европе» [12, t. 1, p. 191]. Такую идею Гизо называл «фантазией» и отмечал, что она не являлась новой: «Людовик XIV… имел фантазию сделать французскую монархию лидирующей в Европе; Конвент хотел доминирования республики; Бонапарт желал установления Империи во всей Европе. Священный союз претендовал подчинить ее абсолютному монархическому

принципу. Что из этого вышло? Неистовая реакция не только правительств, но и народов, национальная реакция против намерения навязать Европе жесткое единство!» [12, t. 1, p. 191]. Исходя из этого, либералы-орлеанисты выдвинули принцип невмешательства во внутренние дела другого государства.

Идея невмешательства – это один из главных постулатов политики Сопротивления[1]. Умеренные либералы-орлеанисты сформулировали этот принцип в качестве противовеса идее Священного союза о легитимности вмешательства во внутренние дела государства, представляющего угрозу для существования абсолютистских режимов. Франция, в которой только что победила революция, объявляла, таким образом, нелегитимным вмешательство иностранных дворов в ее внутренние проблемы.

Глава правительства герцог В. де Брой, сравнивая принцип невмешательства с личной свободой, отмечал: «Я являюсь хозяином у себя, и никто не имеет права проникать ко мне без моего согласия… Если мой сосед намеревается вмешаться в мои дела, я не только имею право противодействовать его вмешательству, но вправе подавить его, призвав на помощь всех других моих соседей, имеющих косвенный, но легитимный интерес к сохранению свободы каждого человека и безопасности каждого жилища. Так и между государствами: каждый у себя, каждый за себя; все, по необходимости, за или против каждого, согласно обстоятельствам» [11, t. 4, p. 39].

Как видим, де Брой полагал, что принцип невмешательства отнюдь не означал пассивной линии поведения. Французское правительство брало на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела других государств. Оговаривая при этом, что если ситуация в какой-либо стране будет представлять угрозу национальной безопасности Франции, если во внутренние дела какого-либо государства вмешается третья держава и возникнет опасность для Франции или для европейского равновесия, то Франция может прибегнуть к вооруженному вмешательству в дела другого государства.

Исходя из такой интерпретации принципа невмешательства французское правительство осуществляло практические действия: в частности по вопросу о судьбе Бельгии. Такую трактовку этого принципа и сторонники политики Луи-Филиппа, и представители оппозиции называли «двойным принципом». По словам посла Российской империи во Франции графа К.О. Поццо ди Борго, «Франция, постоянно твердя о невмешательстве, без конца проводила противоположную политику». Российский дипломат считал, что Луи-Филипп тяготился необходимостью придерживаться принципа невмешательства и следовал ему только потому, что общественное мнение Франции было настроено

1. Сопротивление – это правый фланг орлеанизма, в отличие от Движения, занимавшего левый фланг.

решительно в пользу этого принципа. По его мнению, король «не мог отказаться от идеи невмешательства без больших опасностей для себя самого» [1, л. 404].

Лидеры Сопротивления не были согласны с такой трактовкой принципа невмешательства. По словам Казимира Перье, одного из ведущих политиков тех лет, в 1831 г. возглавлявшего правительство, принцип невмешательства вовсе не означал обязательного присутствия французских войск повсюду, где этот принцип нарушался. «Это будет вмешательство другого рода», – заявил К. Перье, выступая в Палате депутатов 18 марта 1831 г. По его словам, такая политика означала бы «возобновление претензий Священного союза… химерических амбиций всех тех, кто хотел подчинить Европу одной идее и создать универсальную монархию. Трактуемый подобным образом принцип невмешательства будет служить прикрытием духа завоеваний» [2, л. 92 об.].

Проблема проживания на территории Франции эмигрантов из Польши, Италии, Испании была очень острой на всем протяжении существования Июльской монархии. Эта проблема вызывала осложнения как политического, так и экономического плана, поскольку содержание иностранцев значительно отягощало бюджет Франции, а также являлось фактором внутриполитической нестабильности. Например, в 1840 г., по данным Ш.-М. Дюшателя, министра внутренних дел в правительстве Н. Сульта, всего на территории Франции насчитывалось приблизительно 31 800 иностранцев, из них испанцев – 26 400 человек. По его мнению, правительству следовало принять меры для ограничения числа эмигрантов на территории Франции. В то же время он подчеркивал, что это было сделать не так уж просто. «Обстоятельства налагают на нас это тяжкое бремя по крайней мере до конца года», – заявил министр [16, p. 2298].

Французские власти в эти годы получали нескончаемые жалобы со стороны русского правительства по поводу пребывания поляков во Франции. Вице-канцлер граф К.В. Нессельроде обвинял французское правительство в покровительстве польским эмигрантам, в частности князю Адаму Чарторыйскому, усматривая в этом «великий скандал» и «скандальный беспорядок» [5, т. 15, с. 201]. Решить проблему пытались разными способами: от отправления поляков в Португалию до создания Польского легиона, однако эти попытки не увенчались успехом. В результате неблагонадежных поляков разместили подальше от столицы, в так называемых «польских депо».

В условиях роста патриотических настроений и обострения чувства национального самосознания даже обычные в дипломатической практике компромиссы воспринимались французами весьма болезненно. Что уж говорить о реакции французов на заключение 15 июля 1840 г. Лондонской конвенции по делам Востока без участия Франции! Это спровоцировало в стране бурю патриотического негодования, волну русофобских и англофобских настроений.

Пока в правительстве пытались трезво оценить создавшуюся ситуацию, возмущенные парижане били стекла в британском посольстве и устраивали бурные манифестации на бульварах столицы; в стране уже мечтали о реванше за 1815-й год. По словам Гизо, «новая коалиция против Франции (имеются в виду державы, заключившие Конвенцию 15 июля 1840 г. – *Н. Т.*) пробудила… еще живые воспоминания о наших битвах против могучих европейских коалиций и породила во Франции брожение, полное гнева и тревоги… При известиях о бедствиях, испытываемых Мухаммедом Али, в стране пробудилось в высшей степени воинственное движение, хотя трудно было определить его характер и масштабы; было лишь желание отомстить державам, которые воспользовались событиями на Востоке, чтобы восстановить против нас коалицию 1815 г. Однако вскоре из воинственного это движение превратилось в революционное. Политическая система Европы и основы французской монархии, границы государства и порядок вещей, существующий в других странах, – все эти вопросы возбуждены были разом; республиканская пресса отличалась обычным своим неистовством; тайные общества активизировали свою деятельность как никогда прежде...» [13, t. 5, p. 344, 382].

Во Франции начались лихорадочные военные приготовления. Были опубликованы королевские ордонансы, согласно которым все бессрочные отпускники призывались в действующую армию; численный состав армии значительно увеличивался. Было предписано сформировать 12 новых пехотных полков, десять стрелковых батальонов и шесть кавалерийских полков. Численность флотских экипажей была увеличена на 10 тыс. человек. На верфях в большом количестве строились новые корабли (пять линейных кораблей, 13 фрегатов и девять паровых судов). Был составлен комитет для разработки плана возведения укреплений вокруг Парижа, заседания которого происходили ежедневно. Как отмечал журнал «Русский вестник», не только во Франции, но и по всей Европе «господствовало убеждение, что стоило только французскому правительству открыть клапан, и революционный ураган распространился бы по Европе…» [6, с. 70].

Во французском общественном мнении было сильно убеждение, что именно тогда у Франции появилась реальная, может быть, единственная возможность попытаться трансформировать Венскую систему и не допустить превращения Франции во второстепенную державу. По словам Ф.Р. де Шатобриана, именно тогда глава правительства А. Тьер «держал в руках судьбы мира». Он упрекал главу кабинета в том, что ему «недостало решимости». Шатобриан писал: «Отдай он приказ напасть на английский флот, и при нашем тогдашнем численном превосходстве на Средиземном море победа была бы за нами; турецкий и египетский флоты, стоявшие в Александрийском порту, пришли бы нам на помощь; поражение Англии воодушевило бы Францию. Можно было сразу ввести стопятидесятитысячную армию в Баварию,

можно было захватить какой-нибудь итальянский городок, не ожидающий нападения. Лицо всего мира изменилось бы» [7, с. 559–560]. Тьер, по его словам, «не решился пойти ва-банк; оценив свои силы, он их счел недостаточными, а ведь именно оттого, что ему нечего было терять, он мог все поставить на карту. Мы очутились под пятой у Европы: такого случая воспрянуть нам больше не представится» [7, с. 560].

Может быть, наиболее ярко национальное чувство проявится в ходе сопутствовавшего Восточному Рейнского кризиса – резкого обострения франко-немецких отношений.

На Венском конгрессе державы-победительницы не пошли на применение принципа легитимизма по отношению к германским землям. По сути, был сохранен порядок вещей, созданный Наполеоном I под новым названием – Германский союз, находившийся под контролем Австрии и Пруссии. Французские либералы осудили эти решения, восстанавливавшие на Рейне систему, существовавшую к 1792 г., и оценивали решения Венского конгресса как угрожающие национальной безопасности Франции в будущем. По их мнению, главная задача французской внешней политики заключалась в возвращении Франции левого берега Рейна в качестве ее естественной границы и лучшей гарантии национальной безопасности страны. Как следствие, все усилия французской дипломатии должны были быть направлены на проведение и поддержку политических действий и движений, способных привести к упразднению системы, установленной Венским конгрессом. В этом отношении все группы французской оппозиции – от умеренных либералов до радикальных республиканцев и карбонариев – в годы Реставрации проявили единодушие.

В годы Восточного кризиса и изоляции Франции на международной арене в стране развернулось широкое движение за возвращение Франции левого берега Рейна, поддерживаемое даже окружением Луи-Филиппа. Левая газета «La Réforme» привела на своих страницах высказывание сына Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, который на тот момент будто бы заявил: «Я лучше умру на берегах Рейна, чем в сточной канаве в Париже» [15]. Правда, ровно год спустя, вследствие трагического инцидента, он погиб буквально в парижской канаве...

Во французском обществе в то время были широко распространены иллюзии, что в тот момент, когда французские войска окажутся на Рейне, германское население встретит их с симпатией и надеждой как освободителей от деспотизма. Как справедливо отмечал французский исследователь Жак Дроз, французская общественность была твердо уверена, что «достаточно одного выстрела французской пушки, чтобы жители прирейнских городов поднялись против прусского господства» [17, p. 110]. Во Франции был живуч миф о приверженности немцев к Франции как к стране, являвшейся символом

свободы и равенства всех людей. Антифранцузские заявления немецких газет расценивались как происки агентов Меттерниха; во Франции полагали, что эти сообщения не имели ничего общего с истинными настроениями германского общества. Однако именно Рейнский кризис показал, что надежды французов на привлекательность французской модели для германских государств и их стремление к союзу с Францией не были обоснованными.

На волне всплеска патриотических и национальных чувств Адольф Тьер, восторженный поклонник Наполеона и «наполеоновской легенды», затеял операцию, которую Виктор Гюго назвал «монументальной галиматьей» – возвращение праха Наполеона с острова Святой Елены (12 мая 1840 г. английское правительство согласилось возвратить Франции останки Наполеона I). Французское общество пришло в состояние чрезвычайного возбуждения, в стране опять заговорили о победах, завоеваниях и естественных границах. Может быть, это было сделано намеренно: Тьер был убежден, что Франции нечего опасаться угрозы бонапартизма, и стремился доказать французам, что из всех политических деятелей Июльской революции именно он был самым пламенным патриотом.

Доставка тела Наполеона была возложена на третьего сына Луи-Филиппа, принца Жуанвильского. Сын короля вспоминал: «Я был солдатом, и я не мог оспаривать приказ». В своих мемуарах он отмечал, что рассматривал Наполеона под двойным углом зрения. С одной стороны, Наполеон для него являлся «врагом династии, убийцей герцога Энгиенского, который, терпя поражение, оставил Францию разрушенную, расчлененную, вовлекший ее в сомнительную азартную игру, где толпы наивных так часто становятся жертвами политических крупье, всеобщего избирательного права». С другой стороны, над этим Наполеоном «возвышался бесподобный военачальник, гений которого, даже в своем поражении, обессмертил наши армии». Принц отмечал, что он примирился с решением отца, воспринимая возвращение праха Наполеона как «возвращение знамени побежденной Франции, которое мы вновь поднимаем, по крайней мере, мы в это верим...» [14, p. 180].

На Святую Елену отправилась миссия, состоявшая, как писал принц Жуанвильский, из «свидетелей взлета и падения Наполеона», в том числе генералов Бертрана, Гурго, Лас-Каза. Во время путешествия велись настолько интересные разговоры: генералы вспоминали Наполеона, разные случаи из жизни, что принц Жуанвильский часто сожалел, что среди них не было стенографиста [14, p. 180–181].

Фрегат «Бель-Пуль» отправился на Святую Елену 7 июля и возвратился в Шербур 30 ноября: таково было распоряжение Тьера – прах Наполеона нужно было доставить в Париж к моменту открытия парламентской сессии. Однако Тьеру это не помогло: 29 октября Луи-Филипп сформировал кабинет во главе с Н. Сультом, в котором пост министра иностранных дел занял

миролюбивый и склонный к компромиссам Ф. Гизо, фактически ставший реальным руководителем кабинета.

Последний этап водного пути – по Сене от Руана до парижского пригорода Курбевуа – останки Наполеона проделали на маленьком речном пароходе, и 14 декабря были выгружены на берег. Нос этого «погребального корабля» был украшен трехцветным знаменем и католическим крестом.

«Праздник почившего изгнанника, с торжеством возвращающегося на родину», как образно назвал церемонию Виктор Гюго, состоялся в Париже 15 декабря 1840 г. и, несмотря на опасения, прошел без эксцессов. Дело в том, что ультрапатриотическая антианглийская риторика, к которой летом и осенью 1840 г. охотно прибегали журналисты, верные Тьеру, оживила в народе память о поражениях 25-летней давности; парижские простолюдины вспомнили о Ватерлоо и стали вымещать обиду на англичанах, находившихся в Париже, от слуг до дипломатов. Перед церемонией 15 декабря ходили слухи, будто толпа намерена разгромить здание английского посольства; был известен случай, когда на улице Предместья Сен-Оноре толпа встретила экипаж английского посла во Франции криками: «Долой англичан!» [4, с. 346].

Очень интересные наблюдения об этом необычайно холодном по парижским меркам дне (в столице было минус десять) оставила Дельфина де Жирарден, регулярно публиковавшая свои очерки в газете «Пресса». В очерке от 20 декабря она писала: «На церемонии присутствовало шестьсот тысяч человек, и из этих шестисот тысяч всего две сотни оказались смутьянами, которые пытались нарушить торжественную тишину своими криками» [там же].

Сын короля принц Жуанвильский в своих воспоминаниях отмечал, что когда процессия двигалась по Елисейским Полям, раздались крики: «Долой изменников!» Поскольку он долго отсутствовал во Франции, то он сначала не понял, о чем идет речь. «Но мне объяснили, что эта манифестация была адресована моему отцу и его министрам, отказавшимся вовлечь Францию во всеобщую войну из-за событий на Востоке» [14, p. 193].

На площади перед Домом Инвалидов были устроены подмостки, на которых разместилось 100 тыс. человек; по обе стороны аллеи были установлены два ряда колоссальных статуй, изображавших героические фигуры, напротив Дома Инвалидов возвышалась гипсовая статуя императора. Однако в целом, по словам Гюго, в этой церемонии «не было правды, а потому и вышла она вся какой-то фальшью и надувательством. Правительство как будто испугалось вызванного им призрака. Показывая Наполеона, оно в то же время старательно скрывало его, намеренно оставляя в тени все, что было или слишком велико, или слишком трогательно. Грандиозная действительность всюду пряталась под более или менее роскошными покрывалами. Императорский кортеж, долженствовавший быть всенародным, ограничен одним

военным, настоящая армия подменена Национальной гвардией, собор – домашней капеллой Инвалидов, наконец, действительный гроб подменен пустым ящиком». Подменили, по словам Гюго, даже лошадь, белого коня, покрытого фиолетовым крепом, которого большинство принимало за настоящего боевого коня Наполеона, «не соображая, что если б он прослужил Наполеону хоть только два года, и то ему теперь было бы целых тридцать лет – возраст почти невозможный для лошади». На самом деле это была всем известная старая лошадь, которая вот уже десять лет фигурировала в роли боевого коня на всех парадных военных похоронах [3, с. 26, 37].

За гробом шли маршал Никола-Шарль Удино (наполеоновский маршал, в 1810 г. получивший от императора титул герцога Реджио), неся кисти от погребального покрова, маршал Молитор, генерал Бертран и адмирал Руссен.

Дельфина де Жирарден весьма точно подметила одну из главных причин популярности императора Наполеона I в массовом сознании французов. По ее словам, «он единственный был честен с народом, а не взывал к его рыцарскому великодушию и не обольщал его блистательными обманами». Она писала: «Наполеон сказал французам: “Сражайся за меня!” – и французы пошли за этим человеком с восторгом, и поклоняются его памяти по сей день, и будут поклоняться ей вечно, потому что он один понял их, он один не требовал от них никаких преступлений, он один не прививал им дурных страстей, он лишь приказывал им гибнуть с честью на поле боя, и они также повиновались бы» [4, с. 345] – в этом, может быть, кроется и разгадка непопулярности Луи-Филиппа, который призывал французов не к славе и смерти во имя побед, а к стабильности и умеренности.

«Как прекрасно было зрелище великодушного народа, с любовью приветствовавшего гроб победителя! Сколько рвения! Сколько волнения! Четырехчасовое ожидание под снегом ни у кого не отбило охоту присутствовать на церемонии» [там же]. Люди стояли вдоль всего пути следования погребальной колесницы; из порта Курбевуа кортеж добрался до Триумфальной арки на площади Звезды, оттуда процессия проследовала по Елисейским Полям до площади Согласия, пересекла Сену по мосту Согласия и направилась к Дому Инвалидов.

Через несколько дней после церемонии Дельфина де Жирарден писала: «Париж по сей день только и говорит, что о знаменательном событии. Все спрашивают друг у друга: “Ну и как вы все это вынесли?” Для того чтобы вынести все с начала до конца, требовалось в самом деле немалое мужество; недаром сразу после церемонии все кругом сделались больны. Все разговоры начинаются с жалоб; каждый перечисляет недуги, какими поплатился за присутствие на церемонии. Лишь затем начинается обмен впечатлениями» [4, с. 346].

Проницательная Дельфина де Жирарден очень тонко проследила процесс формирования «наполеоновской легенды»: «…История в конце концов примиряет своих детей со всем светом. Взять хотя бы этого подлого узурпатора, коварного корсиканца, отвратительного тирана, ненасытного людоеда, мерзкого крокодила; его проклинали, его ненавидели, ему изменяли, больше того, его забыли!.. И что же? Теперь те, кто его проклинали, им восхищаются, те, кто его ненавидели, ему поклоняются, те, кто ему изменили, его оплакивают, те, кто его осуждали, его воспевают… Какие удивительные превращения! А ведь прошло всего два десятка лет! Как! Неужели ненависть так непостоянна!..» [4, с. 348].

* * *

В годы Июльской монархии во Франции столкнулись два подхода к решению внешнеполитических проблем: либеральный, проводимый либералами-орлеанистами, с приоритетом морали и права, и традиционно-реалистический. Второй подход, популярный в широких слоях французского общества и среди части политического истеблишмента, подразумевал необходимость отстаивания национальных интересов страны всеми возможными методами, в том числе и силовыми. Если широкие круги французов были охвачены патриотическим чувством и были готовы ниспровергнуть Венскую систему, то Луи-Филипп, «король баррикад», пришедший к власти в ходе Июльской революции, исходил тем не менее из прямо противоположных установок. Король и поддерживавшие его либералы-орлеанисты полагали, что единственной возможностью для Франции быть вновь допущенной в «европейский концерт» являлись признание Венской системы международных отношений и легитимного порядка, установленного в Европе, а также отказ от идеи распространения либеральных принципов на штыках.

Представляется, что внешнеполитическая программа, предложенная либералами-орлеанистами, оказалась более реалистичной и прагматичной, исходящей из реальных экономических возможностей, военно-морского потенциала Франции и ее позиций в Европе. Орлеанисты, предполагая разрешение конфликта между конституционными и абсолютистскими державами, исходили из осознания того, что страх войны и революции лежали в основе недоверия, испытываемого европейскими государствами по отношению к Франции. Следовательно, чтобы Франция смогла занять достойное место «в европейском концерте», необходимо было убедить европейских монархов в ее миролюбии, в отсутствии у нее экспансионистских устремлений. Умеренные либералы полагали, что, несмотря на систему Венских договоров, ненавистную большинству французов, Франция остается великой державой, имеющей древнюю историю и высокий уровень интеллектуального потен-

циала. Венский конгресс установил в Европе легитимный порядок, который лучше принять, чем постоянно с обидой оспаривать. В противовес общественному мнению орлеанисты полагали, что Франция должна действовать в русле договоров 1815 г., чтобы другие державы признали ее как силу мира и порядка, а не войны и разрушения. Они считали, что со временем, придерживаясь такой политической программы, Франция займет свое законное место в европейской системе. Гизо, выступая в Палате депутатов 29 января 1848 г., так говорил о внешнеполитической линии Франции: «Мы рассматриваем договоры 1815 г. как основу европейского порядка. Мы утверждаем, что эта политика соответствует интересам как Франции, так и Европы» [12, t. 5, p. 543].

Итогом такой политики, по мнению Гизо, будет независимость и усиление Франции; ей не нужно будет опасаться изоляции и искать союзника, потому что против нее не будет никакой враждебной коалиции. Она будет договариваться, согласно обстоятельствам, или с ансамблем великих держав, или с каждой державой в отдельности.

Гизо сожалел, что критика Венской системы начиная с 1815 г. стала во Франции символом патриотизма. По его мнению, тенденция выступать против договоров 1815 г. и считать, что цель внешней политики Франции состоит в их аннулировании, породила во Франции ложные надежды, а в остальной Европе – напрасные опасения. Он соглашался с тем, что со временем могут произойти изменения Венской системы. Но эти изменения, утверждал он, «могут быть легитимными только после их обсуждения и принятия всеми державами, подписавшими Венские договоры» [12, t. 5, p. 268].

В то же время Гизо, не призывая к ликвидации Венской системы, своими внешнеполитическими комбинациями, по сути, подготавливал ее распад. Среди этих комбинаций можно назвать политические действия в Бельгии, стремление создать Средиземноморскую лигу, заключение торговых договоров с пограничными государствами: Бельгией, Голландией и Пьемонтом, которые со временем могли трансформироваться в политические объединения. Между тем, согласно решениям Венского конгресса, эти государства должны были выполнять роль буфера и приглушать возможные экспансионистские намерения Франции.

Анализ внешнеполитического курса либералов-орлеанистов показывает, что либералы, учитывая зыбкость тогдашнего европейского порядка, исповедуя либеральные внешнеполитические принципы, зачастую должны были исходить в своих действиях из так называемой «Realpolitik» – политики, которая будет характерна для великих держав во второй половине XIX в. Следование принципам «реальной политики» можно расценивать как важнейший мировоззренческий факт, как весьма серьезный перелом в сознании французской политической элиты. И в этом переломе отчетливо проявилась связь

творчества, новаторства и уважения традиций; разработка новых тактических приемов, начальный этап формирования новой стратегии внешней политики.

Следование принципам «Realpolitik» проявилось и в колониальной политике Франции. Политика, направленная на завоевание Алжира, порывала с либеральными идеями недопущения войны. Такая политика оправдывалась орлеанистами с позиций национальных интересов Франции, что было свойственно консерваторам. Кроме того, Луи-Филипп прекрасно понимал, что миролюбивая внешняя политика не по нраву большинству французов; как отмечал Виктор Гюго, осторожная внешняя политика Луи-Филиппа была «навязана» французскому народу, «у которого в его гражданских традициях было 14 июля, а в военных традициях – Аустерлиц». Осознавая это, король попытался направить неуемную энергию французов в русло колониальной экспансии. На командные посты были возвращены многие деятели Революции и Первой Империи, такие как Сульт, Мортье, Себастьяни, Жерар, Клозель, Савари, Вале, Бюжо, с пиететом относившиеся к культу и славе Наполеона и настроенные в пользу завоевательной политики. Луи-Филипп, заявивший о своем миролюбии, не мог удовлетворить их притязаний; в качестве «компенсации» он им предложил Алжир.

Следование принципам «политики интересов» объясняется и стремление орлеанистов к сближению во второй половине 1840-х годов с «идеологическими противниками» Франции: Австрией и Россией после охлаждения отношений с Великобританией из-за «испанских браков»[2].

Однако противоречие между правительственным курсом и народными ожиданиями во многом оказалось фатальным для режима Июльской монархии. Именно внешняя политика стала предметом постоянных нападок на власть со стороны оппозиции, притом что для самой оппозиции эти нападки являлись лишь средством дискредитации правительства. Очень яркую и нелицеприятную характеристику поведения короля французов на внешнеполитической арене дал Ф.Р. де Шатобриан. Он писал: «Филипп – полицейский: Европа может плюнуть ему в лицо; он утирается, благодарит и показывает свое королевское удостоверение» [7, с. 553]. По словам Шатобриана, Луи-Филипп «клянчил у соседних государей подтверждения своей власти, унижал родину, заставляя ее плестись в хвосте у Англии, превращая ее в заложницу…» [7, с. 555]. Однако, по словам Шатобриана, Луи-Филипп «по нраву Европе, и она пеняет нам за то, что мы его не ценим; Англия радуется, что мы

2. Имеются в виду брачные союзы между королевой Испании Изабеллой и герцогом Кадисским, а также ее сестрой инфантой Луизой-Фернандой и сыном Луи-Филиппа герцогом Монпансье, заключенные осенью 1846 г. и явившиеся причиной обострения отношений между Францией и Великобританией и, по сути, краха «сердечного согласия».

вслед за ней свергли короля; другие государи ненавидят законную монархию, ибо не сумели покорить ее своей воле» [7, с. 552].

В годы Июльской монархии, в условиях свободы прессы, внешняя политика была главным объектом критики Луи-Филиппа. Любое компромиссное или умеренное действие воспринималось не иначе как антинациональное, угодническое и преступное. Об этом прекрасно написал Оноре де Бальзак в своей «Истории парижской прессы», где обыграл ситуацию, связанную с «делом Притчарда»[3]. Незначительный в принципе эпизод стараниями средств массовой информации был раздут до трагедии вселенского масштаба, требующей возмездия ценой войны. Из-за «печальных глупостей», как называл этот инцидент Луи-Филипп, дело чуть было не дошло до военного конфликта.

Лидер династической левой О. Барро также отмечал, что «дело, взятое само по себе, не имело серьезного мотива для конфликта». Однако, по его мнению, следует учитывать и другие факторы: Франция еще не оправилась после поражения в Восточном вопросе и не забыла, что Великобритания ее «обманула», заключив Конвенцию 15 июля 1840 г. без ее участия, между двумя странами существовали значительные разногласия по вопросу о Праве осмотра[4]. И тогда становится понятным, почему «несчастные острова Тихого океана» явились причиной серьезного кризиса в англо-французских отношениях. Он писал: «Эти обстоятельства явились искрой, попавшей на горящие угли, достаточной для того, чтобы разжечь пожар с новой силой» [8, t. 1, p. 387]. Правда, стоит отметить, что и английская пресса постаралась в неменьшей степени.

При анализе внешнеполитических дискуссий следует учитывать, что критика внешнеполитического курса правительства оппозицией зачастую не носила конструктивного характера, а являлась средством борьбы за власть, дискредитацию правительства и его низвержение. Это можно отчетливо проследить на примере критики оппозицией линии на установление «сердечного согласия» с Великобританией: оппозиция обвиняла правительство в проведении антинациональной, пробританской политики, презрительно именуя его «министерством заграницы». Однако когда кабинет Сульта–Гизо (1840–1847)

3. Конфликт между Францией и Великобританией, связанный с установлением французского протектората над Таити. Английский миссионер Притчард, занимавший в свое время должность английского консула при королеве Таити Помаре, склонял жителей Таити к антифранцузским действиям, за что был арестован французскими моряками и выслан в Англию.

4. Имеются в виду Договоры о праве осмотра кораблей в целях борьбы с работорговлей. Между Францией и Великобританией происходили сложные переговоры по этому вопросу. Французы усматривали в договорах очередное нарушение своих интересов, опасаясь, что англичане будут пользоваться правом осмотра кораблей с целью нанесения ущерба французской торговле как таковой.

в деле «испанских браков» пошел на конфликт с Англией, оппозиция рьяно принялась критиковать правительство уже за то, что якобы ради «семейного альянса» оно пожертвовало «самыми дорогими и важными» интересами Франции, а именно союзом с Великобританией. В частности, А. Тьер, тогда лидер левого центра, постоянно критиковавший правительство Сульта–Гизо именно за его приверженность «сердечному согласию», за принесение в жертву этому «сердечному согласию» национальных интересов Франции, теперь заявлял: «Союз с Англией является истинной политикой нашего времени, поскольку его главной целью является борьба за свободу народов и независимость всех государств Европы… Франция должна пропагандировать не идею завоевания, а идею защиты европейской свободы и достичь этого она может только в союзе с Англией» [18, t. 7, p. 410].

То что эта критика не носила конструктивного характера, со всей очевидностью продемонстрировали события Революции 1848 г. Республиканцы, прежде неистово критиковавшие правительство Луи-Филиппа за проведение слабой, угоднической и антинациональной политики, придя к власти, устами министра иностранных дел Альфонса Ламартина заявили о том, что Франция будет придерживаться Венских трактатов и отказывается от идеи «экспорта революции».

В области внешней политики орлеанизм явился первой попыткой сознательно приучить французов, живших в плену «наполеоновской легенды» величия Франции, ее лидирующего положения в Европе, к проведению компромиссной и взвешенной политики, учитывающей реальные возможности страны. Драма орлеанистов заключалась в том, что французское общество осознало приемлемость их внешнеполитического курса, или, по крайне мере, вынужденно примирилось с ним лишь после поражения 1870–1871 гг., когда Седан напомнил о Ватерлоо. Вплоть до 1870 г. инерция внешнеполитического экспансионизма, рожденная Революцией конца XVIII в. и наилучшим образом воплотившаяся в Наполеоновских войнах, продолжала будоражить французское общество. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что в национальной памяти французов Наполеон III намного популярнее, нежели Луи-Филипп и в целом орлеанисты.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 469. Д. 197.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 469. Д. 198.
3. Гюго В. Посмертные записки. 1838–1875. М.: Кучково поле-Гиперборей, 2007. 384 с.
4. Жирарден Д. Парижские письма виконта де Лоне. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 728 с.
5. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1877–1905. Т. 1–15.

6. Феоктистов Е.В. Русская политика на Востоке перед Крымской войной // Русский вестник. 1868. Т. 73.

7. Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1995. 736 с.

8. Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. Paris: Charpentier, 1875–1876. V. 1–4.

9. Blânc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. Paris: Pagnerre, 1848. T. 1–5.

10. Broglie G. L'Orléanisme. La ressourse libérale de la France. Paris: Librairie de l'Académique Perrin, 1981. 415 p.

11. Broglié V., duc de. Les Souvenirs, 1795–1870. Paris, 1886. V. 1–4.

12. Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Paris: Michel Lévy Frères, 1863–1864. T. 1–5.

13. Guizot F. Mémoires pour servir á l'histoire de mon temps. Paris: Michel Lévy Frères, 1858–1867. V. 1–8.

14. Joinville, prince de. Vieux souvenirs. 1818–1848. Paris: Mercure de France, 2008. 418 p.

15. La Réforme. 1843. 15 Sept.

16. Le Moniteur universel. N 329. 1840. 24 Nov.

17. Ovsinska A. La politique de la France envers l'Allemagne à l'époque de la monarchie de Juillet. 1830–1848. Warszawa, 1974.

18. Thiers A. Discours parlementaires de M. Thiers. Paris: Calmann Lévy, 1879–1883. T. 1–15.

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii. F. 133. Op. 469. D. 197.

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii. F. 133. Op. 469. D. 198.

Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. Paris: Charpentier, 1875–1876. V. 1–4.

Blânc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. Paris: Pagnerre, 1848. T. 1–5.

Broglie G. L'Orléanisme. La ressourse libérale de la France. Paris: Librairie de l'Académique Perrin, 1981. 415 p.

Broglié V., duc de. Les Souvenirs, 1795–1870. Paris, 1886. V. 1–4.

Feoktistov E.V. Russkaja politika na Vostoke pered Krymskoj vojnoj // Russkij vestnik. 1868. T. 73.

Gjugo V. Posmertnye zapiski. 1838–1875. Moscow: Kuchkovo pole-Giperborej, 2007. 384 p.

Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Paris: Michel Lévy Frères, 1863–1864. T. 1–5.

Guizot F. Mémoires pour servir á l'histoire de mon temps. Paris: Michel Lévy Frères, 1858–1867. V. 1–8.

Joinville, prince de. Vieux souvenirs. 1818–1848. Paris: Mercure de France, 2008. 418 p.

Le Moniteur universel. N 329. 1840. 24 Nov.

La Réforme. 1843. 15 Sept.

Martens F.F. Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossieju s inostrannymi derzhavami. Saint Petersburg: Tip. M-va Putej Soobshhenija (A. Benke), 1877–1905. Vol. 1–15.

Ovsinska A. La politique de la France envers l'Allemagne à l'époque de la monarchie de Juillet. 1830–1848. Warszawa, 1974.

Shatobrian F.R. de. Zamogil'nye zapiski. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 1995. 736 p.

Thiers A. Discours parlementaires de M. Thiers. Paris: Calmann Lévy, 1879–1883. T. 1–15.

Zhirarden D. Parizhskie pis'ma vikonta de Lone. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 728 p.

Е.П. Кудрявцева

ЗА КУЛИСАМИ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА

Аннотация. *Статья посвящена некоторым вопросам, которые не были решены на заседаниях Венского конгресса, но имели большой политический резонанс в международной жизни Европы. Прежде всего это касается Восточного вопроса, не получившего обсуждения в Вене. Статус Ионических островов, защита сербского населения, подвергавшегося истреблению турками, и другие невыполненные условия Бухарестского договора – все это наряду с начавшимся Вторым сербским восстанием требовало внимания европейских политиков, но оказалось за рамками работы Венского конгресса.*

Ключевые слова: *Венский конгресс, Восточный вопрос, Второе сербское восстание, Бухарестский договор.*

Кудрявцева Елена Петровна – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела
«Россия в международных отношениях»
Института российской истории РАН, Москва.
E-mail demetr22@mail.ru

E.P. Kudryavtseva. Behind the Scenes of Vienna's Congress

Abstract. *The article is devoted to a number of problems, that weren't solved during the Congress of Vienna, but had a considerable resonance in the European foreign affairs. First of all this concerns the Eastern Question that wasn't discussed in Vienna. The future of the Ionian Islands, protection of the Serb population, exterminated by Turks and other unfulfilled terms of Bucharest Treaty along with outbreak of the Second Serbian Uprising were under the focus of attention of the European politicians, but left behind during the Congress of Vienna.*

Keywords: *Congress of Vienna, Eastern Question, Second Serbian Uprising, Treaty of Bucharest.*

Kudryavtseva Elena Petrovna – Doctor of Historical Sciences,
leading research fellow of the department «Russia in international
relations» of the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail demetr22@mail.ru

Как известно, Восточный вопрос на Венском конгрессе не поднимался. Однако он незримо присутствовал при обсуждении нового послевоенного устройства Европы. Для России важность множественных проблем Балканского региона, Среднего Востока и Черноморского бассейна, составляющих в своем единстве один общий Восточный вопрос, была очевидна: с конца XVIII в. существенно возросла черноморская торговля, связанная с развитием Новороссийского края и черноморских городов. В 1804 г. в Сербии произошло Первое сербское восстание, а с 1806 г. Россия была вынуждена вести затяжную войну с Османской Портой. К этому времени обострилась проблема дальнейшего существования, получившей в 1799 г. Конституцию, Республики Семи соединенных островов, поддержанной российскими представителями. И наконец, своего решения ждал вопрос дальнейшего развития русского военного судоходства через проливы, который как никогда остро встал после прекративших свое действие русско-турецких договоров 1899 и 1805 гг.

Во время проведения Венского конгресса обострились сербско-турецкие отношения, которые регулировались статьями Бухарестского договора 1812 г. Бухарестский мир явился крупной дипломатической победой России. Он значительно укрепил ее положение на южных рубежах: Россия превратилась в придунайскую державу и сохраняла за собой добровольно присоединившиеся к ней области на Кавказе. VIII-я статья договора гласила, что «Блистательная Порта» примет меры для безопасности сербов. Порта дарует им выгоды, которыми уже пользовались подданные Ионических островов, «предоставив им самим управление внутренних дел» [10, с. 55]. Известный литератор и реформатор сербского языка Вук Караджич так оценил значение этой статьи русско-турецкого договора: «Турки подписали свободу и права сербского народа в Бухаресте в 1812 г.» [8, с. 317].

Российское правительство, заключив Бухарестский мир с Оттоманской Портой в 1812 г., было вправе требовать от нее выполнения статей договора, в том числе и VIII-й статьи, касающейся Сербии, по которой Турция должна была предоставить ей права самоуправляющейся области в составе Османской империи. Включение этой статьи в текст договора создавало прецедент для выдвижения дальнейших сербских требований и закрепляло за Россией право добиваться безусловного исполнения Портой принятых ею обязательств. Однако Порта затягивала исполнение статей Бухарестского мира, ссылаясь на невыполнение Россией ряда условий – в частности касающихся Кавказского разграничения.

После подавления Первого сербского восстания в 1813 г. по всей Сербии прокатилась волна жестоких расправ над местным населением. Многие жители были вынуждены бежать через Дунай в Австрию, а оттуда в Россию. В этот тяжелый для Сербии момент Россия выступила в ее поддержку. Сербское население искало защиты и покровительства у российского императора,

обращаясь к нему через российского посланника в Константинополе А.Я. Италинского и дипломатического представителя в Белграде Ф.И. Недобу. Италинский был хорошо информирован о происходящих в Сербии событиях, поскольку поддерживал постоянную связь с сербскими депутатами в турецкой столице и получал отчеты Недобы из Белграда.

Еще до подавления Первого сербского восстания турками его вождь Карагеоргий через своих депутатов просил о материальной помощи и покровительстве [1. Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 2282. Л. 54–55 об.]. В ответ Италинский пытался защитить сербов, обращаясь к Порте с требованием скорейшего завершения вооруженных действий [9, с. 271]. После того как часть сербского населения покинула пределы Сербии, переправившись через Дунай в Землин, сербские старейшины продолжали информировать российские власти о тех беззакониях, которым подвергался сербский народ на своей территории [9, с. 350–351]. Мирные жители безжалостно уничтожались османами, оставлявшими за собой выжженные и опустошенные села. Сербы бросали свои дома, спасаясь в горных ущельях и лесах. Вся страна представляла собой картину безлюдного пепелища.

В октябре 1814 г. в Вену, где в это время проходил конгресс, занятый выработкой нового европейского порядка, прибыл протопоп М. Ненадович, который был представлен двум российским статс-секретарям по иностранным делам К.В. Нессельроде и И. Каподистрии. К декабрю сербы составили обращение к европейским странам с просьбой выступить в их защиту перед Портой. Все державы, кроме России, отказали [4, p. 69]. Только российские представители сочли необходимым подготовить «Меморандум», в котором, обращаясь к османскому правительству, настаивали на прекращении репрессий, указывая, что сербский народ является данником, но не жертвой османов [7, с. 179].

В декабре 1814 г. Нессельроде сообщал Александру I о том, что «вожди несчастной страны… умоляют В<аше> И<мператорское> В<еличество> о могущественном вмешательстве перед Оттоманской Портой. Они надеются, что В<аше> И<мператорское> В<еличество>… склоните виднейших христианских монархов к совместному демаршу перед турецким правительством» [3, с. 156]. После этого обращения был создан «Проект циркулярной ноты А.К. Разумовского участникам Венского конгресса», датированный не позднее 3 (15) февраля 1815 г. В этом документе содержался призыв не остаться безучастными к бедствиям доведенных до отчаяния сербов и, что особенно важно, подчеркивалась роль России и государя, который призван «ввиду общности религии всегда быть естественным покровителем христиан греко-православного вероисповедания» [3, с. 199]. Следуя предложениям, изложенным в ноте, европейские державы должны провести одновременный демарш перед Портой с требованием прекращения варварских действий,

ареной которых является Сербия: «Общие основания – суть религия, голос природы и чувство человеколюбия». Таким образом, в данном заявлении можно увидеть первые признаки той идеологической доктрины международных отношений, которая уже осенью 1815 г. была оформлена под названием Священного союза.

Кроме сербско-турецких отношений, которые регулировались Бухарестским договором, в восточной политике России важное место занимал вопрос о судьбе Ионических островов, также ждущий своего решения. И. Каподистрия напоминал российскому императору, что жители островов «хотят быть свободными и независимыми». Он намеревался ставить вопрос о Греческих островах на Венском конгрессе, но европейские державы были не готовы расширять программу своих дискуссий. Свои предложения Каподистрия изложил канцлеру Пруссии Гарденбергу 21 мая (2 июня 1815 г.), формально уже по завершении Венского конгресса. Они заключались в том, чтобы «вернуть Ионическим островам их политическое существование и передать их под покровительство Англии под гарантией других держав – участниц Шомонского договора[1]» [3, с. 369].

Российский император предлагал восстановить государство Семи соединенных островов под покровительством Англии при гарантии трех держав. Решающим при этом был отказ от расчленения республики и передачи части островов Австрии. В русском контрпроекте говорилось: «Ионические острова с прибрежной территорией объявляются свободным и независимым государством под покровительством Великобритании и при гарантии других держав… на основе конституции, существовавшей до 1807 г.» [3, с. 497]. При этом Александр I не отрицал, что «желает утвердить на прочной основе моральное влияние своей империи на Востоке» и надеялся на возобновление действия конституции, разработанной для жителей республики еще Ф.Ф. Ушаковым. Российский император отвергал возможность покровительства Австрии, считая эту идею «абсурдной». Поскольку в Вене этот вопрос не был решен, он получил свое развитие осенью 1815 г., когда острова были переданы под покровительство Англии под названием «Соединенные провинции Ионических островов».

Представители западных держав, не готовые обсуждать на конгрессе вопросы восточной политики, не скрывали, что их целью, прежде всего, является получение от России гарантий целостности Османской империи. Российский император был готов участвовать и в таком соглашении, но Турция не хотела связывать себя никакими договорами с европейскими держа-

1. Шомонский договор об оборонительном и наступательном союзе был заключен в марте 1814 г. между Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией в г. Шомон (Франция).

вами [6, с. 299]. Этот ее шаг оказался решающим в том, что при последующей работе конгресса Турция более не упоминалась, оказавшись в результате занятой ею позиции вне общей системы договоров, заключенных по завершении Наполеоновских войн.

Второе сербское восстание, вспыхнувшее весной 1815 г., побудило Россию обратить более пристальное внимание на состояние дел в европейской Турции. Если в 1812–1814 гг. российское правительство не могло добиться от Порты исполнения статей Бухарестского мира, то после окончания Наполеоновских войн положение изменилось. Россия заняла лидирующие позиции в международной жизни Европы и была намерена требовать воплощения в жизнь важнейших условий, предоставлявших ей преимущественное влияние на Балканах.

Второе сербское восстание началось, когда еще не был завершен Венский конгресс. Оно существенно отличалось от предыдущего. Новый сербский вождь Милош Обренович не ставил далеко идущих целей полного освобождения Сербии, но предпринял попытку оказать давление на Порту с тем, чтобы добиться от нее уступок по вопросам внутреннего самоуправления. Милош уверял Порту, что борьба направлена не против турецкой власти, а против «несправедливого» белградского паши, притеснявшего сербов. Милош не стремился к решительным победам повстанческой армии, а в дальнейшем добровольно сложил оружие, сочтя более выгодным пойти на перемирие с Портой. Следует признать, что тактика, примененная Милошем Обреновичем в его взаимоотношениях с турецкими властями, способствовала успеху его политики.

Для российских властей начало новых военных действий в Сербии было событием вполне ожидаемым. Недаром российские представители пытались привлечь внимание европейских держав к тому, что происходит в этой провинции Османской империи. После отказа западных союзников выступить перед Портой, Россия осталась единственной защитницей сербского населения. Российский посланник в Константинополе А.Я. Италинский направил османскому правительству ряд официальных нот, в которых выражался протест против военных действий Турецкой армии в Сербии. «Нижеподписавшийся должен… представить Блистательной Порте быстрое умиротворение Сербии как самое надежное средство избежать в будущем нежелательных споров в связи с отступлением от Бухарестского договора в отношении сербов», – говорилось в ноте от 18 (30) сентября 1815 г. [3, с. 530]. Это же требование было повторено в ноте от 29 октября (6 ноября) 1815 г., поскольку вооруженные действия османских войск продолжались [1. Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 2301. Л. 140 с об.].

Российские власти стремились убедить османское правительство и европейские державы в том, что реальные причины освободительных движений

на Балканах надо искать в политике репрессий, проводимой Портой по отношению к ее православным подданным. «Причина волнений, постоянно возникающих в связи с актами беспримерной жестокости… кроется в угрожающем поведении и свирепости оттоманских губернаторов и других чиновников», – утверждалось в одной из нот. «Если недоброжелатели и пытались убедить Порту в том, что бедствия, происходящие в Сербии, являются результатом… подстрекательства со стороны России, то нижеподписавшийся не сомневается, что Блистательная Порта отклонила столь оскорбительные внушения», – писал российский посланник. В то же время умиротворение Сербии «есть самое верное средство избежать в дальнейшем неприятных споров в отношении Бухарестского договора» и нежелательного для Порты вмешательства России в ее отношения с сербами [3, с. 460].

Вопрос о Сербии, Дунайских княжествах и Ионических островах был лишь частью общего Восточного вопроса, заключавшегося для России в присутствии и преобладании в регионе Черноморских проливов. Именно эта проблема стала основной не только для Российской империи, но и для других «морских держав» – Англии и Франции – в последующие годы. Греческое восстание 1821 г., Русско-турецкая война 1828–1829 гг., заключение Ункяр-Искелессийского договора 1833 г., турецко-египетский кризис конца 1830-х годов, Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. и, наконец, Крымская война – все это вехи нерешенного Восточного вопроса. Вопроса, который вышел на первый план после Венского урегулирования и который уже зримо просматривался в период Венских заседаний. Россия, будучи жизненно заинтересована в решении оборонительных, экономических и политических задач, связанных с регионом Черноморских проливов, еще в ходе конгресса пыталась привлечь внимание его участников к некоторым из них, но потерпела неудачу. Восточный вопрос, включавший в себя проблему Сербской автономии, был проигнорирован на Венском конгрессе. И сразу же после его завершения вышел на первый план русско-европейских разногласий.

В 1816 г. в Константинополь был направлен новый посланник, Г.А. Строганов, который начал с Портой длительную дискуссию по выполнению статей Бухарестского договора. На этой почве активизировались связи посланника с сербскими делегациями, которые были заинтересованы в русской поддержке и просили российского представителя о помощи в выработке программы сербского освобождения – по существу, сербской конституции. Новый российский посланник отличался самостоятельной и решительной позицией по отношению к османским властям, считая, что от Порты ничего нельзя добиться мирным путем. Строганова поддерживал второй статс-секретарь по иностранным делам И. Каподистрия, который придерживался в Восточном вопросе позиции, отличной от официальной [2, с. 90]. В личной переписке посланник и статс-секретарь позволяли себе критиковать осторож-

ную политику правительства, строившего свои расчеты на возможности урегулирования спорных русско-турецких вопросов путем переговоров [2, с. 91]. Пользуясь назначением Строганова, Каподистрия пытался обратить внимание российского правительства на необходимость пересмотра условий Бухарестского договора. Он уверял императора в нерезультативности мирных переговоров с Портой, которые являлись главной задачей миссии Строганова, и призывал к выдвижению перед османскими властями новых требований относительно прав Дунайских княжеств и Сербии, для чего следовало, по мнению Каподистрии, прибегнуть к «военной демонстрации на Черном море и на турецкой границе» [5, с. 21–22]. Александр I отверг эти предложения, сославшись на нежелание развязывать новую войну с Турцией, которая в данный момент не могла быть начата ввиду крайне недружественных отношений с Англией и Австрией. Неуступчивость Каподистрии в Восточном вопросе привела к его отставке и смене политического курса в 1822 г.

Несмотря на нежелание российского императора выглядеть покровителем «бунтовщиков», Александр I в то же время не мог полностью отказаться от поддержки единоверцев на Балканах. В инструкции Министерства иностранных дел, полученной Строгановым при отъезде в Константинополь, подчеркивалось неоспоримое право России на покровительство православным подданным Османской империи, закрепленное еще Кучук-Кайнарджийским миром, и намечались задачи, которые должна была решить миссия нового посланника. Речь шла о выработке основ русско-турецких отношений при непременном выполнении Портой целого ряда обязательств, вытекающих из последнего мирного договора и полного урегулирования всех спорных вопросов.

Русско-турецкие переговоры не остались незамеченными в Европе. Российский посол в Лондоне Х.А. Ливен сообщал К.В. Нессельроде, что английский статс-секретарь по иностранным делам лорд Каслри выражал беспокойство по поводу «жесткого тона» последних объяснений Строганова с Портой. Эти объяснения вызвали у недоброжелателей подозрение в завоевательных планах России, противоречивших миролюбивым заверениям императорского кабинета [3, с. 541]. Каподистрия еще до отбытия Строганова в Константинополь предвидел подобное развитие событий. Зная обычный характер ведения переговоров турками, он предупреждал: «Дискуссии… будут такими, что Турция и остальные европейские державы решат, что Россия скрывает свои настоящие планы и не хочет ликвидации притеснения (сербов. – *Е. К.*), а напротив, требует только поводов, по которым бы могла начать новую войну» [12, с. 260].

Строганов отлично понимал, что несговорчивость Порты зависит от поддержки ее Англией и Австрией. Хотя английский посол в Константинополе Р. Листон и австрийский интернунций И. Штюрмер не пользовались полным

доверием султана, Порта не могла затягивать переговоры с Россией, не заручившись поддержкой западных держав. Так, она запросила посредничества австрийского канцлера К. Меттерниха, усматривая в этом способ решить спорные вопросы в свою пользу [11, с. 290]. Возможность такой поддержки была весьма вероятной. Австрийский интернунций выражал готовность подтвердить процветающее состояние Сербии в случае его привлечения к русско-турецкой дискуссии [12, с. 270].

Задачи урегулирования международных проблем в постнаполеоновскую эпоху, а также создание осенью 1815 г. Священного союза существенно ограничивали возможности России в поддержке освободительных движений на Балканах. Проблемы послевоенного устройства Европы занимали исключительное внимание всех европейских правительств. Связанная узами Священного союза, Россия не могла открыто встать на сторону восставших сербов, а позже – в 1821 г. – поддержать греков. Российская дипломатия избрала другой путь поддержки единоверцев – это было началом длительной политической дискуссии по выполнению Портой условий Бухарестского мира.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
2. Арш Г.Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1808–1822. М.: Наука, 1876. 327 с.
3. Внешняя политика России XIX – начала XX века. Документы российского МИД (ВПР). М.: Наука, 1972. Сер. 1. Т. VIII. 934 с.
4. Достян И.С. Балканский вопрос в период Венского конгресса. 1814–1815 гг. // Etudes balkanique. 1971. № 1. С. 136–145.
5. Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в европейской Турции. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. Ч. 1. 320 с.
6. Зак Л.А. Монархи против народов. М.: Международные отношения, 1966. 376 с.
7. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с европейскими державами. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке). 1876. Т. 3. 550 с.
8. Никитин С.А. Вук Караджич и Россия // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970. С. 120–136.
9. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М.: Наука. 1983. Т. 2. 298 с.
10. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869. 294 с.
11. Гавриловић М. Милош Обреновић. Београд, 1908. Књ. I. 434 с.
12. Jakšić G. Evropa i vaskrs Srbije (1804–1830). Beograd, 1933. 213 p.

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI).
Arsh G.L. I. Kapodistrija i grecheskoe nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie. 1808–1822. Moscow: Nauka, 1876. 327 p.
Dostjan I.S. Balkanskij vopros v period Venskogo kongressa. 1814–1815 gg. // Etudes balkanique. 1971. N 1. P. 136–145.

Epanchin N. Ocherk pohoda 1829 g. v Evropejskoj Turcii. Saint Petersburg: Tip. Glavnogo upravlenija udelov, 1905. Vol. 1. 320 p.

Gavriloviћ M. Milosh Obrenoviћ. Beograd, 1908. Књ. I. 434 p.

Jakšić G. Evropa i vaskrs Srbije (1804–1830). Beograd, 1933. 213 p.

Juzefovich T. Dogovory Rossii s Vostokom, politicheskie i torgovye. Saint Petersburg: Tip. O.I. Baksta, 1869. 294 p.

Martens F.F. Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossieju s evropejskimi derzhavami. Saint Petersburg: Tip. M-va Putej Soobshhenija (A. Benke). 1876. Vol. 3. 550 p.

Nikitin S.A. Vuk Karadzhich i Rossija // Ocherki po istorii juzhnyh slavjan i russko-balkanskih svjazej v 50–70-e gody XIX v. Moscow: Nauka, 1970. P. 120–136.

Pervoe serbskoe vosstanie 1804–1813 gg. i Rossija. Moscow: Nauka. 1983. Vol. 2. 298 p.

Vneshnjaja politika Rossii XIX – nachala XX veka. Dokumenty rossijskogo MID (VPR). Moscow: Nauka, 1972. Ser. 1. Vol. VIII. 934 p.

Zak L.A. Monarhi protiv narodov. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1966. 376 c.

А.О. Хорошева

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГСТВА ЛЮКСЕМБУРГ В XIX в.*

Аннотация. *Статья посвящена вопросу создания на Венском конгрессе 1815 г. Великого герцогства Люксембург и его становления в XIX в. В ходе проведенного исследования автор отвечает на вопрос о том, почему именно эта провинция Южных Нидерландов, входивших до 1814 г. в состав Франции, обрела особый статус в 1815 г. В статье анализируются цели великих держав, задумавших объединить новое государство личной унией с Королевством Нидерландов; особое внимание уделяется роли России в судьбе этого государства.*

Ключевые слова: *великие державы, Венский конгресс, Великое герцогство Люксембург, российская дипломатия.*

Хорошева Александра Олеговна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва. E-mail: alexas23@yahoo.com

A.O. Khorosheva. The Great Powers and the Creation of the Grand Duchy of Luxembourg in the 19th century

Abstract. *The article is about the creation of the new state – the Grand Duchy of Luxembourg by the Great powers on Vienna Congress in 1815 and its further development in the 19th century. The author studies out why Luxembourg, the only province of former Southern Netherlands, which belonged to France until 1814, acquired a special status in 1815; why the Great powers joined Luxembourg to the Kingdom of Netherlands by personal union; and shows the role of Russian diplomacy in the formation of Luxembourg.*

Keywords: *the Great powers, Vienna Congress, the Grand Duchy of Luxembourg, Russian diplomacy.*

* *Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».*

**Khorosheva Alexandra Olegovna – PhD, senior research fellow,
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow. E-mail: alexas23@yahoo.com**

По окончании Наполеоновских войн представители великих держав – России, Англии, Австрии и Пруссии – собрались в Вене для установления нового порядка в Европе. Основной их задачей было создание системы баланса сил с целью обезопасить себя от возможных новых потрясений. Но, пытаясь установить европейское равновесие, крупные державы не учитывали интересы малых государств. Заключительный акт Венского конгресса от 9 июня 1815 г. серьезным образом изменил границы многих государств. На карте Европы появились и новые государства, в числе которых было Великое герцогство Люксембург.

Закономерно возникает ряд вопросов: почему все же именно эта территория обрела особый статус в 1815 г.? Можно ли утверждать, что решение Венского конгресса создало Люксембург как государство? Были ли готовы его жители к таким изменениям? Какова была роль России в судьбе Великого герцогства? Для ответа на эти вопросы стоит вернуться к некоторым фактам из истории этого государства.

На протяжении веков в силу своего географического положения Люксембург находился в сфере интересов европейских держав, его границы менялись, герцогство переходило из рук в руки, крепость Люксембурга многократно осаждалась. В 963 г. Люксембург стал частью одноименного графства в составе Священной Римской империи. В 1354 г. император Священной Римской империи Карл IV преобразовал Люксембург в герцогство. В 1441 г. оно вошло в состав Бургундского герцогства, после раздела которого в 1482 г. перешло во владение Габсбургов (с 1555 г. их испанской ветви), став одной из 17 провинций Испанских Нидерландов. В результате Нидерландской революции XVI в. (1568–1648) северные провинции Нидерландов образовали Республику Соединенных провинций, а южные, в число которых входил и Люксембург, остались во владении Испании. В результате войны за Испанское наследство 1701–1714 гг. Люксембург в составе комплекса южно-нидерландских провинций был передан под власть австрийских Габсбургов. Люксембург и его крепость представляли особый интерес не только как транзитный экономический центр, но и как оборонительный пункт, являясь для Австрии частью системы «барьера» против Франции[1] [11].

1. Система «барьера» сформировалась во второй половине XVII в. и существовала до 1781 г. Согласно международным договорам («Барьерным трактатам» 1709 г., 1715 г.), подписанным Англией, Республикой Соединенных провинций и Австрией, в ряде укрепленных пунктов Южных Нидерландов вплоть до 1748 г. располагались

Что же отличало Люксембург от других провинций Южных Нидерландов? В конце XVIII в. из девяти провинций герцогство было самой обширной (9300 км^2), но в то же время самой удаленной от торговых путей и, как следствие, самой отсталой и малонаселенной провинцией. От остальных Южных Нидерландов Люксембург был отделен горным массивом Арденн и епископством Льежским[2]. В самом крупном городе – Люксембурге проживали 8,5 тыс. человек, в других городах численность населения не превышала 2 тыс. человек. В провинции говорили на двух языках, французском и немецком; население, бóльшую часть которого составляли сельские жители, в основном было неграмотным, в провинции фактически не было книгопечатания. В результате частых территориальных переделов многие дворянские семьи оказались либо за пределами Люксембурга, либо были разорены. Его экономика ориентировалась на германскую Лотарингию больше, чем на южно-нидерландские провинции. Культурные традиции крепко связывали его с французским Мецем и германским Триром.

В Люксембурге не получили широкого распространения идеи Французской революции, которые в 1789 г. нашли отклик у жителей соседнего Льежского епископства и подтолкнули их к выступлениям, получившим в историографии название Льежской революции. Среди причин неактивности жителей исследователи отмечают не только обособленность Люксембурга, но и неразвитость книгопечатания, и малограмотность населения [16, p. 83–117]. Революционные идеи начали проникать в восточную часть Люксембурга с большим опозданием – только в 1790 г. Кроме того, еще в 1766 г. духовенство и знать были лишены привилегий, т.е. налоговое равенство было введено в Люксембурге на 20 лет раньше Французской революции. Таким образом, не существовало выраженного антагонизма между населением и церковью.

В период Наполеоновских войн Люксембург стал театром военных действий сравнительно поздно. Австрийские власти для защиты Люксембурга сформировали национальную гвардию. Герцогство Люксембург, за исключением крепости, было подчинено Франции к осени 1794 г. Однако крепость Люксембурга, которую по праву называли «северным Гибралтаром», долго оставалась в руках австрийцев и капитулировала лишь 7 июня 1795 г., после шестимесячной французской осады.

1 октября 1795 г. две трети территории Люксембурга были преобразованы в департамент Форе, треть вошла в состав департаментов Урт, Самбра и Маас. Хотя жители немецкоговорящих кантонов противились включению

военные контингенты для защиты от Франции. В 1781 г. «Барьерный трактат» был денонсирован.

2. Княжество-епископство Льежское входило в состав Священной Римской империи в 985–1789 гг.

их территории в состав департамента Урт, протеста против разделения герцогства как такового не было. Таким образом, исчезло название «герцогство Люксембург». Формально Люксембург, как и вся территория Австрийских Нидерландов, вошел в состав Франции по Кампоформийскому мирному договору 17 октября 1797 г.

Приход французов в Люксембург в 1795 г., как уже было показано, не был первым в истории герцогства. Возможно, поэтому население восприняло события конца XVIII в. относительно спокойно, всего лишь как очередную смену властителя. Легитимность прихода к власти французов не ставилась под сомнение. Тем не менее вскоре обнаружилось, что жители Люксембурга не были готовы к переменам. Французская революция поломала старые административные связи как внутри герцогства, так и с другими центрами Южных Нидерландов; в связи с отделением церкви от государства были нарушены и церковные связи с Льежем и Триром. Население долго не могло привыкнуть к новшествам, коснувшимся повседневной жизни (введению метрической системы и республиканскому календарю). Административные дела теперь велись только на французском языке, что оказалось камнем преткновения для люксембургских чиновников, не говоривших по-французски.

Религиозная политика периода Директории (в частности, упразднение религиозных символов, запрет на ношение сутаны и т.д.) вызвала у жителей, на протяжении веков исповедовавших католицизм, активный протест. И все же не стоит забывать, что противостояние французам являлось проявлением провинциального партикуляризма, протестом против проводимой французами централизации. Рекрутский набор во Французскую армию, который предписывался законом 1798 г. о всеобщей воинской повинности, доныне неизвестной жителям Люксембурга, спровоцировал крестьянские волнения. Подобные протесты вспыхнули как в самой Франции, так и в Нидерландах, во Фландрии. В Люксембурге недовольство в основном имело место в главных городах кантонов, куда были обязаны явиться новобранцы.

Заключение в 1801 г. Первым консулом Наполеоном Бонапартом Конкордата несколько стабилизировало ситуацию в Люксембурге. Экономическая обстановка в регионе в первое десятилетие XIX в. улучшилась. Люксембург, находившийся вдали от театра военных действий, вскоре интегрировался в систему французской экономики, возросли показатели в черной металлургии, текстильной промышленности и кожевенном производстве. Все меньше жителей дезертировали из Французской армии. С 15 августа 1802 г. в Люксембурге праздновался день рождения первого консула. В 1804 г. крепость посетил сам Наполеон. По легенде, получив символические ключи от города из рук нотаблей, император от них отказался, сославшись на то, что они находятся в надежных руках. Однако экономический кризис, связанный с континентальной блокадой, и возобновление военных действий в 1813 г.

стали причиной недовольств. Очередной рекрутский набор стоил жизни многим люксембуржцам. Только 45% из них вернулись на родину по окончании войны.

В январе 1814 г. союзнические войска перешли р. Мозель и осадили крепость Люксембурга. Французский гарнизон долго удерживал ее, капитулировав только 3 мая [10, p. 5–6]. Следует подчеркнуть, что население Люксембурга не воспринимало освобождение от французов как шаг на пути к независимости. Среди как франко-, так и немецкоговорящих жителей не было приверженцев сохранения герцогства под властью Франции. 20-летнее присутствие французов в Люксембурге отнюдь не породило франкофилии, люксембуржцы воспринимали их как иностранцев. Положение французского языка, на котором шло делопроизводство, упрочилось. Однако число чиновников, способных писать на французском языке, все же было крайне невелико в немецкоязычных кантонах. Многие французские служащие остались в Люксембурге после разгрома империи Наполеона [16, p. 115–117].

Вопрос о судьбе Люксембурга, как и других территорий, решался великими державами. Люксембург находился в сфере интересов Великобритании, Пруссии, Франции и Нидерландов. Австрия, владевшая Южными Нидерландами до Наполеоновских войн, не претендовала на эти территории, поскольку ее больше интересовали Саксония и Польша. Для Великобритании стратегически важен был вопрос прикрытия порта Антверпен, а также устья Рейна. Для этого на Венском конгрессе было решено объединить Южные и Северные Нидерланды под властью одного сюзерена. Им должен был стать голландский принц Вильгельм Оранский.

Идея объединения Нидерландов не была новой. В период Брабантской революции[3] в 1790 г. один из ее лидеров Анри Ван дер Ноот рассматривал возможность объединения Нидерландов в составе единого государства [1, ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 1226. Л. 25 об.]. В качестве второго варианта он рассматривал сохранение независимого южнонидерландского (бельгийского) государства с сильной властью монарха, которым мог стать один из сыновей принца-штатгальтера Республики Соединенных провинций [1, ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 334. Л. 85].

В воплощении в жизнь идеи объединения Нидерландов немаловажную роль сыграла российская дипломатия. Вопрос обсуждался представителями России и Великобритании Н.Н. Новосильцевым и У. Питтом еще в 1805 г.,

3. В ходе Брабантской революции 1787–1790 гг. Южные Нидерланды пытались обрести независимость от Австрии, была провозглашена Республика Бельгийских Соединенных штатов, однако в 1790–1791 гг. власть австрийцев была восстановлена.

в разгар переговоров по поводу заключения англо-русского договора. Поначалу Питт предлагал Новосильцеву пообещать Пруссии все земли, лежащие на севере Франции между Маасом, Мозелем и Рейном, включая Люксембург, и даже продолжить прусские владения до самого Северного моря – с целью отделить Нидерланды от Франции. Новосильцев выступил против этого проекта [4, № 408а. С. 100]. В результате было решено, что в целях сохранения европейского равновесия Пруссии будут возвращены территории, занятые Францией на основании секретной конвенции 5 августа 1796 г., «с большими или меньшими приращениями, которые могли бы простираться до границы, назначенной Францией со стороны Нидерландов, при обстоятельстве, которое приняла бы на себя Пруссия, составить вместе с Голландией оплот, который воспрепятствовал бы вторжению Французской державы» [3, № 56. С. 444].

В 1814 г. ситуацию в отношении Люксембурга зондировала Пруссия. Прусские дипломаты предлагали принцу Вильгельму Оранскому, провозглашенному суверенным государем Нидерландов под именем Вильгельма I, обменять его Нассауские владения на значительную часть епископства Льежского, чтобы получить Люксембург [2, с. 225]. На Венском конгрессе прусская дипломатия продолжала настаивать на передаче ей Люксембурга [12, p. 239–240].

Россия не поддерживала идею увеличения прусских владений за счет Люксембурга, остановившись на проекте объединения Нидерландов. Оказывая поддержку Англии, заинтересованной в создании Нидерландского королевства для усиления собственной позиции на континенте, Россия рассчитывала на выполнение обещаний английского правительства переложить часть российского долга Нидерландам на английских и голландских банкиров. Правительство Нидерландов, в свою очередь, было готово принять эти условия ради получения Бельгии. Переговоры по поводу списания части русского долга продолжались до весны 1815 г. Возвращение Наполеона в 1815 г. окончательно вынудило британский кабинет пойти на уступки России [2, с. 226–227; 19, p. 467].

В инструкции министра иностранных дел К.В. Нессельроде российскому посланнику в Нидерландах генерал-лейтенанту Фулю от 5/17 июля 1815 г., одобренной Александром I, говорилось: «Отныне Голландия призвана играть одну из главных ролей в общей европейской системе. Необходимость укрепления обороны Севера внушила союзным державам мысль создать на правом фланге Франции государство достаточно сильное, чтобы не только выдержать без посторонней помощи первый удар, но и эффективно действовать на французских коммуникациях в случае, если Франция нападет на Германию.

Это соображение было причиной объединения Бельгии с Голландией»[4]. Фулю предписывалось «приложить все усилия, чтобы укрепить этот союз и путем дружеского посредничества постараться добиться исчезновения вторичных разногласий, которые практически ежедневно возникают между соседними государствами», «докладывать о дипломатической борьбе, если Франция попытается не допустить союза Голландии с Англией» [1, ф. 133. Канцелярия. Оп. 468. Д. 5923. Л. 9].

Россия закрепила связи с созданным при ее активном участии Королевством Нидерландов династическим союзом – в феврале 1816 г. супругой наследника нидерландского престола (будущего короля Вильгельма III) стала сестра Александра I великая княжна Анна Павловна (1795–1865).

По решению Венского конгресса 1814–1815 гг. Люксембург оказался единственной провинцией Южных Нидерландов, получившей особый статус. Он был возведен в ранг Великого Герцогства. По настоянию Пруссии принц Вильгельм Оранский отказался от своих наследственных владений в Нассау, получив Люксембург в личное владение. Это означало, что герцогство, как и титул великого герцога Люксембурга, могло передаваться по наследству по мужской линии Оранского королевского дома. К территории герцогства было присоединено герцогство Бульонское, но земли к востоку от рек Мозель, Сюр и Ур (2280 км^2) были переданы Пруссии. Таким образом, территория герцогства сократилась до 7113 км^2.

По решению Венского конгресса Люксембург вошел в созданный Германский союз, в Люксембургской крепости расположились прусские военные (6 тыс. человек), что являлось уступкой Пруссии и дополняло сложившуюся систему «барьера» против Франции. Это условие никак не должно было повлиять на целостность нового государственного образования.

Люксембургу посвящены несколько статей Заключительного акта Венского конгресса. В ст. 25 речь идет о границах Люксембурга с Пруссией, его статусу в рамках Германского союза посвящены статьи 53, 56, 58, его отношениям с Нидерландами – статьи 65–73. Окончательно границы с Пруссией и Францией были определены в 1816 г. специальной комиссией [13, p. 149–154].

После разгрома империи Наполеона «барьером» против Франции должно было стать Королевство Объединенных Нидерландов. В его состав вошли южно-нидерландские провинции, в том числе Люксембург, и бывшее епископство Льежское. С опорными пунктами бывших «барьерных» крепостей, цитаделью Льежа и, наконец, с фортификационными сооружениями Люксембурга «барьер» обещал стать мощным заслоном против Франции.

4. В донесениях Нидерланды, как правило, именуются Голландией.

15 ноября 1818 г. был подписан «договор о крепостях», согласно которому защиту крепостей Остенде, Ипра, Ньивпорта и пунктов на р. Шельда (Антверпена, Дендермонде, Гента, Ауденарде и Турне) взяла на себя Великобритания, остальных крепостей, в том числе Люксембурга, – Пруссия. Таким образом, Люксембург оказался вписанным в новую систему баланса сил в Европе.

Создание Великого герцогства Люксембург в 1815 г. было неожиданным решением для жителей, не высказывавших прямых пожеланий о своем политическом будущем. В первую очередь это связано с отсутствием у них национального самосознания при наличии определенного партикуляризма в рамках всей системы Южных Нидерландов. Этим они отличались от жителей Льежа, которые в 1814–1815 гг. были настроены профранцузски, протестовали против присоединения к Нидерландам, высказываясь за объединение с бельгийскими провинциями [1, ф. 133. Канцелярия. Оп. 468. 1814 г. Д. 11170. Л. 3]. Политическая апатия отличала люксембуржцев и от остальных жителей южно-нидерландских провинций, часть которых, в особенности промышленники и чиновники времен французского режима, опасаясь затяжного кризиса в связи с потерей французского рынка и репрессий, склонялись к воссоединению Южных Нидерландов с Францией. Бельгийцы обращались с письменными прошениями к российскому императору, посетившему в июне 1814 г. Южные Нидерланды, настаивали на отмене французских законов и восстановлении старинных привилегий [1, ф. 133. Оп. 468. Д. 1678. 1814 г. Л. 8]. К российскому императору обращались бывшие аббаты и монахи с просьбой содействовать их возвращению в свои обители, восстановлению в сане, возвращению имущества, а также прав, которых они были лишены в годы французской оккупации [1, ф. 133. Оп. 468. Д. 1178. 1814 г. Л. 11]. Подобных прошений от жителей Люксембурга не было.

В рамках статуса, предусмотренного Венским конгрессом, герцогство Люксембург имело общего суверена с Королевством Нидерландов, но являлось отдельным государством, а значит, должно было обладать автономией [9, p. 928–930, p. 1297–1300]. Однако нидерландский король, вопреки решениям великих держав, фактически рассматривал Люксембург как одну из своих провинций. На герцогство, как и на остальные южно-нидерландские провинции легли непомерные налоги. Люксембург был отсталым регионом, неспособным нести возложенное на него бремя. Последовал экономический кризис (особенно тяжелым был 1817 год), и, как следствие, массовые волнения, в результате которых в 1823 г. в герцогство были введены регулярные войска.

Недовольство политикой нидерландского короля побудило люксембуржцев в 1830 г. поддержать Бельгийскую революцию, главной целью которой было отделение Южных Нидерландов от Королевства Нидерландов и образо-

вание суверенного государства Бельгия. В результате столкновений Вильгельм I сохранял за собой столицу Люксембурга и окрестности, западная часть отошла к Бельгии. Однако солидарность с бельгийскими провинциями в 1830 г. в Люксембурге не имела идеологического подтекста, на тот момент политическое сознание люксембуржцев не оформилось. До 1815 г. в Люксембурге практически отсутствовала пресса, в период голландского господства издавалась лишь одна газета оранжистского толка *«Journal de la ville et du Grand-duché de Luxembourg»*. Во время Бельгийской революции начали издаваться *«Journal d'Arlon», «l'Echo Wochenblatt du Luxembourg», «Die Kircher Wochenblau»*, на страницах которых впервые зазвучали обвинения в нарушении Вильгельмом I условий Венского договора. Обеспокоенный нидерландский король в декабре 1830 г. издал указ об учреждении в Великом герцогстве отдельной администрации.

Именно в этот период возник диспут о природе люксембургского государства и люксембуржцев как нации. В воззвании к жителям Люксембурга депутата Ж. Леклерка впервые зазвучали слова о том, что Великое герцогство является суверенным государством, «абсолютно независимым от Бельгии, имеющим свой собственный статус…» В воззвании председателя правительственной комиссии Великого герцогства, голландца генерал-майора де Худеке, опубликованного в августе 1831 г., говорилось, что Люксембург является особым, не связанным с Бельгией, владением короля, Великого герцога Вильгельма I. В памфлете люксембургских оранжистов говорилось о люксембуржцах как о самостоятельной нации, но звучал лозунг: «Да здравствует Вильгельм, наш Великий герцог!» [15, p. 263].

Жители округа Арлон в восточной части герцогства тяготели к Бельгии. Бельгийцы, в свою очередь, не решаясь атаковать крепость Люксембурга, чтобы не провоцировать Германский союз, дипломатическим путем отстаивали право на вхождение герцогства в состав Бельгии. Они утверждали, что разделение приведет к потере национальной идентичности, исчезновению самого понятия «люксембуржец». В протесте Национального конгресса Бельгии, обращенном к великим державам в июне 1831 г., говорилось, что «бельгийский народ на основании постлиминиума[5] владеет Люксембургом, Лимбургом и левым берегом Шельды. Принимая все это во внимание, – говорится в документе, – конгресс протестует против всякой попытки уменьшить территорию Бельгии и навязать ей без согласия народных представителей

5. Постлиминиум – право, в силу которого лица, вещи, юридические и политические отношения, которых коснулось завоевание, по освобождении от неприятельской власти вновь возвращаются в прежнее юридическое положение, поскольку условия мирного трактата не изменили его или вообще не содержат специальных о нем определений.

какие-либо границы; конгресс ни в коем случае не откажется от своих суверенных прав в пользу иностранных кабинетов, он никогда не подчинится решению, уничтожающему целостность территории и права народного представительства, он будет постоянно требовать от иностранных правительств соблюдения принципа о невмешательстве в жизнь бельгийского народа» [6, с. 130].

Однако в выработанном на Лондонской конференции великих держав «Договоре 24-х статей» от 20 января 1831 г. предусматривалось разделение Люксембурга. Национальному конгрессу Бельгии пришлось подчиниться, однако его отказался принять нидерландский король, отстаивавший право сохранения за собой всей Бельгии и Люксембурга.

В 1833 г. в герцогстве развернулось широкое петиционное движение за сохранение территориальной целостности Люксембурга в рамках Королевства Нидерландов. *«Journal de la Ville du Grand-Duche de Luxembourg»* опубликовал протест прооранжистски настроенного духовенства герцогства против разделения Люксембурга. Однако, несмотря на широкую пропаганду, подпитываемую голландскими властями, сбор подписей в пользу сохранения неделимого Люксембурга в рамках личной унии провалился. Самим жителям Люксембурга, на территории которого служили и бельгийцы, и голландцы, и пруссаки, было очень нелегко разобраться, по какому пути им стоит идти дальше.

Находясь в политической изоляции в течение нескольких лет, Вильгельм I в 1839 г. наконец согласился подписать «Договор 24-х статей», следовательно, пошел на разделение Люксембурга. На этот раз против такого решения выступили и франко-, и немецкоговорящие кантоны. В занятом бельгийцами округе Арлон, в Эттербрюке и Дикрихе началась кампания за сохранение целостности Люксембурга в рамках Бельгии. В то же время вновь начали распространяться петиции о сохранении единого Люксембурга и в рамках унии с Королевством Нидерландов.

Судьбу Люксембурга вновь решали великие державы. По решению Лондонской конференции великих держав, созванной в 1839 г., западная франкоговорящая часть Люксембурга оказалась в составе независимой Бельгии, а восточная осталась связанной личной унией с королем Нидерландов. Разделение было формальным актом, не имевшим ни географической, ни лингвистической основы, хотя официально было объявлено, что к Бельгии отходит франкоговорящая часть Люксембурга. Таким образом, была разделена территория, на протяжении веков экономически и политически составлявшая единое целое [15, p. 264–269].

Если судьба западного Люксембурга теперь была во власти Бельгии, то будущее остальной его территории находилось в руках Вильгельма I. В рамках этого объединения жители герцогства продолжали стремиться

к автономии. В 1841 г. нидерландский король, наконец, даровал Великому герцогству конституцию, признав его независимость при сохранении личной унии. Экономически Люксембург оставался ориентированным на нидерландские провинции и Пруссию. В 1842 г. герцогство вошло в Германский таможенный союз, что способствовало развитию экономики и сельского хозяйства, в Люксембурге была налажена инфраструктура, началось строительство железных дорог.

Образование Великого герцогства в 1815 г. было искусственным процессом, не имевшим национальной основы. В связи с этим последовавший за Бельгийской революцией период 1830–1839 гг. скорее можно охарактеризовать как период становления государства и нации в Люксембурге. Впервые в ходе революционных событий 1830 г. проявилось национальное самосознание люксембуржцев, признаков которого не было ни в годы правления Габсбургов, ни в период французского господства. Следовательно, будет правильнее утверждать, что именно события Бельгийской революции 1830 г., нанесшей удар по Венской системе, дали рождение Люксембургу как государству и люксембургской нации как таковой. Национальная общность люксембуржцев складывалась постепенно. Только во второй половине XIX в. в Люксембурге начали проявляться первые признаки становления нации. В 1845 г. было основано первое «Историческое общество изучения и сохранения исторических памятников». В 1859 г. во время открытия железной дороги в Люксембурге впервые прозвучал национальный гимн герцогства, ставший официальным только в 1895 г. [16, p. 84].

Несмотря на формальную независимость, вплоть до 20-х годов XX в. это небольшое государство оставалось яблоком раздора для европейских государств. В 1867 г., после распада Германского союза, последовал так называемый «люксембургский кризис», связанный с желанием императора Франции Наполеона III приобрести Великое герцогство у нидерландского короля [8]. В Люксембурге началась активная пропагандистская кампания, в ходе которой французские агенты стремились подготовить население к референдуму по вопросу о воссоединении с Францией. Как показывают документы, если бы люксембуржцам пришлось выбирать между Пруссией и Францией, скорее всего, они предпочли бы слияние с Францией [16, p. 115]. Наполеон III добился отказа люксембургского правительства присоединиться к Северогерманскому союзу. Однако позиция Пруссии в этом вопросе внушала нидерландскому королю (великому герцогу Люксембурга) серьезные опасения. Вильгельм III отказался от предложения французского императора, вызвав негодование Наполеона III. Назревал франко-прусский конфликт.

В этой ситуации особую роль сыграла российская дипломатия[6]. Сохранить столь необходимое России европейское равновесие могло посредничество Англии, которую беспокоили планы Наполеона III[7]. Канцлер А.М. Горчаков обратился с этим вопросом к премьер-министру лорду Дерби и настоял на созыве конференции великих держав. Задачей международного вмешательства было решить люксембургский вопрос, не допустив усиления ни Пруссии, ни Франции, причем российский канцлер настаивал на коллективной гарантии, от которой пыталась отказаться Англия.

В депеше от 18 (30) апреля 1867 г. канцлер А.М. Горчаков предписывал российскому послу Ф.И. Бруннову настаивать на основных условиях России: «Эвакуация крепости, разрушение ее, если конференция этого желает… Нейтрализация Великого Герцогства Люксембургского по образцу Бельгии под европейской гарантией. Люксембург сохранит династические узы с Оранским домом» [7, с. 143].

Суверенитет Люксембурга, т.е. окончательное его отделение от Королевства Нидерландов, был подтвержден на Лондонской конференции великих держав 1867 г., государство было признано постоянно нейтральным [5, с. 370–376]. За Люксембургом признавалось право государственной самостоятельности и право дипломатического представительства при сохранении личной унии с Нидерландами. В основу Лондонского договора от 11 мая 1867 г. лег проект, предложенный послом России в Лондоне Ф.И. Брунновым. В него также была внесена статья, ликвидировавшая связь Люксембурга с Германским союзом. Статья V гласила: «Е.В. Король Великий Герцог, кроме того, обещает, что укрепления города Люксембурга впредь не будут восстановляемы, и в оном не будет ни сохранено, ни вновь сооружено никакого военного учреждения» [5, с. 375]. Как было предусмотрено договором, крепостные укрепления Люксембурга были срыты, прусский гарнизон покинул крепость.

Даже после провозглашения Люксембурга постоянно нейтральным государством соседние страны продолжали споры о политическом и экономическом влиянии и даже возможности аннексии Люксембурга. Бельгийский король Леопольд II не раз пытался «приобрести» герцогство у нидерландского короля. В 1890 г., после смерти не имевшего сыновей короля Вильгельма III, титул великого герцога перешел к герцогу Адольфу из династии Нассау-

6. Документы были опубликованы В.Г. Сироткиным: Русская дипломатия и нейтралитет Люксембурга в XIX веке // Новая и новейшая история. М., 1973. № 2. С. 138–148.

7. Помимо Люксембурга Наполеон III рассматривал возможность аннексии Бельгии, что ставило под угрозу позиции Англии на континенте, традиционно рассматривавшей бельгийское побережье как возможный плацдарм противостояния Франции.

Вайльбург. Это произошло, согласно договору 1783 г., между Нассаускими княжескими домами (в число которых входила правящая Оранско-Нассауская династия Нидерландов), признанному Венским конгрессом 1815 г., а также Лондонскими договорами 1839 г. и 1867 г., по которому на престол Люксембурга мог претендовать только наследник мужского пола. Таким образом, зафиксированная на Венском конгрессе личная уния Люксембурга с Нидерландами распалась. В 1891 г. были установлены дипломатические отношения между Великим герцогством и Россией.

В начале Первой мировой войны Великое герцогство не оказало сопротивления Германии и было оккупировано. В этот период в Бельгии получила распространение идея «Великой Бельгии» (присоединении Великого герцогства Люксембург, нидерландских территорий и части германских земель). Неофициально бельгийский МИД настаивал на том, что невыполнение Люксембургом обязанностей нейтрального государства, которым он был провозглашен в 1867 г., давало право говорить о нецелесообразности сохранения такого государства, причем Бельгия, как потерпевшая страна, защищавшая свой нейтралитет с оружием в руках, якобы могла претендовать на его присоединение. Рассматривалось несколько возможных путей развития событий: максимальный – аннексия или личная уния, минимальный – экономический союз. Во французском МИДе также были сторонники присоединения Люксембурга как по политическим, так и по экономическим причинам [17, p. 276; 18, p. 11–23]. Но эти планы осуществлены не были.

Версальский мирный договор 1919 г. отменил таможенную унию Люксембурга с Германией. В вопросе политического будущего Люксембурга французская дипломатия настаивала на том, что судьбу герцогства должен решить национальный референдум. В 1918 г. активизировалась французская пропаганда в Люксембурге. Негласно Франция начала кампанию за установление в Люксембурге республиканского режима. В 1919 г. в стране прошел референдум, на котором большинство населения высказались за заключение экономического союза с Францией, от которого, однако, Франция отказалась, сосредоточив свое внимание на заключении военного соглашения с Бельгией. В мае 1920 г. французский посланник в Люксембурге от имени своего правительства посоветовал руководству герцогства создать экономический союз с Бельгией [14, p. 230].

Соглашение о создании бельгийско-люксембургского экономического союза (БЛЭС) было подписано 25 июля 1921 г. и вступило в силу 5 марта 1922 г. Это соглашение имело экономическую основу, однако именно оно заложило основу участия Люксембурга в европейской интеграции во второй половине XX в. Своеобразным возвратом к решениям Венского конгресса в 1940-е годы стало образование на той же территориальной основе, на кото-

рой в 1815 г. было создано Королевство Объединенных Нидерландов, экономического объединения Бенилюкс[8].

Созданное в 1815 г. Великое герцогство Люксембург, безусловно, явилось продуктом Венской системы, но ему пришлось много испытать для обретения полноценной государственности. Постепенно шел процесс и формирования нации в Люксембурге. В результате в XX в. это малое государство политически и экономически полностью вписалось в европейскую систему, став равноправным членом единой Европы. Сегодня Великое Герцогство, опережая по экономическим показателям крупные государства, является важным партнером не только государств – членов ЕС, но и России.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи.
2. Зак Л.А. Монархи против народов. М.: Международные отношения, 1966. 382 с.
3. Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1875. Т. 2. Трактаты с Австрией. 1772–1808. 517 с.
4. Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1895. Т. 11. Трактаты с Англией. 1801–1831. 492 с.
5. Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1892. Т. 12. Трактаты с Англией. 1832–1895. 504 с.
6. Намазова А.С. Бельгийская революция. М.: Наука, 1979. 199 с.
7. Русская дипломатия и нейтралитет Люксембурга в XIX веке // Новая и новейшая история. 1973. № 2. С. 138–148.
8. Шнеерсон Л.М. Франко-германский конфликт из-за Люксембурга в 1867 г. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969. 120 с.
9. Angeberg, comte d'. Le Congrès de Vienne et les traités de 1815. Précédé et suivi des actes diplomatiques qui s'y rattachent. Paris: Amyot, 1864. Vol. 2. 866 p.
10. Calmes A. Naissance et débuts du Grand-Duché 1814–1830. Luxembourg: Saint Paul, 1971. 570 p.
11. Dollot R. Les origines de la neutralité de la Begique et le système de la barrière (1609–1830). Paris: F. Alcan, 1902. 616 p.
12. Pirenne H. Histoire de Belgique. T. I–VII. Bruxelles: Maurice Lamartine, 1948. T. VI. 467 p.
13. Ruppert P. Le Grand-Duché dans les relations internationales. Recueil des traités, conventions et arrangements internationaux. Luxembourg: Cour V. Bück, 886 p.
14. Stengers J. L'accord militaire franco-belge de 1920 et le Luxembourg // Les relations franco-luxembourgeoises de Louis XIV à Robert Schouman. Metz, 1978. P. 227–243.

8. В 2010 г. вступило в силу новое соглашение о Бенилюксе, продлившее действие этой организации до середины XXI в.

15. Trausch J. Le Luxembourg entre la Belgique et la Hollande 1830–1839. Aux origines du sentiment national luxembourgeois // Actes du Colloque historique sur les relations belgo-néerlandaises entre 1815 et 1945. Bruxelles, 1982. P. 247–276.

16. Trausch G. Les Luxembourgeois devant la Révolution française // Les relations franco-luxembourgeoises de Louis XIV à Robert Schouman. Actes du Colloque de Luxembourg / Sous la dir. de R. Poidevin et G. Trausch. Metz, 1978. P. 84–117.

17. Trausch G. Les relations fraco-belges à propos de la question luxembourgeoise (1914–1922) // Les relations franco-belges de 1830 à 1934. Metz, 1975. P. 275–293.

18. Vanlangenhove F. L'élaboration de la politique étrangère de la Belgique entre les deux guerres mondiales. Bruxelles: Imprimerie J. Duculot, 1979. 404 p.

19. Zamoyski A. Rites of Peace. The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. London: Harper Press, 2007. 656 p.

References

Angeberg, comte d'. Le Congrès de Vienne et les traités de 1815. Précédé et suivi des actes diplomatiques qui s'y rattachent. Paris: Amyot, 1864. Vol. 2. 866 p.

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii.

Calmes A. Naissance et débuts du Grand-Duché 1814–1830. Luxembourg: Saint Paul, 1971. 570 p.

Dollot R. Les origines de la neutralité de la Begique et le système de la barrière (1609–1830). Paris: F. Alcan, 1902. 616 p.

Martens, F. Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. Saint Petersburg: Tip. M-va putej soobshhenija (A. Benke), 1875. Vol. 2. Traktaty s Avstriej. 1772–1808. 517 p.

Martens, F. Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. Saint Petersburg: Tip. M-va putej soobshhenija (A. Benke), 1895. Vol. 11. Traktaty s Angliej. 1801–1831. 492 p.

Martens, F. Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. Saint Petersburg: Tip. M-va putej soobshhenija (A. Benke), 1892. Vol. 12. Traktaty s Angliej. 1832–1895. 504 p.

Namazova A.S. Bel'gijskaja revoljucija. M.: Nauka, 1979. 199 s.

Pirenne H. Histoire de Belgique. T. I–VII. Bruxelles: Maurice Lamartine, 1948. T. VI. 467 p.

Ruppert P. Le Grand-Duché dans les relations internationales. Recueil des traités, conventions et arrangements internationaux. Luxembourg: Cour V. Bück, 886 p.

Russkaja diplomatija i nejtralitet Ljuksemburga v XIX veke // Novaja i novejshaja istorija. 1973. N 2. S. 138–148.

Shneerson L.M. Franko-germanskij konflikt iz-za Ljuksemburga v 1867 g. Minsk: Izd-vo BGU im. V.I. Lenina, 1969. 120 p.

Stengers J. L'accord militaire franco-belge de 1920 et le Luxembourg // Les relations franco-luxembourgeoises de Louis XIV à Robert Schouman. Metz, 1978. P. 227–243.

Trausch G. Les Luxembourgeois devant la Révolution française // Les relations franco-luxembourgeoises de Louis XIV à Robert Schouman. Actes du Colloque de Luxembourg / Sous la dir. de R. Poidevin et G. Trausch. Metz, 1978. P. 84–117.

Trausch G. Les relations fraco-belges à propos de la question luxembourgeoise (1914–1922) // Les relations franco-belges de 1830 à 1934. Metz, 1975. P. 275–293.

Trausch J. Le Luxembourg entre la Belgique et la Hollande 1830–1839. Aux origines du sentiment national luxembourgeois // Actes du Colloque historique sur les relations belgo-néerlandaises entre 1815 et 1945. Bruxelles, 1982. P. 247–276.

Vanlangenhove F. L'élaboration de la politique étrangère de la Belgique entre les deux guerres mondiales. Bruxelles: Imprimerie J. Duculot, 1979. 404 p.

Zak L.A. Monarhi protiv narodov. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1966. 382 p.

Zamoyski A. Rites of Peace. The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. London: Harper Press, 2007. 656 p.

A. Forrest

THE CONGRESS OF VIENNA AND THE ATLANTIC SLAVE TRADE

Abstract. *The article studies the consequences of the slave trade prohibition by Britain in 1807 and the influence of this Act on the elaboration of the joint declaration condemning the slave trade during the Congress of Vienna and its role in the Anglo-French relations from 1807 to 1830-s. The other key issues are obstacles of the slave trade ban enforcement, regional economic changes, and the Atlantic politics of the main maritime states.*

Keywords: *slavery, abolitionism, slave trade, triangular trade, commercial diplomacy, Caribbean, maritime states, West Africa, maritime traffic.*

Forrest Alan – Professor of the University of York.
E-mail: alan.forrest@york.ac.uk

А. Форрест. Венский конгресс и трансатлантическая работорговля

Аннотация. *В статье рассматриваются последствия запрета работорговли Великобританией в 1807 г. Оценивается влияние данного закона на выработку совместной декларации на Венском конгрессе, а также на англо-французские взаимоотношения до 1830-х годов. Отдельное внимание уделяется трудностям реализации запрета, региональным экономическим изменениям и атлантической политике ведущих морских держав.*

Ключевые слова: *рабство, аболиционизм, работорговля, треугольная торговля, торговая дипломатия, Карибы, морские державы, Западная Африка, морское сообщение.*

Форрест Алан – профессор Университета Йорка.
E-mail: alan.forrest@york.ac.uk

The Congress of Vienna was seized upon by British abolitionists as an unrivalled opportunity to advance their cause in Europe. Since 1807, when Britain had abolished its own Atlantic slave trade, reformers had pressed hard to end

slaving entirely; for many, like Thomas Clarkson and William Wilberforce, theirs was the supreme moral cause of the age and one which it was Britain's duty to press on other European leaders. Abolition was seen as a potent symbol of Britain's protestant morality, and abolitionists clamoured for action, unwilling to be «answerable for the guilt» of doing nothing [18, p. 125]. At the Congress of Vienna British ministers did try, though without great success, to impose their moral view of the world on all the signatory nations, driven by abolitionist demands in parliament and by public opinion at home [20, p. 46]. In particular, the British were eager to impose the cause of abolition on France, traditionally their most bitter rival in the North Atlantic, and now that they had, as they saw it, taken a full part in Napoleon's defeat, they were reluctant to allow the French to profit from a trade which Britain had voluntarily disavowed. For Wilberforce, Clarkson and other leading abolitionists the issue became the touchstone by which the Foreign Secretary, Lord Castlereagh, and the entire ministry would be judged. Would they impose Christian values on the French, or would they risk being seen in Britain as having been outmanoeuvred by Louis XVIII and Talleyrand? It was a public relations issue at home before it was a diplomatic issue abroad.

For the abolitionists there was little room for compromise. In April 1815, at the moment of Napoleon's abdication, they were already planning for total abolition across Europe. In a private letter Wilberforce wrote that he was «extremely occupied, both mind and thoughts, with considering about, and taking measures for effecting a convention among the great powers for the abolition of the slave trade» [12, p. 356]. Samuel Whitbread, speaking to the Commons on April 28, expressed the hope that «in the pending congress a decisive declaration would be made by all the allies against the continuance of this nefarious traffic; and that this declaration would be followed up by efficient acts on the part of each of those allies; at least, that the utmost influence of this country would be used to promote this desirable and desired end» [14, p. 576, House of Commons, 28 April 1814]. Wilberforce went further, arguing before the House on 2 May that «there never was a period when the general circumstances of all nations were more favourable to such a motion than the present, and when there existed such powerful motives for them to accede to its object». It was surely, he continued, an unrivalled opportunity «when all the great powers of Europe were assembled in congress to consider and discuss the very elements, as it were, of their own political rights». He then, not uncharacteristically, got carried away by the religious import of the moment, concluding that, when he examined the «extraordinary succession of providential events which had placed the world in its present state of hope and security, he could not but contemplate in them the hand of the Almighty stretched out for the deliverance of mankind» [14, p. 637; 2 May 1814].

Wilberforce's view found many echoes in the churches and meeting houses of Methodist, Baptist and Quaker Britain where some of the most committed

abolitionists congregated. Many believed – in the words of Dissenters in Derby – that it was a specifically Christian cause, and that slavery was «a system full of wickedness, hateful to God, and a curse and disgrace to Britain» [19, p. 31; 32, p. 155–156]. They convinced themselves that with the defeat of Napoleon it was now only a matter of time before the Atlantic slave trade would be abolished. But if they thought it would happen overnight, they were to be disappointed. Abolition would be the subject of extended diplomatic negotiation, first at Paris, then at Vienna, and during Castlereagh's ministry between 1815 and 1822 [25, p. 192].

The abolition lobby at Westminster – «the Saints» in the slightly sarcastic language of their contemporaries – made no attempt to hide its ambition to force through abolitionist measures in France and the other slaving nations of Continental Europe, whether or not their rulers acquiesced. They believed that the colonies which Britain had captured during the war, from France and Spain in particular, would now provide London with excellent bargaining counters in the negotiations to follow. Britain, it was implied, had won its war with France, on land in the Peninsula as well as at sea and in the colonies, and it followed that the peace should be Britain's, too. They urged the government to press home its diplomatic advantage, first recruiting those countries which had no direct interest in the slave trade (Russia, Prussia and Austria), then putting pressure on the Dutch to heed «the wishes of the British nation», before trying to wrest concessions from Spain and France. Some wanted to link the return of captured colonies to commitments to abolish slaving. Others were intent on stopping France, Spain and Portugal from trading in slaves with immediate effect. Clarkson, believing that Louis XVIII was broadly sympathetic, suggested that the cession of an additional West Indian island to France could be the price of immediate French abolition. Talleyrand, who resisted any such immediate legislation for France, remarked that for the English the slave question had become «a passion carried to fanaticism and one which the ministry is no longer at liberty to check» [26, p. 132–135]. This perception was widely shared, and it could be a handicap for British diplomacy when it sought to press the abolitionist cause. Castlereagh remarked to Lord Liverpool in October 1814 that the extent of domestic pressure that was being exerted on this single issue restricted his diplomatic flexibility, and he complained of «the display of popular impatience which has been excited and is kept up in England upon this subject» [1, p. 388].

Interestingly, only seven years after Britain's own abolition the Atlantic slave trade, few voices were raised to challenge the wisdom of abolition. In 1806–1807, of course, in the run-up to abolition, there had been protests and petitions, notably from the Atlantic slaving ports and the great industrial cities; but they were always, as in the case of Liverpool or Manchester, couched in economic terms. And for that reason, argues Seymour Drescher, they had been unable to muster much popular support. «Because it hung on the single thread of capital alone», he argues,

«the allegiance to the slave trade virtually died with abolition» [10, p. 189]. In contrast, the abolitionists were formidably well organised, ready at any moment to stir up the public's sense of moral outrage. In 1806, for instance, among the cotton interests in Manchester there were many who, not unreasonably, were anxious for the future of their trade and their city's prosperity. When a petition circulated by the anti-abolitionists in Manchester obtained over 400 signatories, many protesting that their livelihood would be threatened if abolition were to pass into law, Clarkson leapt into action, circulating an abolitionist petition in the city that overnight gained 2300 signatories. The names were collected swiftly, since the petition had to reach the Lords in time for the second reading of the bill; with an extra day's campaigning, the abolitionists were confident that they could have secured twice that number. With the wider public, it seemed, trade could always be trumped by non-conformist zeal [4, p. 142–144].

The slave traders themselves were not so easy to win over. In the years between Britain's Act of Abolition in 1807 and the end of the Napoleonic wars in 1814, British slaving had not been completely suppressed: Zachary Macaulay, the secretary of the African Institution, listed 36 suspected slave ships leaving Liverpool alone in 1809 [31, p. 298]. But over time Britain's slaving ports had been able to diversify and to take full advantage of the new commercial opportunities that her overseas empire provided. By 1814, when the abolitionists were able to claim a high level of support in Liverpool, commercial interests had not been entirely silenced, but, with a few exceptions, they were no longer directed towards the restoration of the slave trade. Rather they feared a resurgence of French trade on the back of slaving which would be to Britain's lasting disadvantage. At a Liverpool petition meeting at which John Gladstone put the merchants' case, he sought to end the slaving activities of Britain's rivals. «Not only would France benefit by the lack of competition in Africa», he argued, «but it would thereby win the European market for tropical staples, restoring the pre-war British inferiority on the Continent» [10, p. 190]. The solution was to stop French slaving rather than restore the trade in England. But overall what is most notable is that trading concerns played such a minor part in what was, even in Liverpool, overwhelmingly perceived as a moral debate.

In France, the debate between abolitionists and anti-abolitionists was more evenly-balanced. Nor was the cause of anti-slavery widely linked to religion in a country where the voices raised against slavery more commonly resorted to the language of enlightenment in the manner of Montesquieu or the Abbé Grégoire [20, p. 96]. For many the slave trade appeared an economic necessity if the country was ever to recover its former prosperity or to be able to compete commercially with Britain. Abolitionism spelt decline and decay, especially in the port cities of the Atlantic. Some apologists went further, arguing that there was nothing immoral about agricultural slavery, that Britain was acting not out of moral outrage but

in order to impose her commercial dominance, even that Britain's sole interest in abolishing the trade was as a means of finding extra manpower to fight her American wars. Nationalist outrage played too: there was understandable opposition to Britain's claims to board French commercial ships at will. As for the Bourbon monarchy, while Louis XVIII might seek to appease Britain in the diplomatic context of 1814 and was prepared to make general, if unspecified, commitments to the future abolition of the slave trade, he had no interest in standing in the way of France's economic recovery or in antagonising his Iberian neighbours. There was also widespread resentment of what was seen as British bullying on the question, its attempts to introduce in peacetime a practice that had only been sanctioned in international law in war [9, p. 345]. Besides, anti-slavery as a moral cause did not arouse the same level of indignation in Catholic France as in Protestant England. Perhaps it was because the great Catholic nations of Iberia were so deeply involved in the slave trade; perhaps because the Pope did not get round to condemning slavery until 1839. In any case the movement for religious anti-slavery developed only slowly, largely through the work of the *Société de la morale chrétienne* in the 1820s[1]. Only then do we see a flurry of works condemning the slave trade, while influential English publications, like Thomas Clarkson's *Le cri des Africains*, became available in French translation [4].

Clarkson enjoyed an unusual level of popularity and exposure in France, and not just because he was a well-known English abolitionist. He had, amongst the English anti-slavery campaigners, a unique knowledge of the French Antilles, and had championed the cause of those black insurgents in Haiti who had thrown off their colonial shackles and had ended the bondage of their fellow citizens. He also, between 1816 and 1820, would sustain a regular correspondence with the Haitian king, Henry Christophe, offering his advice on diplomatic and political matters. That correspondence, which was maintained until the King's death, had begun when Christophe contacted Clarkson seeking his advice. The English abolitionist had already an established reputation, and his anti-slavery society – the African Institution – had followers throughout the Caribbean. As Clarkson recounts the receipt of Christophe's first letter, it was a moment to savour: «The King wrote me a letter in which he was pleased to say that "he had heard of my exertions to abolish the Slave Trade, for which he, in common with those of his race, could not feel too thankful; that he had a just abhorrence of it; and would do all he could do suppress it, either by subscription to the society [the African Institution] in London, or by anything he could do at home; that he should forever love the English nation

1. [23]. The Society was one of the few specifically Christian organisations in France to play an active role in the campaign against the illegal slave trade after 1820.

for their generosity towards Africa; and that he would endeavour, by degrees, to introduce their laws and constitution into Haiti"»[2].

Clarkson, Wilberforce and other English abolitionists were gradually able to influence French public opinion, too, arguably to more effect than the diplomatic manoeuvrings of the British government at Vienna.

France was, of course, only one of the major European players in the Black Atlantic. Spain and Portugal continued to operate fleets of slaving vessels between Africa and South America. Nor should we forget that this debate was only about European involvement in the Atlantic slave trade. It did not concern the institution of slavery in the colonies of the Latin America and the Caribbean, where all European powers, Britain included, continued to operate slave economies until at least the 1830s. Nor did it affect the slave states of the United States, where slavery remained in force until the Civil War in 1861. In the Caribbean, Cuba would prove a valued place of refuge for planters and their slaves fleeing the violence in Saint-Domingue[3]. Not even Britain thought of abolishing the institution of slavery in 1815: Africans remained enslaved in Britain's American colonies until the mid-1830s. As a consequence, slavery and abolition would remain at the heart of Atlantic politics not only during the Restoration but across much of the nineteenth century. Little could be achieved immediately.

Britain's campaign to force abolition on France was already stagnating at a moment when Europe's diplomatic efforts – and, indeed, Britain's own priorities – were concentrated on other, more pressing issues. After a quarter of a century at war, the continent needed to establish the basis for a lasting peace. Carving up Napoleon's annexed territories in Europe, building buffers between the great powers and organising dynastic settlements occupied centre stage, and Castlereagh's moral concerns over slavery were quickly relegated to the periphery. The Treaty of Paris in May 1814 proved a disappointment for the abolitionists, as it addressed only the future of the French slave trade, excluding mention of any of the other slaving powers. And it did not give them the clear victory they sought. Under the terms of the Treaty, France was given back her Caribbean colonies but was not forced to agree to an immediate suspension of slaving. Instead, she was to be allowed a five-year period of grace during which to run down the slave trade and realign her commerce, five years in which slaves from West Africa would continue to repopulate the plantations in the West Indies and restore a flourishing slave economy to the islands [3, p. 195].

This outcome was seen by the more fervent abolitionists as a failure, an opportunity that had been shamefully allowed to pass, and in the wake of the

2. Clarkson's unpublished Autobiography, quoted in: [18, p. 63].

3. For a discussion of the impact of events in Haiti on the plantation economy of Cuba, see: [35].

Treaty they collected over a million signatures from some 850 communities across the British Isles for a petition calling for universal abolition which they presented to Parliament just before the visit of the Tsar and the King of Prussia to London in June 1814 [3, p. 196]. Wilberforce was even granted an audience with Alexander, and the abolitionists were able to provide both the Russian emperor and the Prussian King with bound copies of the evidence they had collected on the evils of the Atlantic slave trade [18, p. 125]. They hoped for their support when they met at Vienna, the meeting which they saw as their greatest opportunity to remove a moral stain from the European continent.

Again they were to be disappointed. France was not alone in rejecting Britain's demands. The other European slaving nations, which included Holland and Denmark as well as Spain and Portugal, were equally resistant, observing that Britain's attempts to police her own slaving voyages had been less than whole-hearted. For in the years following the Act of Abolition, British slave ships had continued to ply the Atlantic, taking their human cargoes illegally to Jamaica or the American South, or quite legally to Cuba, which rapidly turned into a major *entrepôt* for the entire Caribbean region. Some took to smuggling slaves; others concealed their identity beneath foreign flags, most commonly those of Spain and Portugal; while British bankers, insurers and manufacturers all connived in the trade to a greater or lesser degree [31, p. 293–295]. Despite British protestations, the trade was not stamped out in Britain, though the number of slaves transported was greatly reduced. In a Commons debate in April 1815, another anti-slavery campaigner, Dennis Browne, made it clear that in his opinion ministers needed extraordinary powers if even the British slave trade were to be effectively halted. To this end he wanted the capitalization and insurance of slave ships to be made a criminal offence. For, he noted, «it was a well-known fact that at the present moment a large British capital was employed in British ships in this trade, to which practice there was now a much stronger temptation than at any former period, the price of slaves being from 250 to 400 pounds each» [15, p. 658, 14 Apr. 1815].

Europeans also noted the role which Britain had played in the war years since 1807, when it had taken upon itself to police the Atlantic shipping routes and prowl around the west coast of Africa, claiming the right to board and arrest the vessels of other nations, including neutrals, which were engaged in slaving. These initiatives centred on the Court of Vice-Admiralty that was established in 1807 at Sierra Leone, whose Chief Judge, Robert Thorpe, a British barrister and a committed abolitionist, showed quite exceptional ardour in prosecuting ships' captains caught with slaves on board their vessels, regardless of where the ships were intercepted and with little regard to their nationality. He claimed a jurisdiction that extended far beyond the African coastline, and applied the law to all the prizes brought in by the Royal Navy's West Africa Squadron, the small naval force charged with the defence of the West African coast. Spanish and Portuguese, Dutch and Danish

ships were intercepted and arrested, along with a large number of American vessels, their captains were condemned, and the ships and their cargoes seized and sold, leading to a predictable outcry in the foreign ports concerned and to judicial appeals, some of which were upheld. For those countries that held territory in West Africa did have a legal right to trade; in Portugal's case, and in some others, this was confirmed in a bilateral treaty with Britain. Thorpe effectively took the law into his own hands, inventing norms based on a mixture of British law, treaty law and such laws as were laid down by humanity and natural justice. The result, as Tara Helfman reminds us, served to place British jurisdiction above the international law of the sea. In her words: «The resulting judicial policy was expansive in its grasp, rendering any slave ship not explicitly protected by treaty with Britain open to capture by British ships and condemnation by British courts. It put the Royal Navy and the Court of Vice Admiralty at Sierra Leone in the unique position of being the enforcers of a near-universal ban on the slave trade» [17, p. 1138]. Even in Britain itself judicial opinion on the right of arrest was unclear [20, p. 63].

It is therefore unremarkable that in much of continental Europe the debate swung from the immorality of the Atlantic slave trade to the legal rights of shipping in neutral waters and on the high seas, and focussed increasingly on the role played by the Royal Navy and its West Africa Station[4]. For what Britain was claiming was nothing less than the right to police the seas and to arrest ships of other countries which were suspected of engaging in the slave trade, a right that was not intended to be reciprocal. In wartime it may have been possible to claim and exercise this right against the ships of belligerent powers or those suspected of working for the enemy: that was more or less acceptable under international law. But to extend these powers to peacetime and to the normal conditions of trade was unprecedented, and for other rulers to accept Britain's claims in this domain would imply a diminution of their own sovereignty, which might easily be regarded – as it was by Louis XVIII – as something of a humiliation, international recognition that he was subservient to Britain and in no position to insist on complete sovereignty. In the eyes of his own people he would seem weak and diminished, with the consequence that he was not prepared to discuss maritime rights at Vienna a sentiment shared with monarchs across Europe, not just by France. Britain's position was not favourably viewed by any of her continental allies, even those, like Prussia and Russia, which had little at stake in the abolition of the Atlantic slave trade. Since 1807 they had watched as Britain exercised her right of search on the high seas, tried and imprisoned ships' captains suspected of slaving, and ordered that their cargoes be freed, only in many cases to find themselves recruited

4. For an overview of the Navy's role, see: [33].

into the British army or navy. In their eyes the right of search for the purposes of slave trade abolition could not be divorced from the related question of maritime rights, and though Britain was in a strong diplomatic position in 1814, her aspirations in this domain were viewed with intense suspicion by all the other powers, who perceived British claims as an abuse of her position of maritime supremacy [28, p. 235].

In 1815 things changed, as the Hundred Days gave new impetus to the campaign against the Atlantic trade in slaves. Almost immediately on his return to Paris, on 29 March 1815, Napoleon issued a decree from the Tuileries abolishing the slave trade. From that date, it stated, no expeditions would be authorised either from French ports or from those of France's colonies. And though slavers who had already left were authorised to complete their voyages and sell their cargoes, they would be the last. In future no blacks could be taken legally into France's colonies for sale, whether by French ships or by others[5]. The terms seemed incontrovertible and appeared to indicate a remarkable change of heart by the Emperor. Yet Napoleon was no abolitionist; he had already restored slavery to other French Caribbean possessions, in Guadeloupe and Guyane, and his apparent conversion to the cause of abolition must be understood as a political manoeuvre rather than a gesture of principle, part of an attempt to change his image and reinvent himself as a man of the people in the tradition of the French Revolution [16, p. 44]. Besides, he showed little interest in enforcing abolition, and within a week of the decree's promulgation a slave-ship from Nantes was already on the high seas, sailing with apparent impunity to the coast of West Africa. But for British abolitionists it seemed propitious. They might not trust Napoleon to deliver on his promise. They might equally work for his overthrow by voting military credits for the Allied armies. But the moment had a crucial symbolic significance for them. France had joined Britain in abolishing the trade, something they had been demanding since 1807, and their main concern now turned to the second restoration that was to follow. Could Louis XVIII be trusted to outlaw the traffic? Would the Bourbons respect legislation that had been passed by the Usurper? In Vienna the British government signed a proposed clause for the final treaty that promised immediate abolition north of the Equator. But Talleyrand was already taking steps to protect his King's freedom of manoeuvre, inserting a revised wording whereby Louis would give his consent only after he was assured that «the actual state and needs of his colonies … permitted him to do so». His aim was purely diplomatic: as he assured Louis, «we ceded nothing and nevertheless the English are content with us» [20, p. 53].

5. Imperial decree abolishing the slave trade, 29 March 1815 [2, p. 345].

Following Waterloo and Napoleon's second abdication, Britain's diplomatic hand was considerably strengthened, while abolitionists at Westminster sensed that their moment had come. In the peace negotiations that opened in Paris Britain sought to impose on the French an undertaking to abolish the trade and an acceptance of Britain's *droit de visite* on French commercial shipping. This would prove difficult to enforce, of course, and various compromises were agreed which meant that abolition would not take place right away, to allow French ports and French merchants a period of adjustment, but the deal satisfied Wilberforce and the abolitionist lobby in the British Parliament. For France it opened a period of much-reduced profits, with merchants and ships' captains forced into an illicit trade that was policed at sea by the British, and soon also the French, navies, and was exposed to both moral obloquy and criminal prosecution. But the French were lax in enforcing the law, and before 1831 – when an Anglo-French agreement was finally signed -arrests were comparatively rare [5, p. 430]. And it did not kill the French triangular trade. For the British abolitionists this was a bitter disappointment. The French, they felt, had been allowed to regain Martinique and Guadeloupe without being held to a clear abolitionist agenda. Others continued to resist, or to seek a prolongation of their trade [9, p. 343–358]. Spain and Portugal prevaricated and imposed their own conditions, so that south of the Equator the Congress of Vienna had little impact.

Castlereagh and the British delegation did not leave Vienna empty-handed: it was just that most of what they achieved consisted of promises for the future, of statements of intent rather than clear political commitments. In a recent study of the Congress settlement David King tries to portray this achievement in as positive a light as possible, given that the diplomats and political leaders present had more pressing matters to settle with regard to the balance of power on the Continent. «On February 8, 1815, just days before his expected departure», he writes, «Castlereagh could finally point to some success», when the Great Powers issued a joint declaration condemning the slave trade in seemingly unequivocal terms, describing it as «repugnant to the principles of humanity and universal morality». They further agreed in the importance of ending a scourge that had so long «desolated Africa, degraded Europe and afflicted humanity», though there was no clear commitment as to quite when that would happen. The slave trade should be abolished as soon as possible; but only the Dutch could be pressurized into immediate abolition. France promised to do so in five years, Spain and Portugal agreed on eight years. Yet it was a start, and Britain took some satisfaction from it: human rights, for the first time, had been made a subject of a peace conference, and it looked as if anti-slavery had become a moral force that was difficult to counter [21, p. 217]. Indeed, Wilberforce admitted privately, after meeting Castlereagh on his return from Vienna, that «I believe all done that could be done» [20, p. 54].

But if slaving could not be policed, then that achievement was only relative, and arguments over the right to board suspect vessels dragged on. Castlereagh was not wholly averse to some sort of compromise here, since he was well aware of the sensitivities the policy could cause. With the Americans – who had already abandoned the slave trade – that compromise was easier to achieve: in 1817 he offered the new American ambassador to London, Richard Rush, «a reciprocal right of search for slaves, and a limited number of the armed vessels of each of the maritime states to be empowered to search» [1, p. 446]. But France presented the British government with an altogether more difficult problem. Louis XVIII had domestic concerns to address, especially in the merchant ports of the Atlantic coast, and he could not be seen to be giving in to British pressure while an army of occupation remained on French territory, as this would give the impression that Britain was simply dictating terms to him. Castlereagh had to make do with statements of intent which he could present to the British Parliament as a more limited diplomatic triumph. A further conference called for 1816 in London also failed to produce binding agreements. But the assurances given by the French at least had the result of diverting the main thrust of abolitionist attack from France to Spain, which refused to take any action until 1823, and then only north of the Equator. A series of bilateral treaties with Holland, Spain and Portugal placed limits on their liberty to trade (in the cases of Spain and Portugal, Britain paid out £700,000 each in compensation [1, p. 447]). But Britain's right to stop ships which were suspected of slaving remained contested and had no basis in international law until it was finally recognised by an agreement signed between Britain and Louis-Philippe's France in 1831.

How effective was it? Ships were rarely stopped on the high seas, or in mid-Atlantic. Rather, searches were concentrated around the African coast, at those points like the Bight of Benin or the Bight of Biafra that were the centres of trade with African kings and slavers; in the waters off the French Caribbean islands of Guadeloupe and Martinique; or on the approaches to Cuba, where many French planters from Saint-Domingue had fled to resume their slave economy in Santiago de Cuba and its hinterland, and where, in the east of the island, they formed an important ethnic community [27; 22]. Off West Africa the British had the added advantage of a string of forts, whereas the French had only one, on Gorée [13, p. 227]. Here a number of French slave ships were stopped and arrested, and the volume of French slaving diminished as a consequence. But the trade was not eliminated; rather, the presence of British patrols off traditional slaving regions of West Africa, like Seregambia and the Gold Coast, had the effect of pushing the slave ships further south, to West Central Africa and the Bight of Biafra. From there ships of all the European slaving nations continued shipping Africans to the Caribbean; it was just that Cuba had replaced Saint-Domingue as their favoured slave market. In the twenty years to 1835 nearly 40,000 captives were shipped

from the Bight of Biafra into slavery in the Americas [24, p. 184]. In this context Britain's supposed victory on the issue at Vienna and in the bilateral treaties that followed must have seemed insignificant.

Many merchants in Nantes and Bordeaux sought to resume slaving as soon as the years of war and blockade were over. Some tried to conceal the identity of their vessels, or sailed back into foreign ports like Hamburg or Antwerp to avoid the waiting warships [6, p. 97]. Others sailed with false papers. Nantes – a port city whose wealth before the Revolution had been made through the slave trade – found it especially difficult to adapt to the new world order, and many businesses now sought to recoup the losses of the war years by returning to the trade in black ebony. As early as January 1815, we know of three ships – the *Cultivateur*, the *Bonne-Mère*, and the *Sénégalaise* – fitted out in Nantes, crewed with men from Brittany, from Nantes and Pornic, Lorient and Paimboeuf, which sailed for West Africa, loaded with silks and guns and all the usual accoutrements of the African trade. Their somewhat mixed fortunes reflect the precarious nature of the times. Of the three, only the *Sénégalaise* completed its voyage unimpeded. The *Bonne-Mère* was at anchor in Guadeloupe on 10 August 1815 when the island capitulated to the British; it was seized in the roads off Pointe-à-Pitre and treated by the British admiralty courts as an enemy ship, even though the war between France and Britain had ended nearly two months earlier at Waterloo [30, p. 155]. The *Cultivateur* was arguably even more unlucky as it in turn fell foul of British efforts to police the Atlantic. When it left Saint-Nazaire on 1 April it was respecting both French and British law at the time; and it also respected the restrictions that had been placed on African trading. But this did not prevent its being arrested by a British schooner at Bonny, or being taken back to Plymouth for trial. On 16 November the ship was finally released by the High Court of Admiralty, and an indemnity paid. It set out again for the coast of West Africa in May 1816 on a second slaving voyage [8; 11].

The numbers tell their own story. French involvement in the *traite* diminished as the hustling and interception increased, and more and more captains decided that the risk of capture was simply too great. But it cannot all be put down to the effect of British pressure. The loss of Saint-Domingue had greatly reduced the demand for slaves in the Caribbean, with the consequence that the economics of the slave trade was now less certain. And there is evidence that the moral campaign against slavery was having an effect, as abolitionist tracts were published in ever-greater numbers and English campaigners like Thomas Clarkson were more widely read in French. As alternative commercial opportunities were found – in the Levant, North Africa and the East Indies, for instance – the popularity of the African slave trade fell away, most particularly in ports along the Mediterranean littoral like Marseille. But during the Restoration the abolitionists could claim only a partial success. The illegal slave trade of Bordeaux and Nantes did not wither overnight.

No comprehensive figures exist for slave voyages in these years, as they were necessarily clandestine, but such statistics as we do have are suggestive of a much wider flouting of the law. Between 1814 and 1826 Eric Saugera lists more than forty vessels leaving Bordeaux alone for the African coast, heading to Calabar, or Gorée, or Senegal – with one firm responsible for five different voyages [29, p. 361–362]. And French slave voyages were just the tip of a much larger iceberg. For the ships' owners and their sea captains the risks were still worth taking. During the Restoration years some 3000 slave ships were still plying the Atlantic, most between West Africa and South America or the Caribbean. The abolitionists in London had relatively little to cheer about: indeed, Serge Daget concludes rather bleakly that «all the conditions of the traditional slave trade are still present in this period, scarcely diminished by illegality and repression» [7, p. 90].

Библиография

1. Bew, J. Castlereagh: A Life. London: Oxford University Press, 2012. 752 p.
2. Branda, P., Lentz, Th. Napoléon, l'esclavage et les colonies. Paris: Fayard, 2006. 359 p.
3. Brian, E. Vick. The Congress of Vienna: Power and Politics after Napoleon. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 436 p.
4. Clarkson, Th. Le Cri des Africains contre les Européens, leurs oppresseurs, ou coup d'oeil sur le commerce homicide appelé traite des Noirs / French translation. London, 1821.
5. Daget, S. British Repression of the Illegal French Slave Trade: some considerations // The Uncommon Market: Essays in the Economic History of the Atlantic Slave Trade. New York, 1979. P. 419–442.
6. Daget, S. La répression de la traite des Noirs au dix-neuvième siècle. L'action des croisières françaises sur les côtes occidentales de l'Afrique, 1817–1850. Paris: Karthala, 1997. 632 p.
7. Daget, S. Long cours et négriers nantais du trafic illégal, 1814–1833 // La traite des noirs par l'Atlantique: nouvelles approches. Paris: Société française d'Histoire d'Outre-Mer et P. Geuthner, 1976. P. 90–134.
8. Daget, S. Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite illégale, 1814–1850. Nantes: Centre de recherches sur l'histoire du monde atlantique, Université de Nantes, 1988. 603 p.
9. Daget, S. Tactiques, stratégies et effets du droit de visite // Actes du Colloque international sur la traite des Noirs. Nantes, 1985. Vol. 2. P. 343–358.
10. Drescher, S. Capitalism and Abolition: Values and forces in Britain, 1783–1814. Liverpool: in Roger Anstey and P.E.H. Hair, 1976.
11. Drescher, S. Whose Abolition? Popular Pressure and the Ending of the British Slave Trade // Past and Present. 1994. Vol. 143. P. 136–166.
12. Fladeland, B. «Abolitionist Pressures on the Concert of Europe, 1814–1822» // Journal of Modern History. 1966. Vol. 38. N 4. P. 355–373.
13. Gaston, M. Nantes au dix-huitième siècle: l'ère des négriers. Paris, 1931.
14. Hansard, T.C. The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time. London, 1814. Vol. 27.
15. Hansard, T.C. The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time. London, 1815. Vol. 30.
16. Hazareesingh, S. The Legend of Napoleon. London: Granta Books, 2004. 336 p.

17. Helfman, T. The Court of Vice Admiralty at Sierra Leone and the Abolition of the West African Slave Trade // The Yale Law Journal. 2006. Vol. 115. N 5. P. 1122–1156.

18. Henry Christophe and Thomas Clarkson: A Correspondence. Berkeley: CA, 1952. 287 p.

19. Journal of the House of Lords. London: Originally published by His Majesty's Stationery Office, [n.d.]. Vol. 63. 1830–1831.

20. Kielstra, P.M. The Politics of Slave Trade Suppression in Britain and France, 1814–48: Diplomacy, Morality and Economics. Basingstoke, 2000.

21. King, D. Vienna, 1814: How the Conquerors of Napoleon made Love, War and Peace at the Congress of Vienna. New York: Three Rivers Press, 2008. 448 p.

22. Lamore, M.E.O., Monnar, M.T.F. Formation d'une ville caraïbe: Urbanisme et architecture à Santiago de Cuba. Pessac, Presses Universitaires de Bordeaux, 2011, 510 p.

23. Le combat pour la liberté des Noirs dans le Journal de la Société de la Morale Chrétienne / Présentation de Marie-Laure Aurenche. Paris: L'Harmattan, 2011. Vol. 1–2.

24. Moráguez, O.G. The African origins of slaves arriving in Cuba, 1789–1865' // Extending the Frontiers: Essays on the New Transatlantic Slave Database. New Haven, CT, 2008.

25. Nelson, B.H. The Slave Trade as a Factor in British Foreign Policy, 1815–1862 // Journal of Negro History. 1942. Vol. 27. N 2. P. 192–209.

26. Reich, J. The Slave Trade at the Congress of Vienna – A Study in English Public Opinion // The Journal of Negro History. 1968. Vol. 53. N 2. P. 129–143.

27. Renault, A. D'une île rebelle à une île fidèle: Les Français de Santiago-de-Cuba (1791–1825). Mont-Saint-Aignan: Publications des Universités de Rouen et du Havre, 2012. 528 p.

28. Ryan, M. The price of legitimacy in humanitarian intervention: Britain, the right of search, and the abolition of the West Indian slave trade, 1807–1867. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 408 p.

29. Saugera, E. Bordeaux, port négrier: Chronologie, économie, idéologie, XVIIe siècle – XIXe siècle. Paris: Karthala, 1995. 384 p.

30. Saugera, E. La Bonne-Mère, navire négrier nantais, 1802–1815. Paris; Nantes: Karthala, 2012. 196 p.

31. Sherwood, M. The British Illegal Slave trade, 1808–1830 // Journal for Eighteenth-Century Studies. 2008. Vol. 31. N 2. P. 293–305.

32. Walvin, J. The Rise of British Popular Sentiment for Abolition, 1787–1832. Anti-Slavery, Religion and Reform: Essays in emory of Roger Anstey. Folkestone: eds. Christina Bolt and Seymour Drescher, 1980.

33. Ward, W.E.F. The Royal Navy and the Slavers: The Suppression of the Atlantic Slave Trade. London: Allen & Unwin, 1969. 246 p.

34. Wilson, E.G. Thomas Clarkson: A Biography. Basingstoke, 1989.

35. Yacou, A. Essor des plantations et subversion antiesclavagiste à Cuba (1791–1845). Paris: Karthala, 2010. 624 p.

References

Bew John. Castlereagh: A Life. London: Oxford University Press, 2012. 752 p.

Branda Pierre, Lentz Thierry. Napoléon, l'esclavage et les colonies. Paris: Fayard,, 2006. 359 p.

Brian E. Vick. The Congress of Vienna: Power and Politics after Napoleon. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 436 p.

Clarkson Thomas. Le Cri des Africains contre les Européens, leurs oppresseurs, ou coup d'oeil sur le commerce homicide appelé traite des Noirs / French translation. London, 1821.

Daget Serge. British Repression of the Illegal French Slave Trade: Some considerations // The Uncommon Market: Essays in the Economic History of the Atlantic Slave Trade. New York, 1979. P. 419–442.

Daget Serge. La répression de la traite des Noirs au dix-neuvième siècle. L'action des croisières françaises sur les côtes occidentales de l'Afrique, 1817–1850. Paris: Karthala, 1997. 632 p.

Daget Serge. Long cours et négriers nantais du trafic illégal, 1814–1833 // La traite des noirs par l'Atlantique: Nouvelles approches. Paris: Société française d'Histoire d'Outre-Mer et P. Geuthner, 1976. P. 90–134.

Daget Serge. Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite illégale, 1814–1850. Nantes: Centre de recherches sur l'histoire du monde atlantique, Université de Nantes, 1988. 603 p.

Daget Serge. Tactiques, stratégies et effets du droit de visite // Actes du Colloque international sur la traite des Noirs. Nantes, 1985. Vol. 2. P. 343–358.

Drescher Seymour. Capitalism and Abolition: Values and forces in Britain, 1783–1814. Liverpool: in Roger Anstey and P.E.H. Hair, 1976.

Drescher Seymour. Whose Abolition? Popular Pressure and the Ending of the British Slave Trade // Past and Present. 1994. Vol. 143. P. 136–166.

Fladeland Betty. «Abolitionist Pressures on the Concert of Europe, 1814–1822» // Journal of Modern History. 1966. Vol. 38. N 4. P. 355–373.

Gaston Martin. Nantes au dix-huitième siècle: l'ère des négriers. Paris, 1931.

Hansard T.C. The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time. London, 1814. Vol. 27.

Hansard T.C. The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time. London, 1815. Vol. 30.

Hazareesingh Sudhir. The Legend of Napoleon. London: Granta Books, 2004. 336 p.

Helfman Tara. The Court of Vice Admiralty at Sierra Leone and the Abolition of the West African Slave Trade // The Yale Law Journal. 2006. Vol. 115. N 5. P. 1122–1156.

Henry Christophe and Thomas Clarkson: A Correspondence. Berkeley: CA, 1952. 287 p.

Journal of the House of Lords. London: Originally published by His Majesty's Stationery Office, [n.d.]. Vol. 63. 1830–1831.

Kielstra Paul Michael. The Politics of Slave Trade Suppression in Britain and France, 1814–48: Diplomacy, Morality and Economics. Basingstoke, 2000.

King David. Vienna, 1814: How the Conquerors of Napoleon made Love, War and Peace at the Congress of Vienna. New York: Three Rivers Press, 2008. 448 p.

Lamore Maria Elena Orozco, Monnar Maria Teresa Fleitas. Formation d'une ville caraïbe: Urbanisme et architecture à Santiago de Cuba. Pessac, Presses Universitaires de Bordeaux, 2011, 510 p.

Le combat pour la liberté des Noirs dans le Journal de la Société de la Morale Chrétienne / Présentation de Marie-Laure Aurenche. Paris: L'Harmattan, 2011. Vol. 1–2.

Moráguez Oscar Grandío. The African origins of slaves arriving in Cuba, 1789–1865' // Extending the Frontiers: Essays on the New Transatlantic Slave Database. New Haven, CT, 2008.

Nelson Bernard H. The Slave Trade as a Factor in British Foreign Policy, 1815–1862' // Journal of Negro History. 1942. Vol. 27. N 2. P. 192–209.

Reich Jerome. The Slave Trade at the Congress of Vienna – A Study in English Public Opinion // The Journal of Negro History. 1968. Vol. 53. N 2. P. 129–143.

Renault Agnès. D'une île rebelle à une île fidèle: les Français de Santiago-de-Cuba (1791–1825). Mont-Saint-Aignan: Publications des Universités de Rouen et du Havre, 2012. 528 p.

Ryan Maeve. The price of legitimacy in humanitarian intervention: Britain, the right of search, and the abolition of the West Indian slave trade, 1807–1867. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 408 p.

Saugera Eric. Bordeaux port négrier: chronologie, économie, idéologie, XVIIe siècle – XIXe siècle. Paris: Karthala, 1995. 384 p.

Saugera Eric. La Bonne-Mère, navire négrier nantais, 1802–1815. Paris; Nantes: Karthala, 2012. 196 p.

Sherwood Marika. The British Illegal Slave trade, 1808–1830 // Journal for Eighteenth-Century Studies. 2008. Vol. 31. N 2. P. 293–305.

Walvin James. The Rise of British Popular Sentiment for Abolition, 1787–1832. Anti-Slavery, Religion and Reform: Essays in emory of Roger Anstey. Folkestone: eds. Christina Bolt and Seymour Drescher, 1980.

William Ernest Frank Ward. The Royal Navy and the Slavers: The Suppression of the Atlantic Slave Trade. London: Allen & Unwin, 1969. 246 p.

Wilson Ellen Gibson. Thomas Clarkson: A Biography. Basingstoke, 1989.

Yacou Alain. Essor des plantations et subversion antiesclavagiste à Cuba (1791–1845). Paris: Karthala, 2010. 624 p.

И. Фраскет

ОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Пер. с испанского О.В. Окуневой

Аннотация. *В статье речь идет о взаимовлиянии событий в Латинской Америке и Европе в конце 1810-х – начале 1820-х годов. Анализируются особенности революционного процесса в Америке в связи с европейскими представлениями о революциях. Намечаются дальнейшие пути исследования темы взаимовлияния политических процессов в обоих регионах.*

Ключевые слова: *Ибероамерика, Латинская Америка, Великобритания, революции, независимость.*

Фраскет Ивана – профессор, руководитель Центра по изучению XIX в. факультета истории и географии Университета Валенсии (Испания).

I. Frasket. The Independence of the Ibero-American Countries and the European Restoration: The Problem and Prospects of Research

Abstract. *The author analyzes the interrelated events in Latin America and Europe in the late 1810's – the early 1820-ies and the Ibero-American revolution with regard to European revolutionary ideas. The author studies the ways of further research of such political processes in both regions.*

Keywords: *Ibero-America, Latin America, Great Britain, revolutions, the independence.*

* *Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства по делам экономики, промышленности и поощрения конкурентоспособности (Испания), проект MINECO (HAR2013-42563P).*

Fracket Ivana – Professor, head of the Center for the study of the XIX century (department of history and geography, University of Valencia, Spain).

Состояние проблемы: Краткий обзор

«Эпоха конгрессов» (1815–1822) – важнейший этап становления новых международных отношений в Европе после Французской революции и периода правления Наполеона Бонапарта. Этот период традиционно наиболее тщательно изучался именно с точки зрения истории международных отношений, что умаляло сложность и обширность процессов, которые выходили за пределы европейского континента и за рамки исключительно политических проблем.

Внимание историков, как правило, привлекала новая расстановка сил, сложившаяся после возвращения европейских династий на свои прежние престолы и после восстановления дипломатических представительств. На страницах исследований, посвященных 1815–1822 гг., чаще всего фигурировали взаимоотношения между государствами, дипломатические связи, представители посольств; иногда историки посвящали монографии некоторым наиболее видным личностям периода Реставрации. Краткий обзор библиографии по истории Европы эпохи конгрессов позволяет констатировать, что эта проблематика не обделена вниманием исследователей, поскольку одних только крупных обобщающих работ или трудов, рассматривающих глобальную перспективу процессов, разворачивавшихся в первой четверти XIX в., насчитывается не менее четырех десятков. Эти работы были изданы, по преимуществу, в 1960–1970-е годы или даже раньше. Одновременно с этим можно констатировать, что большинство опубликованных работ сосредоточивается на Венском конгрессе 1815 г. и редко когда включает в хронологические рамки исследований периоды до 1815 г. и с 1815 по 1830 г. или даже по 1848 г., что способствует более широкому и комплексному представлению об изучаемом предмете[1].

С этой точки зрения работы по конгрессам 1820-х годов (в Троппау в 1820 г.; в Лайбахе в 1821 г.; в Вероне в 1822 г.) сравнительно немногочисленны, хотя именно эти конгрессы проходили не только в начале периода либеральных революций (и были призваны им противостоять), но и в контексте войны за независимость в Латинской Америке и первых шагов

1. Классическая историография Венского конгресса необычайно широка и существует на разных языках. Упомянем здесь лишь самые значимые из использованных нами работ: [42; 41; 25; 30; 3; 12; 29]. Назовем также некоторые современные работы: [43; 2; 22]. – Здесь и далее, если не оговорено иного, примечания принадлежат автору.

молодых южноамериканских республик[2]. Кроме того, концентрация на конкретном событии (подобном Венскому конгрессу) или отдельных выдающихся деятелях европейской политики уводит внимание от анализа совокупного влияния европейской Реставрации на американском континенте. Разумеется, существует ряд работ об отношениях некоторых европейских держав (Великобритании, Пруссии, Российской империи) с Латинской Америкой[3], однако подобная перспектива двусторонних отношений не позволяет представить широкую панораму, которая включала бы в себя и глобальное измерение европейской Реставрации в Старом Свете, и ее связь с процессом обретения независимости латиноамериканскими странами.

В любом случае, даже в тех исследованиях, которые поднимали подобные вопросы, редко встречается подробное рассмотрение воздействия как Реставрации на процессы в Ибероамерике[4], так и ибероамериканских революций на происходившее в Европе; чаще всего всё сводится к изложению дипломатических предложений со стороны европейцев и к смене альянсов и интересов испанского и португальского дворов в Южной Америке, что послужило причиной их конфликта. Такие исследования концентрируются на рассмотрении того, какие именно меморандумы и письма вызвало обращение испанского короля Фердинанда VII к великим державам по поводу оккупации португальцами Восточного берега (современного Уругвая. – *Пер.*) в 1816 г., а не на глобальном рассмотрении латинамериканского вопроса в рамках нового международного порядка.

Впрочем, в 1990-е годы интерес к этой проблематике оживился благодаря работам американского историка Пола Шрёдера, опубликованным в журналах «The American Historical Review» и «The International History Review» [38][5]. Шрёдер пересматривал широко распространенную среди историков

2. Исключением здесь является следующая работа: [21]. Разумеется, нельзя не упомянуть и мемуары Шатобриана, изданные на испанском [7]. Упоминания о конгрессах 1820-х годов содержатся также в: [30; 41; 42].

3. Среди исследований латиноамериканской проблематики назовем: [26; 35; 40; 24; 36; 28]. Последней по времени работой, хотя и не сфокусированной на Реставрации, является тематическое досье под редакцией М. Брауна и Г. Пэкетт [6].

4. Ибероамерика – совокупность бывших владений иберийских (в российской традиции пиренейских) стран – Испании и Португалии – в Новом Свете; фактически это обозначение является синонимом Латинской Америки. В национальных историографиях различных стран встречается и то, и другое наименование региона. Считается, что обозначение «Ибероамерика» сильнее подчеркивает историческую, языковую и культурную общность бывших метрополий и бывших колоний, однако в отечественной историографии традиционным является термин «Латинская Америка». – Прим. перевод. О.В. Окуневой.

5. В этом же номере журнала опубликованы статьи авторов, полемизировавших со Шрёдером (см. следующие примечания). Кроме того, работы других авторов, не

идею, что важнейшей составляющей договора по итогам Венского конгресса стало «равновесие власти», и утверждал, что подобное представление ошибочно. Шрёдер доказывал, что в Европе периода Реставрации восторжествовало не равновесие, а гегемонистская по своей сути система, которую возглавляли взаимно сдерживавшие друг друга Великобритания и Россия. Шрёдер признавал существование европейского «концерта наций» и его значительного влияния на международные отношения, но это не означало соизмеримого равновесия между всеми участниками Священного союза.

Шрёдер считал, что в 1792–1815 гг. в ходе войн и столкновений произошло установление хищнической гегемонии; после 1815 г. европейские державы перестали прибегать к силе и к нарушению прав других государств (что было типично для XVIII в.), чтобы прийти к согласию. Усталость от войны, по мнению Шрёдера, как раз и привела к необходимости «политического равновесия» (которое, однако, не означало равновесия во влиянии); подобное политическое равновесие всё равно по сути было гегемонистским и осуществлялось двумя великими державами – Великобританией и Россией – хотя и в мирной форме.

Критики концепции Шрёдера указывали, что определение «гегемония» не объясняет, каким образом «гегемонистская политика» была способна поддерживать мир и удерживать страны от открытых военных столкновений в 1815–1848 гг. [27, p. 711]. Эти оппоненты полагали, что система, намеченная Венским конгрессом, была по сути многополярной, наделенной системой сдержек и противовесов, и учитывала интересы всех стран-участниц, включая небольшие и средние государства Центральной Европы. Такие интересы – даже если предположить, что управляла ими Великобритания – не могут объясняться исключительно в терминах безопасности и торговых интересов третьих стран, но должны толковаться и как выражение развития индустриальных обществ, и как ответ на внутренние тенденции развития каждого государства. Иными словами, для англичан равновесие было выгодно не только для достижения внешнеполитических целей, но и для внутренней стабильности Англии и поддержания политической и социальной систем [20, p. 728].

В дискуссии выдвигался и аргумент из арсенала политологии: претендующее на гегемонию государство может способствовать равновесию в общей системе, поскольку желание доминировать на международной арене приведет к сплачиванию остальных государств в попытке сдержать и ограничить гегемона. Таким образом, идея противовеса срабатывала в той мере, в которой каждое государство признавало, что слишком сильный нажим

согласных со Шрёдером, были опубликованы в: «The International History Review» (1994. Vol. 16. N 4). Ответ Шрёдера этим многочисленным критикам см.: [37].

может привести к сплочению остальных против себя [23, p. 717][6]. Тем самым речь шла больше, чем о равновесии, а именно о «концерте»: предпосылкой равновесия является индивидуальная инициатива, в то время как «концерт» предполагает, что государства думают о своей политике в более глобальной форме и больше полагаются на аналогичные действия других.

Эти дискуссии были намного оживленнее и богаче по содержанию, чем может отразить данный краткий обзор. Они благотворно сказались на изучении Реставрации как ключевого момента трансформации в истории Европы XIX в. Помимо политики и дипломатии появились другие важные сферы для анализа: изменения на территориях, затронутых конфликтами, природа соперничества между странами, роль войны и дальнейшее преображение войны в иные формы противостояния и соперничества, значение динамики революционных и контрреволюционных процессов, экономическое и социальное развитие индустриальных обществ [39]. При этом, несмотря на всё вышеизложенное, дискуссия продолжала вращаться вокруг критических суждений Шрёдера о равновесии влияний, достигнутом в Вене, и не выходила за пределы этих хронологических (1815) и географических (Европа) рамок. Тем самым 1820-е годы не слишком часто изучались с точки зрения строительства государства-нации на основе либеральных принципов (новые латиноамериканские республики); возможная связь этих процессов с революционными тенденциями в самом Старом Свете также достаточно мало изучена. Вот почему настоящая статья сконцентрирована именно на этой проблематике; в ней будут предложены возможные направления исследования, учитывающие новые взгляды и более комплексное представление о периоде в целом.

Обретение независимости испано-американскими республиками как форма либеральной революции

Традиционно европейская Реставрация интерпретировалась как торжество контрреволюции после того потрясения основ, которое представляла собой Французская революция. Считалось, что сторонники Старого порядка взяли верх над нарождающейся буржуазией и новой политической реальностью – правовым государством [15]. В этом смысле уход со сцены Наполеона Бонапарта завершал собой 20-летний период революций и войн и открывал европейским государствам эру мира, спокойствия и процветания [3]. Объяснение

6. Цитируемый автор полагает, что изменения, произошедшие после Наполеоновских войн, в большей степени связаны с интересами каждого конкретного государства, а не со сменой принципов, приоритетов или ценностей государства, как утверждал П. Шрёдер.

сути данного периода как конструирование новой европейской легитимности на основе консенсуса и политики альянсов стало важным достижением историографии [25][7]. Тем не менее по-прежнему малочисленными оставались работы, выходившие за пределы Старого Света; тем самым затушевывалось значение глубоких революционных изменений на американском континенте. Именно в силу того, что международные отношения европейских государств приобрели в этот момент первостепенную важность, невозможно не принимать в расчет значимость изменений, произошедших по другую сторону Атлантики. Если война и революция покинули европейскую землю, в Иберо-америке этого не произошло.

Восприятие независимости иберoамериканских республик как формы либеральной революции появилось уже в момент самих событий. Обретение независимости воспринималось как закономерный этап в развитии наций – как часть их «природного предназначения». Подобный взгляд современников был в дальнейшем развит национальными историографиями, в которых поддерживалась идея позитивного значения освободительных революций для выработки и обоснования собственных «нациестроительных» мифов и представлений о национальной самобытности [1][8].

Известно, что понятие «революция» появилось до того, как в конце XVIII в. сложилась революционная ситуация; этот термин был синонимичен понятиям «мятеж», «бунт», «восстание», «стычка» и с легкостью заменялся ими. С момента получения независимости тринадцатью североамериканскими колониями у термина появилась положительная окраска, а с приходом Французской революции он стал подразумевать еще и универсальность явления[9].

7. В 1990-х годах, как отмечалось выше, эту концепцию подверг критике П. Шрёдер.

8. По мнению Инес Кинтеро, война за независимость превратилась в «неизменный рассказ» о неоспоримых фактах, которые отныне не полагалось подвергать сомнению [33]. Мы не можем пересказать здесь все существующие в латиноамериканской историографии интерпретации идеи войны за независимость как основополагающем национальном мифе и адресуем читателя к следующему изданию: [10].

9. Мы опускаем здесь толкование термина «революция» в духе астрономии Коперника (колебательное движение, направленное вперед, и равное ему по силе возвратное колебание), хотя именно это значение является исходным; в дальнейшем умеренные политики иногда использовали данный оттенок смысла, делая из «революции» синоним реформы или восстановления прежнего порядка вещей. Впрочем, уже с середины XVII в. англичане начинают использовать рассматриваемый термин для обозначения борьбы за свободу и против деспотизма; к ним примыкают такие авторы, как Жакур [34].

В настоящей работе мы не ставим цель изучить историю бытования термина и его концептуальное наполнение (это частично уже сделано специалистами в данном вопросе). Мы хотим лишь обратить внимание на распространенность и многозначность исторической категории, которой иногда оперируют без должной точности [17].

Иными словами, к концу XVIII в. еще сохраняются прежние значения слова, но всё сильней заявляет о себе новое значение, вобравшее в себя и наследие эпохи Просвещения, и собственно революционный опыт. «Революция» отныне означает еще и то, что ее современники отдают себе отчет в значительности происходящих на их глазах изменений. Такое новое понимание революции – это идея изменения, помноженная на просвещенный рационализм; ее знамя – борьба за свободу как основополагающий процесс, ее единственное возможное предназначение – быть универсальной. Именно поэтому революцию окрестили «либеральной», поскольку идеалы либералов – борцов за свободу – черпались в идейном и практическом наследии тех, кто совершал революции[10].

В связи со всем этим зададимся несколькими вопросами. Во-первых, каково было самоощущение главных действующих лиц революционных событий: насколько они осознавали, что живут в необыкновенную эпоху важных социальных и политических трансформаций? Записки современников событий (американской и французской революций, других революционных событий Европы и Америки) часто дают ответы на эти вопросы. Так, в 1811 г. испанский либерал Исидоро де Антийон употреблял термин «революция» в политическом смысле, оценивая «испанскую революцию» как способность испанского народа покончить с деспотизмом и установить нормы, гарантирующие свободу и равенство перед законом [2, p. 33]. По его собственным словам, народ смог «учредить себя в революции»; тем самым за рассматриваемым понятием закреплялась идея осознанного желания провозгласить / учредить / создать нечто. Как в индивидуальном, так и в коллективном сознании второй половины XVIII в. часто присутствовало ощущение близости революции или эпохи революций – как у тех, кто ее призывал и ждал, так и у тех, кто ее страшился.

10. Известно, что на протяжении долгого времени определению «либеральная революция» противопоставлялось другое – «буржуазная революция», в котором подчеркивалось указание на социальный класс, игравший главную роль в подобных трансформациях. Это породило обширные и глубокие дискуссии, которые хоть и снабдили историков солидными теоретическими изысканиями и некоторыми скрупулезными эмпирическими исследованиями, в основном занимались тем, чтобы проецировать идеальные модели на весьма разнородную действительность. В настоящее время оба определения отошли «в зону преимущественного влияния» двух разных методологических направлений: первым «завладела» история идей и концептов, а второе взял на вооружение неомарксистский подход. Мы полагаем, что любая попытка объяснить эти революционные процессы во всей их сложности и глубине невозможна без учета того «шлейфа», который тянется и за данными двумя определениями, и за другими аналогичными понятиями.

Во-вторых, новое значение термина «революция» подпитывалось собственным революционным опытом. Можно сказать, что это понятие расширяется и усложняется по мере того, как революция проживается и испытывается на практике – даже если при этом собственно слово и не произносится. Вот почему достаточно частой оказывается ситуация, когда в текстах времен пика революционных событий нет прямых, развернутых и должным образом обоснованных в политическом и философском отношениях обозначений происходящего как революции (или же такие случаи сравнительно редки). Разумеется, те, кто станет прибегать к прожитому революционному опыту, будут делать это, исходя из собственного восприятия событий, а не из желания передать завершенную идею революции. При этом во многих случаях такое личное восприятие событий будет отмечено претензией на универсальность полученного опыта (как уже отмечалось выше, идея универсальности закрепляется за описываемым понятием со времен французской революции).

В-третьих, революция не может быть определена и «прочувствована» без противопоставления себя контрреволюции или предреволюционному состоянию дел. Контрреволюция в лице традиционалистских кругов будет стремиться любой ценой покончить с революцией и с ее последствиями, стереть ее со скрижалей истории, «выбросить ее из потока времени», как сказал бы Фердинанд VII. Определение революции через сопоставление с предшествующими событиями будет делаться теми, кто, признавая необходимость перемен, разойдется во мнениях относительно примененных средств и сопутствующего революции радикализма. Тем самым рассматриваемый термин получает развитие и в одну, и в другую стороны, но со схожим результатом. Революция и реакция становятся двумя ипостасями одного и того же процесса, который, как правило, оценивается через призму исключительно революции, но который необходимо воспринимать диалектически [19].

В случае с ибероамериканскими странами получение независимости воспринималось как революция исключительно в политической перспективе (как освобождение от монархий Пиренейского полуострова) и с точки зрения формирования мифа о зарождении нации. Однако подобный подход не рассматривал и даже обнулял значение произошедших социальных изменений. Такого рода повествование об обретении независимости еще больше усиливало мысль о решающей роли борьбы с внешним врагом («Испанией» и «Португалией»), что само собой должно было стереть любые социальные или этнические различия внутри новорожденных республик. Всё население без разбора стало изображаться как креольское[11] и белое; социально-

11. В различных регионах Латинской Америки у понятия «креол» несколько значений: это и категория смешанного (от браков между разными расами) населения, и обозначение негров-рабов, родившихся уже в Новом Свете. Однако применительно

экономические различия отбрасывались, главной стала общность в лоне единой нации. Тем самым от событий в их историографической обработке осталось обретение независимости, но не осталось революции. Не было достойных для показа социальных или экономических изменений, была лишь нация, которая в едином порыве – шла ли речь о мексиканцах, о колумбийцах, о перуанцах, о венесуэльцах или о бразильцах, – сбросила с себя колониальное ярмо и поспешила на помощь угнетенной родине.

Тем не менее процесс обретения независимости всё же должен рассматриваться как революция еще и потому, что на месте бывших колоний сформировались либеральные государства-нации. Важно отметить, что освободительное движение возобладало не просто в метрополиях, а таких метрополиях, которые на тот момент олицетворяли Старый порядок[12]. Война за независимость не могла стать столкновением наций (по крайней мере, в современном и политическом значении слова, которое приписывается событиям традиционной историографией), поскольку ни Испания с Португалией, ни их американские колониальные владения – точнее, владения, принадлежащие короне и тому, кто в данный момент занимал престол, – не являлись суверенными нациями[13]. То, что происходило в Латинской Америке и на Пиренейском полуострове, представляло собой революционную трансформацию юридических структур Старого порядка в соответствии с принципами политического и экономического либерализма; подобная трансформация происходила с разной скоростью и обладала разными характеристиками.

Образование новых республик в Латинской Америке (большинство из них возникло в 1820-е годы) должно рассматриваться как в контексте европейской Реставрации, так и в контексте постоянно меняющегося на протяжении всего XIX в. соотношения между революцией и реакцией, между либерализмом и антилиберализмом. Угроза вторжения на американский континент Священного союза могла быть использована как катализатор получения независимости и как аргумент в пользу юридического и политического отделения

к эпохе войны за независимость испанских колоний у термина «креол» существовало собственное устойчивое значение: представитель колониального общества, уроженец Америки. Он мог быть чистокровным европейцем или потомком смешанного брака, главное было, что он родился уже в колониях и именно их, а не далекую Испанию, считал своей родиной. Говоря о «креолизации» всего населения новопровозглашенных латиноамериканских республик, автор настоящей статьи имеет в виду именно это последнее значение термина. – Прим. перевод.

12. Подробнее об этом см.: [18].

13. В последние годы в историографии наблюдается возвращение интереса к проблематике создания (или конструирования) наций; новые подходы пересматривают или ставят под сомнение традиционные трактовки национального вопроса в Латинской Америке. В качестве примера назовем следующие работы: [8; 31; 32].

от испанской и португальской монархий. В этом смысле отождествление реакционных сил с монархией не оставило иного выбора, кроме республиканской формы правления – для максимального дистанцирования от европейского абсолютизма. Политическое отделение (т.е. независимость) было необходимо для завершения государственного строительства (т.е. революции).

Новые государства, появившиеся в Латинской Америке, были сходными по своему устройству: их политическая и конституционная культуры основывались на либеральном понимании государства и на предоставлении гражданских и связанных с ними политических прав. Большинство государств ввели у себя парламентское представительство (парламенты – Конгресс или Ассамблея, – как правило, были двухпалатными), приняли политическую конституцию, где провозглашались естественные права, национальный суверенитет и свобода прессы. В выборных процедурах, как правило, присутствовал тот или иной ценз, что ограничивало право на голосование, но, с другой стороны, право участвовать в выборах получили те значительные слои населения, которые ранее им не обладали (в особенности при выборах на местном уровне). С этой точки зрения политическое гражданство расширилось; нация стала пониматься как новый политический субъект, обладающий суверенитетом.

Либеральная революция не только оформила новые территориально-политические единицы (государства-нации), но и изменила их социально-экономическое положение. С одной стороны, прежнее имущество короны должно было стать имуществом нации: новые правительства не преминули обратить внимание на его невысокую ликвидность и на необходимость обложить его налогом. Недавно созданным органам законодательной власти нужно было принять декреты о прямых взносах и о налогах, которые должны были соответствовать идеям либерализма и отвечать принципам равенства, пропорциональности и единообразия налогообложения. Подобный процесс не обошелся без сопротивления со стороны некоторых новых граждан-республиканцев, недавно ставших частью политической нации.

Более того: получив независимость, новые государства отменили налоги, монополии и отчисления в пользу королевской казны, но не сумели ввести свои собственные. Были упразднены таможни и монополии на торговлю с бывшей метрополией; им на смену пришла бесконтрольная свобода торговли. Нуждавшиеся в международной экономической помощи новые республики открыли свои рынки, на которые хлынули иностранные товары, что привело к коллапсу местной экономики. Этим положением не преминули воспользоваться два основных соперника во внешней торговле с Латинской Америкой – Великобритания и США, которые принялись признавать новые республики в обмен на займы. Последствия были очевидны: с самого рождения латиноамериканские государства оказались опутаны долгами перед международным финансовым капитализмом.

В социальном отношении последствия также не заставили себя ждать: потеря внутренних и межрегиональных рынков сбыта привела к тому, что значительная часть городских и сельских ремесленников оказалась обречена. В города хлынул поток разорившихся и безработных людей в поисках заработка; в большинстве случаев они превратились в маргиналов, побирающихся ради пропитания или вынужденных идти на мелкие преступления. Для борьбы с этим во многих городах были созданы «Трибуналы бродяг» для контроля за теми, у кого, по мнению властей, не было стабильного занятия или отвечающего нормам образа жизни. Правительства со своей стороны попытались ввести этот поток в какое-то русло, учреждая дома благотворительности, дома призрения и госпитали, которые действовали наподобие центров по социальной реабилитации и реинтеграции в общество в качестве граждан; в таких центрах заставляли трудиться в специальных мастерских.

Данный пример – наиболее показательная иллюстрация того, как революция создала свои собственные противоречия, провозгласив естественные права для всех, но одновременно породив экономическое и социальное неравенство, которое трудно было преодолеть. Социальный контроль ограничился созданием гражданских военизированных объединений (по образу ополчений), которые в большинстве случаев и обеспечивали внутренний порядок в городах, и мобилизовывали население на защиту республиканского и либерального государства. Во время войны за независимость народные слои получили оружие и милитаризовались; после войны их нужно было разоружить и поставить под контроль. Эту задачу возложили на военизированные образования, которые подчинили гражданской власти в виде муниципалитетов.

Армии, участвовавшие в войне за независимость, также подверглись реформированию со стороны новых правительств. В проектах их «национализации» объединились идеи гражданского долга по защите родины, записанного в конституции. Однако одновременно с этим армии выступили инструментом демаркации границ новых национальных государств; тем самым национальная идентичность приобрела привязку к территории. Многие из военных, участвовавших в войне за независимость, в дальнейшем упрочили свой социальный и имущественный статус, став частью олигархии, которая оставалась у власти на протяжении XIX в.

* * *

Подобный краткий обзор основных изменений, произошедших на территории бывших испанских и португальских колоний после обретения ими

независимости, показывает, что эти трансформации нельзя рассматривать исключительно как политические[14]. Разумеется, новые государства избрали иной – республиканский – вид правления и начали менять колониальные структуры на пути к государству-нации, основывавшемуся на либерализме первой волны. Смена формального носителя государственной власти – от короля к нации – означала больше, чем переход к иному режиму правления. Разумеется, помимо разрыва была и преемственность (обозначим этот пункт, но не будем вдаваться сейчас в детали), но очевидно, что если существовала реакция, то совершенно точно произошла и революция. Циклы и волны, подъемы и спады, наступления и отступления – вот та глобальная историческая динамика развития Америки и Европы, в контекст которой необходимо поместить изучение новых независимых латиноамериканских государств.

Некоторые замечания о перспективах исследования

Итак, на основании всего, что было сказано выше, очевидно, что европейская Реставрация – это отнюдь не простое возвращение к ситуации до 1789 г. Это стремление воссоздать политический порядок на основе принципов исторической легитимности и попытка вернуть «донаполеоновскую» упорядоченность и равновесие в отношениях между державами, принимая при этом наследие Наполеона. Здесь важно подчеркнуть то значение, которое латиноамериканские территории приобрели для европейцев с началом войны за независимость. В период между 1815 и 1828 гг. практически все американские колонии Испании и Португалии превратились в независимые республики с либеральными конституционными правительствами (за исключением Бразилии, которая с получением независимости осталась монархией. – *Перевод.*). Это предполагало не только изменение статуса дипломатических отношений европейских держав и новых государств Латинской Америки, но и политическое и экономическое воздействие как на Европу, так и на Америку. Данный тезис предполагает следующие возможные направления исследований описываемого периода.

Двигаясь от общего к частному, повторим еще раз, что изучение европейской Реставрации, которое замыкалось бы в анализе дипломатических и иных сношений между пятью великими державами (Великобританией, Францией, Австрией, Пруссией и Россией) и остальным миром не столь перспективно, как комплексный исторический анализ, который включал бы и рассмотрение экономических и социальных трансформаций, вызванных революционными процессами как в Европе, так и в Америке. Разумеется,

14. Более подробно эти аргументы изложены в: [9].

подобный анализ весьма сложен из-за множества факторов, которые нужно удерживать в поле зрения, однако уже сама такая перспектива показывает, что потенциал изучения эпохи 1820-х годов еще далеко не исчерпан.

Необходимо расширение географических рамок и выход за пределы одной лишь Европы. Но и простого изучения влияния Европы на Америку в одностороннем порядке (как это делалось до нынешнего времени), как представляется, недостаточно. Интересы и европейских держав, и новых латиноамериканских республик были многочисленны и взаимопереплетены. В этом отношении европейская Реставрация – это больше, чем просто фон, на котором проходила война за независимость, и больше чем просто повод к этой войне. Известно, что события в Новом Свете облегчили монархиям Испании и Португалии возможность военной интервенции на американскую территорию с одобрения европейских держав. Но известно и то, что реальная или гипотетическая перспектива такого вмешательства помогла восставшим сплотиться вокруг требований независимости как первоочередного условия дальнейших мирных переговоров. Вернувшись на престол как абсолютный монарх, испанский король Фердинанд VII задумал военную интервенцию в восставшие колонии и направил для этого экспедицию генерала Морийо. Пусть это и не обсуждалось на Венском конгрессе (Испания не хотела вмешательства союзников в колониальные вопросы), но уже совсем скоро Фердинанду VII пришлось запросить посредничества европейских держав в конфликте вокруг Восточного берега Рио-де-Ла Платы на границе с Бразилией [5, p. 13; 26; 13]. В 1816 г. на Восточный берег вторглись португальские войска под предлогом защиты монархии от революционного восстания и на основании того принципа легитимности, который провозгласил европейский «концерт наций».

Правительство Рио-де-Жанейро[15] обеспечило себе сочувствие европейских союзников, аргументируя свои действия защитой того, что испанская монархия защитить не смогла, не сумев исполнить свой долг колониальной державы и умиротворить территории вокруг Рио-де-Ла Платы. Парадоксальным образом наполеоновская Европа, которая могла бы поддержать и консолидировать революционные процессы и учредить либеральные и конституционные правительства, оказалась для войны за независимость в Латинской Америке менее благоприятным контекстом, чем абсолютистская (в значительной своей части) Европа, которая с образованием Священного союза подтвердила принцип возможности военного вмешательства.

15. С 1815 г. Бразилия являлась уже не колонией, а составной частью Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви. – Прим. пер.

Таким образом, война, ведшаяся с 1815 г. в значительной части испанской Америки, вписывается в сложный комплекс процессов, которые начались в 1810 г. и которые привели к обретению независимости [9]. Тем самым исследователю необходимо иметь в виду различие между отдельными фазами войны за независимость, принимая во внимание события по обе стороны Атлантического океана. Иными словами, обретение независимости в Латинской Америке не может рассматриваться как единое, неизменное и одностороннее событие, поскольку таковым оно не являлось. Политическая стратегия правительств восставших колоний (а затем – новых республик) должна оцениваться, исходя из диалектики отношений с метрополией, в которой, наряду с монархией, чередой сменялись различные кабинеты (это замечание относится и к европейским монархиям в период с 1810 по 1830 г.). Отделиться от абсолютистского государства, которым были Испания и Португалия в 1815 г. – не одно и то же, что отделиться от конституционного государства, которым обе пиренейские страны одно время были в 1810-х и 1820-х годах. Независимость и революция не всегда шли рука об руку; обретение независимости произошло потому, что в условиях европейской реакции независимость была необходима для упрочения революции. Если бы революционная трансформация шла одновременно с преобразованием метрополий в государства-нации, требование независимости не было бы столь оправданно.

Возвращение большинства событий войны за независимость в исторический контекст 1820-х годов показывает, как менялась революционная конъюнктура, и позволяет связать процессы обретения независимости с военными интервенциями Священного союза в Европе[16]. Видя дрейф европейских держав в сторону реакции, латиноамериканские страны поспешили упрочить свою независимость, получив дипломатическое признание со стороны Великобритании, Франции и США. Случайность это или нет, но все три державы уже не были абсолютистскими.

Иными словами, нельзя не подчеркнуть, что смена исторической конъюнктуры между 1810-ми и 1820-ми годами коснулась и европейских держав, и латиноамериканских революций. И речь здесь не только о том, что на конгрессе в Вероне 1822 г. изменилась политическая позиция Австрии и Пруссии, которые вступили в новый союз с Россией в поддержку Фердинанда VII, а признание со стороны США независимости латиноамериканских

16. Это особенно заметно на примере Мексики: там, в 1823 г. в Конгрессе обсуждалась возможность вторжения на территорию страны войск Священного союза, что стало бы повторением судьбы Испании. С такой точки зрения независимость (хотя и провозглашенная ранее, а не в данный конкретный момент) была наиболее очевидной альтернативой перспективе вновь попасть под власть абсолютистского государства.

республик в мае 1822 г. [16] имело ряд последствий для Великобритании, но и о том, что в самой Латинской Америке события продолжали развиваться как настоящие либерально-буржуазные революции.

Новые республиканские режимы не просто пассивно воспринимали веяния из Европы или США и не ограничивались одним лишь ожиданием признания. Революционная диалектика в Латинской Америке первой четверти XIX в. не может быть понята без учета политической и конституционной практики: обретшие независимость бывшие колонии начали воплощать на практике принципы Кадисской конституции 1812 г. в те моменты, когда сама испанская монархия представляла собой либеральный и конституционный режим (1812–1814; 1820–1823). Получение независимости предполагало триумф революции (как в политическом, так и в экономическом аспектах), невзирая на все сложности, и это обстоятельство оказывало значительное давление на те иностранные державы, у которых были интересы в данном регионе – на США и Великобританию.

Период Реставрации представляется интересным предметом исследования именно с точки зрения сложного сочетания двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, попытки ввести практику военных интервенций и коллективной ответственности держав за недопущение революций таким образом, чтобы Священный союз был неким сторожем, если не жандармом Европы. С другой стороны, продолжалось действие реформ наполеоновского времени. Тем самым предметом анализа должны быть как попытки контрреволюционных сил сдержать новые революции, так и новые идеологические и политические образы восходящего к Просвещению и максимально широко понимаемого либерального проекта. В подобной перспективе исследование революций, основанных на принципах либерализма, неотделимо от изучения антилиберальных сил вне зависимости от того, были ли они реакционными или нет. Такая широкая перспектива подразумевает концентрацию внимания не только на постнаполеоновской Европе, но и на интересах европейских монархий в Америке в предшествующие десятилетия [35, p. 8–9].

С этим связан вопрос об отказе членов Священного союза от военной интервенции в Новый Свет и о выдвижении Великобритании на первый план в качестве посредника в деле «либерального урегулирования» конфликта Испании со своими колониями. Тезис о «слабости» европейской системы, доказательством чему служат революции в Латинской Америке, должен быть переосмыслен. Необходимо более глубокое объяснение тому, почему члены Священного союза позволили революциям победить в Новом Свете [26, p. 65]. Здесь уместно поставить вопрос о причинах перемещения революционного импульса в Америку с 1815 г. и о том, почему «концерт держав» не помешал развитию революций так, как он сделал это в Европе. В чем заклю-

чался интерес европейских держав в неоказании помощи Испании и Португалии в их борьбе с восставшими колониями?

Было бы интересно также проанализировать, как европейские монархии воспринимали американский феномен, имея в виду, что в самой Европе сосуществовало несколько тенденций: революционная, умеренно-либеральная, контрреволюционная и антилиберальная, реакционная и т.п. Здесь же стоит поставить вопрос о том, как свое отношение к Европе определяли первые республиканские правительства и в какой степени их первые действия (в частности, отразившихся в законах, принятых первыми учредительными собраниями) оставались свободными от встречных требований признания независимости.

Отметим, что соотнесение политического проекта Реставрации с новой формирующейся экономической реальностью происходило не без сложностей, примером чему является роль Великобритании в европейских альянсах. Экономическая и промышленная трансформация Великобритании в 1820-е годы была подготовлена ее глобальной торговой экспансией. Поскольку обретение независимости бывшими испанскими колониями предполагало, наряду с политическими изменениями, и открытие новых рынков для европейских держав (в первую очередь для Великобритании, но не только), возможно поставить вопрос о том, не эти ли экономические и торговые интересы европейских держав побудили их допустить либеральные революции в Латинской Америке. Здесь же уместно рассмотреть, как именно Великобритания сумела сочетать свои интересы в Латинской Америке и свою роль посредника между ней и Европой. Несомненно, в этом контексте присутствовали еще и дипломатические (и иные) трения с Россией, и требование от Испании запретить работорговлю. Отметим также среди факторов изменения позиции Великобритании в 1820-х годах приход в качестве министра иностранных дел Джорджа Каннинга и то давление, которое оказали США своим односторонним признанием де-юре новых республик Латинской Америки[17].

Назовем еще несколько интересных направлений исследования. Американские колонии Испании являлись частью королевского имущества, и на этом основании король осуществлял над ними духовный патронат. Какова была позиция Папы Римского после обретения колониями независимости и утратой испанским католическим королем этого патроната? И как решали данный вопрос новые либеральные республики? Вопрос здесь заключался не только в признании со стороны папского престола, но и в юридической трансформации патроната, который в колониальные времена был целой

17. По мнению М. Коссока, политика Каннинга продолжила линию Кастельро, но при этом еще и помогла английской буржуазии на последней стадии промышленной революции [26, p. 131].

институцией и который при новых республиках был фактически национализирован. В историографии некоторых стран Латинской Америки этот вопрос частично уже затрагивался[18], однако комплексное его изучение пока отсутствует.

Таким образом, европейская Реставрация по-прежнему заслуживает внимания исследователей. Речь идет уже не только о традиционной проблематике (история дипломатии и международных отношений), но и о новой постановке вопроса о соотношении в тот период революции и реакции и о ведущей роли здесь новых латиноамериканских республик. 1820-е годы отличаются своеобразием, поскольку на это время приходятся перестановки в международных альянсах и одновременно происходят революционные процессы в Латинской Америке. Бездействие европейского «концерта держав» – отсутствие признания новых республик, но наравне с этим и отсутствие действий, направленных на предотвращение консолидации новых режимов – интересно именно как результат наложения множества интересов европейских держав (и те, что были связаны с Новым Светом, должны рассматриваться не сами по себе, а именно в комплексе), а не просто как признание слабости или провала европейских альянсов. Подобные новые подходы открывают историкам обширные перспективы и предоставляют им немалый фронт работ.

Библиография

1. Altez, R. Una categoría conceptual a la deriva: Discusión sobre la aplicabilidad de «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle, M., Chust, M., Serrano, J.A. (eds.). Escarapelas y Coronas. Las revoluciones continentales en América y Europa, 1776–1835. Caracas: Editorial Alfa, 2012. P. 39–80.

2. Antillón, I. de. Colección de documentos inéditos, pertenecientes a la historia política de nuestra revolución. Palma de Mallorca, Imprenta de Miguel Domingo, 1811.

3. Bertier de Sauvigny, G. de. La Restauración. Madrid: Pegaso, 1980.

4. Bew, J. Castlereagh. A life. Oxford: Oxford University Press, 2012. 752 p.

5. Brennecke, C. ¿De ‘ejemplo’ a mancha de Europa? La guerra de independencia española y sus efectos sobre la imagen oficial de España durante el Congreso de Viena (1814–1815). Madrid: CSIC, 2010. 224 p.

6. Brown, M., Paquette, G. (ed.). The Persistence of Mutual Influence: Europe and Latin America in the 1820s // European History Quarterly. N 41. 2011. P. 387–443.

7. Chateaubriand, F.-R. Congreso de Verona. Guerra de España, negociaciones, colonias españolas. Madrid, Machado libros, 2011. 292 p.

8. Chiaramonte, J.C., Marichal, C., Granados, A. (orgs.). Crear la nación. Buenos Aires: Sudamericana, 2008. 378 p.

9. Chust, M., Frasquet, I. Tiempos de revolución. Comprender las independencias iberoamericanas. Madrid, Taurus-Mapfre, 2013. 336 p.

18. Наиболее исследованным в этом отношении является пример Мексики. См.: [11; 14].

10. Chust M., Serrano J.A. (eds.). Debates sobre las independencias iberoamericanas. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. 340 p.

11. Connaughton, B. El ocaso del proyecto de «Nación Católica». Patronato virtual, préstamos y presiones regionales, 1821–1856 // Connaughton, B., Illades, C., Pérez Toledo, S. (coords.). Construcción de la legitimidad política en México. México: Colmich-UAM-UNAM-Colmex, 1999. P. 227–262.

12. Contamine, H. Diplomatie et diplomates sous la Restauration, 1814–1830. Paris: Hachette, 1970. 410 p.

13. Corner, K.W. La independencia de la América española y la diplomacia alemana. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1968. 288 p.

14. Dossier «El patronato de la Iglesia americana: de la Monarquía a los Estados nacionales» // Historia Crítica. 2014. N 52. Bogotá, 288 p.

15. Droz, J. Europa, Restauración y revolución, 1815–1848. Madrid: Siglo XXI, 1974.

16. Fernández Palacios, J.M. Antecedentes de la Doctrina Monroe: posibilidades reales y percepciones acerca de una intervención de la Santa Alianza en Hispanoamérica // Ab Initio. 2011. N 3. P. 73–96.

17. Fernández, Sebastián J. (dir.). Diccionario político y social del mundo iberoamericano. Conceptos políticos fundamentales, 1770–1870 [Iberconceptos II]. Madrid: Universidad del País Vasco, Euskal Herriko Unibersitatea, Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2014. 1422 p.

18. Frasquet, I. Estados y revoluciones en Iberoamérica. A propósito de las independencias en la década de 1820 // Altez R., Chust M. (eds.). Las revoluciones en el largo siglo XIX latinoamericano. [Münster in Westfalen, Germany Madrid]: AHILA; Madrid: Iberoamericana; Frankfurt am Main: Vervuert, 2015. P. 65–86.

19. García Monerris, E., García Monerris, C. Palabras en guerra. La experiencia revolucionaria y el lenguaje de la reacción // Pasado y Memoria. Revista de Historia contemporánea. 2011. N 10. P. 139–162.

20. Gruner, W. d. Was there a Reformed Balance of Power System or Cooperative Great Powers Hegemony? // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 725–732.

21. Irby, C.N. Jr. The European Pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague: Martinus Nijhoff, 1971. 363 p.

22. Jarret, M. The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon. London: I.B. Tauris, 2014. 522 p.

23. Jervis, R. A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 716–724.

24. Kaufmann, W.W. La política británica y la independencia de América latina, 1804–1828. Caracas: Universidad Central de Venezuela, 1963.

25. Kissinger, H. A World Restored; Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–1822. Boston: Houghton Mifflin, 1957. 354 p.

26. Kossok, M. Historia de la Santa Alianza y la emancipación de América. México: Ed. Cartago, 1983. 295 p.

27. Kraehe, E.E. A Bipolar Balance of Power // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 707–715.

28. La independencia de la América española y la diplomacia alemana, introducción, selección y traducción de Karl W. Corner. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires – Instituto de Historia Argentina Dr. Emilio Ravignani, 1968. 341 p.

29. Mary Alsop, S. Alegría y escándalo de un congreso. Viena, 1814–1815. México: FCE, 1986. 316 p.

30. Nicolson, H. The Congress of Vienna; a Study in Allied Unity, 1812–1822. New York: The Viking Press, 1969. 312 p.

31. Palacios, G. (coord). La nación y su historia. Independencias, relato historiográfico y debates sobre la nación: América Latina siglo XIX. México, El Colegio de México, 2009. 413 p.

32. Pérez Vejo, T. (coord). La construcción de las naciones como problema historiográfico: El caso del mundo hispánico // Historia Mexicana. 2003. Octubre–diciembre. N 210. P. 275–311.

33. Quintero, I. El relato invariable. Independencia, mito y nación. Caracas: Editorial Alfa, 2011. 297 p.

34. Roura i Aulinas, L. Revolución de «revolución». El giro del concepto «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle M., Chust M., Serrano J.A. (eds.). Debates sobre las independencias iberoamericanas. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. P. 13–38.

35. Russell, H. Bartley. Imperial Russia and the Struggle for Latin American Independence, 1808–1828. Austin: University of Texas, 197. 236 p.

36. Schmieder, U. Prusia y el Congreso de Verona. Estudio acerca de la política de la Santa Alianza en la cuestión española. Madrid: Ed. del Orto, 1998.

37. Schroeder, P.W. Balance of Power and Political Equilibrium: A response // The International History Review. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.

38. Schroeder P.W. Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power? // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 683–706.

39. Scott, H.M. Paul W. Schroeder's International System: The View from Vienna // The International History Review. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.

40. Webster, C. (ed). Britain and the Independence of Latin America, 1812–1826. Select Documents from the Foreign Office Archives. London: University of London, 1938. Vol. I–II.

41. Webster, C.K. The Congress of Vienna, 1814–1815. London: H. Milford, Oxford University Press, 1919. 174 p.

42. Webster, C.K. The foreign policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European alliance. London: Bell, 1947. 618 p.

43. Zamoyski A. Rites of Peace. The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. London: Harper Perennial, 2008. 654 p.

References

Altez R. Una categoría conceptual a la deriva: discusión sobre la aplicabilidad de «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle M., Chust M., Serrano J.A. (eds.). Escarapelas y Coronas. Las revoluciones continentales en América y Europa, 1776–1835. Caracas: Editorial Alfa, 2012. P. 39–80.

Antillón I. de. Colección de documentos inéditos, pertenecientes a la historia política de nuestra revolución. Palma de Mallorca, Imprenta de Miguel Domingo, 1811.

Bertier de Sauvigny G. de. La Restauración. Madrid: Pegaso, 1980.

Bew J. Castlereagh. A life. Oxford: Oxford University Press, 2012. 752 p.

Brennecke C. ¿De 'ejemplo' a mancha de Europa? La guerra de independencia española y sus efectos sobre la imagen oficial de España durante el Congreso de Viena (1814–1815). Madrid: CSIC, 2010. 224 p.

Brown M., Paquette G. (ed.). The Persistence of Mutual Influence: Europe and Latin America in the 1820s // European History Quarterly. N 41. 2011. P. 387–443.

Chateaubriand F.-R. Congreso de Verona. Guerra de España, negociaciones, colonias españolas. Madrid, Machado libros, 2011. 292 p.

Chiaramonte J.C., Marichal C., Granados A. (orgs.). Crear la nación. Buenos Aires: Sudamericana, 2008. 378 p.

Chust M., Frasquet I. Tiempos de revolución. Comprender las independencias iberoamericanas. Madrid, Taurus-Mapfre, 2013. 336 p.

Chust M., Serrano J.A. (eds.). Debates sobre las independencias iberoamericanas. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. 340 p.

Connaughton B.F. El ocaso del proyecto de «Nación Católica». Patronato virtual, préstamos y presiones regionales, 1821–1856 // Connaughton B., Illades C., Pérez Toledo S. (coords.). Construcción de la legitimidad política en México. México: Colmich-UAM-UNAM-Colmex, 1999. P. 227–262.

Contamine H. Diplomatie et diplomates sous la Restauration, 1814–1830. Paris: Hachette, 1970. 410 p.

Corner K.W. La independencia de la América española y la diplomacia alemana. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1968. 288 p.

Dossier «El patronato de la Iglesia americana: De la Monarquía a los Estados nacionales» // Historia Crítica. 2014. N 52. Bogotá, 288 p.

Droz J. Europa, Restauración y revolución, 1815–1848. Madrid: Siglo XXI, 1974.

Fernández Palacios J.M. Antecedentes de la Doctrina Monroe: posibilidades reales y percepciones acerca de una intervención de la Santa Alianza en Hispanoamérica // Ab Initio. 2011. N 3. P. 73–96.

Fernández Sebastián J. (dir.). Diccionario político y social del mundo iberoamericano. Conceptos políticos fundamentales, 1770–1870 [Iberconceptos II]. Madrid: Universidad del País Vasco, Euskal Herriko Unibersitatea, Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2014. 1422 p.

Frasquet I. Estados y revoluciones en Iberoamérica. A propósito de las independencias en la década de 1820 // Altez R., Chust M. (eds.). Las revoluciones en el largo siglo XIX latinoamericano. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2015. P. 65–86.

García Monerris E., García Monerris C. Palabras en guerra. La experiencia revolucionaria y el lenguaje de la reacción // Pasado y Memoria. Revista de Historia contemporánea. 2011. N 10. P. 139–162.

Gruner W. d. Was there a Reformed Balance of Power System or Cooperative Great Powers Hegemony? // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 725–732.

Irby C.N. Jr. The European Pentarchy and the Congress of Verona, 1822. The Hague: Martinus Nijhoff, 1971. 363 p.

Jarret M. The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon. London: I.B. Tauris, 2014. 522 p.

Jervis R. A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 716–724.

Kaufmann W.W. La política británica y la independencia de América latina, 1804–1828. Caracas: Universidad Central de Venezuela, 1963.

Kissinger H. A World Restored; Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–1822. Boston: Houghton Mifflin, 1957. 354 p.

Kossok M. Historia de la Santa Alianza y la emancipación de América. México: Ed. Cartago, 1983. 295 p.

Kraehe E.E. A Bipolar Balance of Power // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 707–715.

La independencia de la América española y la diplomacia alemana, introducción, selección y traducción de Karl W. Corner. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires – Instituto de Historia Argentina Dr. Emilio Ravignani, 1968. 341 p.

Mary Alsop S. Alegría y escándalo de un congreso. Viena, 1814–1815. México: FCE, 1986. 316 p.

Nicolson H. The Congress of Vienna; a Study in Allied Unity, 1812–1822. New York: The Viking Press, 1969. 312 p.

Palacios G. (coord). La nación y su historia. Independencias, relato historiográfico y debates sobre la nación: América Latina siglo XIX. México, El Colegio de México, 2009. 413 p.

Pérez Vejo T. (coord). La construcción de las naciones como problema historiográfico: El caso del mundo hispánico // Historia Mexicana. 2003. Octubre-diciembre. N 210. P. 275–311.

Quintero I. El relato invariable. Independencia, mito y nación. Caracas: Editorial Alfa, 2011. 297 p.

Roura i Aulinas L. Revolución de «revolución». El giro del concepto «revolución» a finales del siglo XVIII // Vovelle M., Chust M., Serrano J.A. (eds.). Debates sobre las independencias iberoamericanas. Madrid: AHILA; Iberoamericana. Vervuert, 2007. P. 13–38.

Russell H. Bartley. Imperial Russia and the Struggle for Latin American Independence, 1808–1828. Austin: University of Texas, 197. 236 p.

Schmieder U. Prusia y el Congreso de Verona. Estudio acerca de la política de la Santa Alianza en la cuestión española. Madrid: Ed. del Orto, 1998.

Schroeder P.W. Balance of Power and Political Equilibrium: A response // The International History Review. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.

Schroeder P.W. Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power? // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. N 3. P. 683–706.

Scott H.M. Paul W. Schroeder's International System: The View from Vienna // The International History Review. 1994. Vol. 16. N 4. P. 663–680.

Webster C. (ed). Britain and the Independence of Latin America, 1812–1826. Select Documents from the Foreign Office Archives. London: University of London, 1938. Vol. I–II.

Webster C.K. The Congress of Vienna, 1814–1815. London: H. Milford, Oxford University Press, 1919. 174 p.

Webster C.K. The foreign policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European alliance. London: Bell, 1947. 618 p.

Zamoyski A. Rites of Peace. The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. London: Harper Perennial, 2008. 654 p.

П.А. Даценко

КОРОЛЕВСТВО ВЮРТЕМБЕРГ И ПРОБЛЕМА ГЕРМАНСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В 1853–1854 гг. (По материалам российской дипломатической миссии в Штутгарте)*

Аннотация. *В данной статье анализируется политика Вюртембергского королевства в 1853–1854 гг. в борьбе за нейтралитет Германского союза в Крымской войне. На основе немецких дипломатических документов и секретных депеш российских поверенных в делах при Вюртембергском дворе, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, предпринимается попытка выявить основные политические векторы вюртембергского курса. В центре внимания автора статьи – реакция на внешнеполитический курс Вюртембергского двора со стороны российского правительства, для которого особый интерес представляла Бамбергская конференция государств Германского союза 26–30 мая 1854 г.*

Ключевые слова: *Крымская война, Германский союз, королевство Вюртемберг, нейтралитет, «Третья Германия», А.М. Горчаков, К.Ю.Ф. фон Нейрат, Л. фон дер Пфордтен, Ф.Ф. фон Бойст, внешняя политика, российско-германские отношения, АВПРИ.*

Даценко Павел Александрович – аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва.
E-mail: dacenko3322@mail.ru

P.A. Datsenko. The Kingdom of Württemberg and the Problem of German Neutrality in 1853–1854 (Documents of the Russian Diplomatic Mission in Stuttgart)

Abstract. *This article studies the policy of the Kingdom of Württemberg in the years 1853–1854, aimed at securing the neutrality of the German Confederation in the Crimean*

* *Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 15-18-30087.*

war. Basing on German diplomatic documents and secret dispatches of the Russian deputies at the Württemberg's court the article analyzes some key political vectors of the Stuttgarts' neutrality efforts and the reaction of the Russian Government, especially on the Conference of Bamberg, May, 26–30, 1854.

Keywords: *Crimean war, German Confederation, Kingdom of Württemberg, neutrality, Third Germany, Gorchakov, Neurath, von der Pfordten, Beust, foreign policy, the Russian-German relations.*

Datsenko Pavel Alexandrovich – postgraduate student of the Department of History of the State Academic University for the Humanities, junior research fellow, the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: dacenko3322@mail.ru

Проблема германского нейтралитета в годы Крымской войны (1853–1856) лежит не только в сфере международных отношений и политики великих европейских держав, но и в сфере сложной системы взаимоотношений многочисленных германских государств в составе Германского союза. До сих пор в отечественной историографии германский вопрос рассматривался в основном на примере двух крупнейших государств Германского союза – Австрии и Пруссии. Их роль в Крымской войне в целом достаточно полно изучена в отечественной историографии[1]. Однако двойственный характер их статуса и «политического существования» – как европейских и как германских государств – не позволяет во всей полноте оценить все нюансы их политики. Особенно если при анализе политики этих государств исследователь останавливается лишь на «европейском» векторе.

Оба государства учитывали и планировали свои действия с оглядкой на внутригерманский эффект того или иного политического шага: Австрия нуждалась в поддержке Германского союза для укрепления своего европейского влияния и улучшения своего внутреннего положения [11, S. 113–114], Пруссия стремилась усилиться как германская держава, построив внутри Германского союза систему своего доминирования. Средние и малые государства Союза («Третья Германия») рассматривались ими либо как неравные партнеры, либо просто как инструмент для осуществления собственных планов

1. Например: [5; 4; 3]. Изучению политики Австрии и Пруссии в Крымской войне способствует значительный корпус опубликованных документов венского и берлинского кабинетов. Для других членов Союза подобной публикации до сих пор нет. Наиболее полное на сегодняшний день издание документов по истории Германского союза, выпускающееся под эгидой Баварской исторической комиссии, лишь отчасти затрагивает вопрос германского нейтралитета в 1853–1856 гг., освещая прежде всего вопрос реформы Союза в этот период.

и проектов [9, S. 64–65]. Сами же государства «Третьей Германии», будучи в рамках Германского союза формально самостоятельными и независимыми политическими субъектами, стремились проводить, прежде всего, ту политику, которая давала бы им максимальную выгоду для усиления собственной позиции и обеспечила бы необходимые гарантии их суверенитета.

Крымская война, быстро превратившаяся из локального российско-турецкого кризиса в общеевропейский, вызывала у «Третьей Германии» серьезное беспокойство, поскольку означала распад Венской системы европейской безопасности и потенциальную угрозу распространения войны на территорию германских государств. Эта угроза могла быть нивелирована только в том случае, если Германский союз сохранял нейтралитет, эффективность которого теперь зависела не столько от состояния международной обстановки, сколько от единодушия членов Союза. В случае если Австрия и Пруссия в силу своих европейских целей отступили бы от политики нейтралитета, ее обеспечение должно было лечь на плечи государств «Третьей Германии».

В данной статье будет рассмотрена попытка проведения политики нейтралитета королевством Вюртемберг в период от оккупации Россией Дунайских княжеств летом 1853 г. до присоединения Германского союза к оборонительно-наступательному альянсу Австрии и Пруссии в июле 1854 г. В этот период роль и перспективы Германии в войне еще не были ясны, что давало средним германским государствам определенный простор и свободу для политического и дипломатического маневров[2].

Соседствуя на западе с великим герцогством Баден и на востоке с крупнейшим из средних государств – Баварским королевством, Вюртемберг не имел никаких территориальных, экономических или иных интересов на Востоке и, следовательно, не имел формальных поводов к вступлению в войну. Однако правивший в Вюртемберге с 1816 г. король Вильгельм I давно испытывал серьезные опасения по поводу возможности вторжения Франции за Рейн. Об этом он еще в декабре 1852 г. писал австрийскому министру иностранных дел К.Ф. фон Буоль-Шауэнштейну: «Истинная опасность времени для всех нас лежит на западе. Только эгоизм, страх или близорукость желали бы после 2 декабря усматривать ее где-либо, кроме Парижа» [17,

2. Более подробно политика Вюртемберга в Крымской войне рассматривалась в трудах немецких историков Г. Круземарка и П. Хоффмана. Эти исследования базируются на материале из земельных архивов Германии в Штутгарте, Мюнхене, Дрездене и описывают взаимоотношения Вюртемберга с другими германскими кабинетами. Поэтому взгляды российской стороны на инициативы германских политиков в годы войны или деятельность российских дипломатических представителей при Вюртембергском дворе отражены в них не в полном объеме [16; 14].

S. 73]. Вильгельм понимал, что в силу малочисленности своей армии и уязвимого положения Южной Германии Вюртемберг даже в союзе с Баденом и Баварией не сможет сразу отразить французское нападение. Поэтому в текущем европейском кризисе он преследовал две цели: всеми силами удерживать германских лидеров, особенно Австрию, от вступления в войну и обеспечить Вюртембергу как можно более надежные гарантии и защиту от французской угрозы.

Династическое родство[3], приверженность России защите принципов Венской системы и невозможность альянса консервативных германских князей с парламентской Великобританией или империей Наполеона III обусловили лояльный к Петербургу характер внешней политики Вюртемберга. Это, однако, отнюдь не означало, что Штутгарт становился проводником российских интересов в Германии и не имел собственного курса[4]. Вильгельм, будучи убежденным прагматиком, разочаровался за годы своего правления в потенциале Германского союза и отзывался о бундестаге как о месте, где «заседают негодяи», а о Союзе – как об «изношенной машине». Союз он терпел лишь как неизбежное зло, необходимое для обеспечения суверенитета Вюртемберга [14, S. 13][5].

Вильгельм предпочитал выстраивать свою концепцию нейтралитета сугубо в рамках ограниченного сотрудничества членов Германского союза, рассматривая любую инициативу своих соседей исключительно с позиций ее пользы или вреда для Вюртемберга и не допуская навязывания ему других точек зрения. Этот курс встречал понимание у остальных германских государств, также заинтересованных в сотрудничестве. Но партикуляристские установки вюртембергского курса давно вызывали недоверие у Вены и Берлина[6] и мешали доверительным переговорам с другими средними государствами Союза, имевшими иные взгляды на концепцию нейтралитета.

3. С 1816 г. Вильгельм был женат на сестре Николая I великой княгине Екатерине Павловне, умершей в 1819 г. Сын Вильгельма, кронпринц Карл, был женат на дочери Николая великой княгине Ольге Николаевне, имевшей на мужа сильное влияние.

4. Еще в 1930-е годы такая точка зрения была поставлена под сомнение историком В.П. Фуксом, писавшим, что южно-германских политиков «занимали еще и соображения реальной политики, которые были не близки другим средним государствам <…> их, прежде всего, беспокоила судьба Южной Германии в случае французского вторжения» [13, S. 28].

5. Вильгельм придерживался этих взглядов до самой своей смерти и в своем политическом завещании в 1865 г. писал: «Положение Германского союза действительно непрочное; все силы направлены лишь на то, чтобы парализовать всякую мощь и всякий порыв. Изменить это состояние есть величайшая потребность» [20, S. 218].

6. Бисмарк (в то время – прусский представитель в бундестаге) подозревал, что Вильгельм для спасения своего королевства может даже пойти на союз с Францией,

Еще в июне 1853 г. глава саксонского правительства Фридрих Фердинанд фон Бойст предложил созвать во Франкфурте-на-Майне конференцию министров средних германских государств для выработки общей позиции «Третьей Германии» по обеспечению нейтралитета Германского союза в возможной войне[7]. Это предложение было сочтено Вильгельмом и министром иностранных дел Вюртемберга бароном Константином Юлиусом Францем фон Нейратом слишком радикальным. Поэтому оно было отвергнуто как нецелесообразное и способное вызвать гнев со стороны Австрии и Пруссии. Созывать конференцию министров средних государств, считал Нейрат, без явного к тому повода означает «ставить себя более или менее провоцирующим образом в некую враждебную позицию по отношению к обеим великим державам». По его мнению, необходимо было «избегать любой видимости, что средние государства принципиально объединяются в сепаратный союз» [19, S. 760].

Осторожность, с которой в Штутгарте отнеслись к инициативе Бойста, была следствием убеждения, что без доверительных отношений с Австрией и Пруссией никакое соглашение о нейтралитете не может быть эффективным. Без их политической поддержки в Вюртемберге не могло быть уверенности, что Франция не предпримет военную авантюру, а без их военной помощи оборона южно-германских государств на Рейне не могла остановить французское наступление[8].

На заседании бундестага 10 ноября 1853 г. Австрия выступила с декларацией, в которой провозглашала свой нейтралитет (до тех пор, пока не будет непосредственной угрозы ее интересам) и заявляла, что продолжит предпринимать попытки урегулировать конфликт совместно с Великобританией, Францией и Пруссией. Пруссия отказалась присоединиться к этой декларации, мотивировав это желанием оставить за собой «свободу действий, чтобы посвятить все силы обеспечению мира» [18, S. 853–855]. Это поставило Вюртемберг перед фактом невозможности австро-прусской коалиции и необхо-

поскольку ему, по его собственным словам, «вюртембергская рубашка ближе, нежели костюм союза» [1, с. 71]. Хоффман цитирует это высказывание с оговоркой, что оно могло быть лишь мнением Бисмарка, вольно интерпретировавшего позицию короля [14, S. 13].

7. Основой концепции Бойста была консолидация «Третьей Германии» не только в вопросе нейтралитета в войне, но и гораздо шире – в рамках выработки предложений по глобальной реформе Союза, что было болезненной темой для германских монархов, поскольку затрагивало вопросы суверенитета и субординации внутри Союза [12, S. 127–160]. Об отличиях саксонской программы от южно-германских концепций [12, S. 128–131, 140].

8. Нейрат излагал эти соображения как австрийскому представителю Ханделю [6, S. 406], так и позднее А.М. Горчакову [2, л. 445–447].

димостью обратить внимание на альтернативные пути к обеспечению нейтралитета.

Возобновление активной политики средних государств вполне отвечало целям Вюртемберга в условиях, когда не было четкого представления о курсе германских лидеров после провала австрийской инициативы в бундестаге. Вюртембергский представитель в бундестаге Х.Л. фон Рейнгард сразу после заседания 10 ноября поспешил уверить Штутгарт, что Вена не изменит курсу нейтралитета [16, S. 11]. Однако позиция Австрии в свете растущей угрозы вступления Франции и Англии в войну внушала Вильгельму все меньше доверия, причем то же самое можно сказать и об австрийских взглядах на партикуляристскую политику Вюртемберга[9]. Это подталкивало Вюртемберг к активным действиям, особенно на фоне растущего страха перед возможной французской агрессией. А.М. Горчаков, возглавлявший на тот момент российскую дипломатическую миссию в Вюртемберге, докладывал, что Вильгельм получает из Парижа новости о численности и распределении Французской армии, особенно на Рейне, которым придает большое значение [2, л. 449–450]. Хотя, по мнению Нейрата, планируемое размещение 300 тыс. французских войск на границе с Германией было возможно лишь на бумаге [2, л. 449, 446].

В феврале 1854 г. Вюртемберг попытался в ответ на новую инициативу Бойста[10] склонить крупнейшее из средних королевств – Баварию – к проведению совместной политики по вюртембергскому сценарию. Этот сценарий был изложен Нейратом в его инструкциях от 29 января 1854 г., отправленных в Мюнхен и от 4 февраля – в Вену и Берлин. Смысл его сводился к тому, что: 1) германские государства должны действовать единодушно, чтобы не допустить агрессии со стороны Франции; 2) кабинеты Австрии и Пруссии должны заключить совместную декларацию о нейтралитете (с оговоркой, что он будет иметь силу, пока Россия не угрожает целостности и независимости Турции) и 3) Вюртемберг дает обещание проголосовать в бундестаге за вступление Союза в войну в случае внешнего нападения на любые владения (подчеркнуто мной. – *П. Д.*) Австрии или Пруссии [16, S. 14–15]. Ключом

9. В докладе от 5 декабря Хандель выражает удивление фразой Нейрата, что Вюртембергу «в нынешней ситуации остается присоединиться либо к Австрии, либо к Франции», и опасение, что Вильгельм через тайного агента Г. Клиндворта вошел в сношения с Пруссией [6, S. 456–457]. О Клиндворте и его роли в вюртембергско-прусских отношениях [20, S. 202–218].

10. В конце ноября Бойст отправился в Мюнхен для переговоров с министром-президентом Баварии Людвигом фон дер Пфордтеном о возможности проведения по инициативе Баварии конференции министров средних государств. Нейрат отреагировал на эту инициативу Бойста в целом так же, как на июньскую [19, S. 770–771, 772–773].

к успеху этой программы должна была стать общая инициатива средних государств, которая «отберет у германских лидеров монопольное право на оценку этого вопроса и вынудит их прислушаться к мнению своих младших партнеров» [2, л. 416].

Поддержка со стороны Баварии как третьего по силе германского государства имела здесь первостепенную важность, что понимали и Нейрат, и Бойст, и Пфордтен. Концепция последнего также предусматривала увеличение роли Германского союза в обсуждении Восточного вопроса и содействие возобновлению совместного австро-прусского курса [14, S. 58]. В Штутгарте надеялись, что географическое положение Баварии приведет ее правительство к той же идее обезопасить себя от французской агрессии, приняв совместную военную декларацию Австрии, Пруссии и Южной Германии [13, S. 29].

Февральская инициатива была попыткой Нейрата и Бойста (к которому Нейрат питал довольно противоречивые чувства) [8, S. 278] склонить Баварию к проведению конференции. Несмотря на то что их программы были весьма близки по духу, они исходили из разных предпосылок и имели разные слабые места. Бойст позиционировал коалицию средних государств как противовес австро-прусским переговорам в Вене [12, S. 133]. Такая позиция была для других средних государств скорее отталкивающим фактором, поскольку они не желали открыто противопоставлять себя германским лидерам. Но партикуляристские настроения вюртембергской концепции не внушали доверия Баварии, опасавшейся, что при смене политической обстановки Вюртемберг немедленно выйдет из коалиции и оставит Баварию в одиночестве [14, S. 63].

Эта инициатива потерпела неудачу. Бавария отказалась от конференции, сославшись на необходимость дождаться результатов переговоров европейских государств в Вене. Пассивность баварского короля Максимилиана и его кабинета, болезнь Пфордтена и нежелание заменяющего его государственного советника Пелькховена принимать подобное решение[11], а также надежда Пфордтена на успешный исход переговоров европейских государств в Вене и миссии графа А.М. Орлова[12], привели к выпадению Баварии из коалиции средних государств. Это делало саму коалицию бессмысленной. 20 февраля 1854 г. Нейрат официально уведомил Бойста о прекращении активных действий в этом направлении [16, S. 23; 14, S. 135].

11. Причиной этого Круземарк считал скепсис в баварском правительстве в отношении конференции [16, S. 19]. Хоффман же полагал, что Пелькховен просто не хотел принимать поспешное решение, не будучи уверенным в поддержке этого решения Пфордтеном [14, S. 63].

12. В конце января в Вену по приказу Николая I прибыл граф А.М. Орлов с целью склонить Австрию к объявлению дружественного к России нейтралитета.

После этого в позиции Вюртемберга вновь происходит поворот. Неудача миссии Орлова, явное торжество антирусской партии, руководимой главой австрийского кабинета Буолем на конференции, а также министров в Вене, приказ императора Франца-Иосифа I от 2 февраля 1854 г. о частичной мобилизации австрийского корпуса в южной Венгрии показали, насколько важное значение в Вене придавали вопросу о статусе Дунайских княжеств и насколько мала была вероятность того, что Австрия все же поддержит Россию.

В свете этого вюртембергский король по-иному стал смотреть на Пруссию. Берлин, отклонив в январе 1854 г. российский проект нейтралитета трех государств [8, S. 339–340][13], не присоединился однозначно и к антироссийскому блоку: 11 марта прусский король отказался подписать австро-англо-франко-турецкую конвенцию и тем самым практически оказался в международной изоляции. Единственным относительно безопасным выходом из нее было тесное сотрудничество с германскими государствами и с Австрией в достижении полного нейтралитета [9, S. 54]. Эта позиция была созвучна желанию Вильгельма приобрести в глазах германских лидеров бóльший вес, и он решил установить контакт с прусским королем. Для этого ему пришлось использовать неофициальные каналы (чтобы не раздражать другие средние государства и поскольку Нейрат по-прежнему настаивал на соглашении с Австрией) [2, л. 351–352]. Он опирался на своего племянника принца Фридриха, служившего в Вюртембергской армии, и на брата Фридриха принца Августа, соответственно, служившего в Прусской армии. Горчаков докладывал 12 марта о большой радости в Вюртембергском дворе по поводу отказа Пруссии присоединиться к антироссийскому блоку и об отбытии Фридриха по поручению короля в город Галле для встречи с Августом. Через Августа Вильгельм хотел передать устное сообщение Фридриху-Вильгельму IV. В нем он уверял прусского короля в своей решимости бороться за отстаиваемый Берлином абсолютный и (если понадобится) вооруженный нейтралитет и в полной поддержке прусской позиции средними германскими государствами [2, л. 382]. В ситуации явного расхождения концепций Вильгельма и Нейрата Горчаков встал на сторону короля, считая, что средним германским государствам было бы выгоднее поддержать Пруссию [2, л. 351].

Новости о прусской миссии Э. фон Мантейфеля в Вену и его предложении австрийскому правительству о возобновлении австро-прусского союза (15 марта 1854 г.) вызвали у Вильгельма небывалый подъем духа. Эти новости возродили в нем интерес к выработке общей позиции с другими средними королевствами. Еще до окончания переговоров Мантейфеля в Вене он поручил Нейрату «возобновить по дипломатическим каналам усилия по

13. Текст проекта см.: [15, S. 267].

достижению соглашения с другими дворами» [2, л. 361]. С ходом австро-прусских переговоров, переместившихся в начале апреля в Берлин, отношения Пруссии с Вюртембергом приобрели настолько доверительный характер, что Фридрих-Вильгельм делился с Вильгельмом через принца Августа деталями идущих переговоров и надеждой на заключение Пруссией и остальными германскими государствами (в случае демарша Австрии) узкого нейтралитета [2, л. 340].

Поддержка Пруссии требовала более осторожного подхода к форме консолидации средних государств, поскольку подобные коалиции воспринимались в Берлине враждебно [8, S. 401] и вызывали в памяти ассоциацию с Рейнским союзом. Поэтому предложение Ганновера в марте совместно добиваться возвращения вопросов нейтралитета в повестку дня бундестага была прохладно встречена в Штутгарте. Нейрат счел, что подобная инициатива сейчас скорее навредит переговорам в Вене и Берлине и что главная задача средних государств в данный момент – настойчиво добиваться от Вены ясного изложения ее позиции [2, л. 348–349].

Стремясь выяснить позицию Баварии для выработки дальнейшей тактики, Вильгельм отправил Нейрата в Линдау для переговоров с лечившимся там Пфордтеном, по итогам которых планировалось дать ответ в Берлин. Вильгельм полагал (и предупредил об этом прусского короля), что без поддержки Баварии в обеспечении сотрудничества средних государств не стоит ожидать удовлетворительных результатов [2, л. 328].

В день заключения австро-прусского оборонительно-наступательного союза, 20 апреля 1854 г., Горчаков докладывал о результатах переговоров Нейрата и Пфордтена в Линдау. Позиция Баварии оказалась ближе к позиции Нейрата, а не Вильгельма, поскольку предусматривала обязательное участие Австрии в нейтралитете и присутствие обоих германских лидеров на планируемой конференции. Опасаясь, что эти результаты создадут в Берлине впечатление «измены» Вюртемберга, принц Фридрих по просьбе Вильгельма приложил к официальному посланию в Берлин секретную записку, которая должна была убедить Фридриха-Вильгельма в сохранении Вюртембергом старого курса в случае неудачи переговоров с Австрией. Для демонстрации лояльности принц Фридрих даже выразил мысль о возможности превратить текущую конференцию в Берлине в некий эрзац-бундестаг, созвав туда представителей всех членов Союза [2, л. 307–310].

Известие о заключении австро-прусского союза внесло серьезные коррективы в планы средних государств. В Штутгарте первая реакция под влиянием умиротворяющих сообщений от прусского короля была положительной. Поэтому принц Август не стал знакомить Фридриха-Вильгельма IV с письмом принца Фридриха и ограничился устным пересказом баварских предложений в их осмыслении Нейратом. Горчаков также приветствовал новость

о союзе, надеясь, что средние государства получат возможность «сформулировать со своей стороны заявление, в духе которого они присоединятся к этому акту, и основывать свою поддержку на собственной его интерпретации» [2, л. 302–303].

Однако после ознакомления с текстом договора и особенно дополнительной статьи к нему[14], энтузиазм сменился страхом перед той легкостью, с какой Австрия могла теперь спровоцировать нужный ей casus belli и втянуть Пруссию и всех, кто присоединится к альянсу, в войну. В той же депеше, в которой Горчаков описывает эти события, он докладывает в Петербург и о грядущей конференции средних государств в Бамберге, обещая, со своей стороны, сделать все, чтобы «энергичная мысль короля перевесила чрезмерную осторожность его министра» [2, л. 283–286].

Столь быстро принятое решение о проведении конференции было следствием того трудного положения, в котором оказались средние государства в вопросе присоединения к австро-прусскому альянсу. Приглашения на нее были разосланы Пфордтеном 5 мая 1854 г. (после его возвращения к своим обязанностям) и быстро получили одобрение средних государств. Целью конференции было заявлено обсуждение присоединения остальных членов Союза к альянсу. Это было удачным поводом, поскольку позволяло собрать за столом переговоров все основные средние государства, не вызывая при этом подозрений в их сепаратной политике у Вены и Берлина[15].

В инструкции Нейрату Вильгельм подчеркивал опасность, исходящую от австро-прусского договора, и отсутствие у Германского союза каких-либо интересов в восточных делах. Понимая, что простой отказ от присоединения вызовет негативную реакцию Вены и Берлина, Вильгельм поручил Нейрату добиваться, чтобы нейтралитет не требовал от «Третьей Германии» жертвовать ни людьми, ни финансами. В случае невозможности такого нейтралитета следовало добиваться, чтобы вступление Союза в войну могло произойти только в случае непосредственного нападения России на Австрию или Пруссию, или Англии или Франции на территорию Союза. Коалиции средних государств следовало непременно добиться поддержки остальных членов

14. Дополнительная статья гласила, что в случае неудовлетворительного для Вены ответа России на требование очистить Дунайские княжества любому участнику договора (подразумевалась, разумеется, Австрия) следует принять необходимые меры для очищения княжеств. При этом любое сопротивление России могло расцениваться как угроза целостности государства – участника договора и повод для вовлечения в войну остальных участников альянса. Текст договора и приложений см.: [15, S. 302–304; 16, S. 728^{e}–728^{l}].

15. В письме королю Баварии Фридрих-Вильгельм сам советовал Баварии присоединиться к союзу 20 апреля при условии, что «ни Пруссия, ни Австрия не будут намерены каким-либо образом раздражать Россию» [8, S. 704].

Союза, тем самым превратив Союз в главное препятствие австро-прусскому политическому произволу [2, л. 264, 267]. Горчаков отмечает, что, скорее всего, эти требования были созданы совершенно без участия Нейрата, поскольку противоречат его убеждениям [2, л. 264][16].

Бамбергская конференция проходила с 26 по 30 мая 1854 г. с участием представителей Баварии, Саксонии, Вюртемберга, Ганновера, Бадена, двух Гессенов и Нассау в условиях, когда каждый из участников конференции ожидал от нее разных результатов[17]. Позиция Вюртемберга была осложнена тем, что Нейрат отстаивал одновременно и свои предложения, и непопулярные у других участников конференции идеи короля[18]. Сложность состояла еще и в том, что основой для переговоров были выбраны предложения Бойста, из-за чего Вюртемберг оказался в меньшинстве. Нейрат докладывал Вильгельму, что в присоединении к договору 20 апреля при условии изменения его положений не был заинтересован почти никто. Для Саксонии и Баварии главным вопросом на конференции стало обеспечение единства членов Союза. Ганновер, Баден и оба Гессена выступили за немедленное присоединение к договору [10, S. 94–95].

Итоги Бамбергской конференции были зафиксированы в протоколе от 30 мая и в ноте от 3 июня, которую предполагалось разослать от имени каждого участника конференции[19]. Оба документа не стали для Вюртемберга эффективным средством для продолжения его политики нейтралитета. В протоколе хоть и содержалось признание участниками конференции необходимости посредничества Германского союза при мирных переговорах и говорилось о повышении его роли в германских делах за счет более тесной консолидации «Третьей Германии», но средством для этого была заявлена идея Бойста о том, что подобные конференции должны стать регулярными. Требования Вюртемберга пересмотреть отдельные пункты договора 20 апреля –

16. Судя по записке Нейрата Вильгельму от 19 мая 1854 г., главное различие их концепций заключалось в том, что Вильгельм был сторонником строгого нейтралитета и невмешательства Германского союза в восточный вопрос, в то время как Нейрат считал вовлечение неизбежным и придерживался концепции выбора «меньшего из двух зол» (присоединения либо к австро-прусскому, либо к возможному австро-французскому союзу). Кардинальных различий во взглядах на задачи средних государств в гипотетической войне у Вильгельма и Нейрата, судя по всему, не было [16, S. 35–38].

17. Подробнее о Бамбергской конференции и ее оценке в историографии см.: [10].

18. По этому вопросу в историографии высказывались разные мнения: Круземарк полагал, что Нейрат отстаивал на конференции свою программу в пику идеям Вильгельма [16, S. 40]. Это положение критикуется Хоффманом [14, S. 78], но поддерживается Дэвисом [10, p. 90–91, 95–96, 105].

19. Текст протокола [19, S. 795–795], текст ноты [15, S. 309–311].

ограниченное участие войск Союза в войне, рассмотрение casus belli не только Австрией и Пруссией, но еще и бундестагом и др. – удалось включить в текст Бамбергской ноты, но ее общий характер базировался на баварской программе, с которой Вильгельм был во многом не согласен.

В Петербурге к Бамбергской конференции отнеслись положительно и увидели в ее результатах средство удержать Австрию от эскалации конфликта [16, S. 106]. Однако это было возможно только при условии, что Австрия и Пруссия согласятся на изменение ряда пунктов договора. И если в Берлине протокол и нота были восприняты в целом спокойно, то в Вене они вызвали возмущение, поскольку Буоль считал всю инициативу «бамбержцев» следствием русского влияния [7, S. 222]. Пункт протокола о регулярных конференциях министров также вызвал недовольство германских монархов. Вильгельм, хотя и ратифицировал его 2 июня, в дальнейшем всячески подчеркивал желание, чтобы подобные периодические встречи министров происходили «не в заранее назначаемые регулярные сроки, но как результат особых договоренностей для каждого отдельного случая» [16, S. 42]. В этом его поддержала Бавария, а следом – большинство средних государств, и запланированная по итогам Бамберга следующая конференция министров в итоге не состоялась – что означало неудачу идей Бойста.

Положения о пересмотре статей договора 20 апреля стали слабым местом Бамбергской ноты. Во время встречи в Тешине 7–10 июня 1854 г. Австрия и Пруссия рассмотрели эти требования и решили принять лишь одно: присоединение остальных германских государств к договору 20 апреля должно произойти от имени Германского союза и утверждено решением бундестага (при условии, что большинство государств заранее официально выразит готовность к присоединению) [16, S. 44–45]. Этим они частично реабилитировали союзный институт и вместе с ним – роль средних государств в германской политике. Но отказ германских лидеров от остальных идей Бамберга (в частности, от предложения Пфордтена компенсировать требование к России очистить княжества требованием к западным державам вывести свой флот из Черного моря[20]) дезавуировал дипломатические усилия Вюртемберга и внушил Вильгельму страх скорого начала войны. Для его успокоения прусский король передал через принцев Августа и Фридриха заверение, что Франц-Иосиф не готов идти на прямой конфликт с Россией [2, л. 243–244].

Когда 3 июня Австрия выдвинула, а 12 июня Пруссия поддержала требование к России безоговорочно очистить Дунайские княжества, Вильгельм увидел в этом путь к применению casus belli австро-прусского договора

20. Это условие отсутствует в тексте ноты, но об его принятии Пфордтен сообщил секретарю русской дипломатической миссии в Штутгарте Штофрегену сразу по окончании конференции [2, л. 249].

и попытался отсрочить присоединение Союза к альянсу под предлогом необходимости дождаться официального ответа из Санкт-Петербурга. Король надеялся, что Россия даст такой положительный ответ, который не позволит Австрии воспользоваться casus belli – о чем он сообщил в личной беседе новому российскому посланнику графу В.П. Титову [2, л. 224–226][21]. Попытки Вильгельма убедить другие государства (прежде всего, Баварию и Баден) подождать официального ответа из Петербурга завершились неудачно: к концу июня все участники Бамберга выразили через представителей в Вене и Берлине желание присоединиться к австро-прусскому союзу. Это оставляло Вюртембергу все меньше возможностей для маневра [2, л. 237, 235].

В таком контексте молчание Штутгарта стало беспокоить прусского министра-президента О. фон Мантейфеля, и так подозревавшего вюртембергского посланника в Берлине графа Ф. фон Линдена в излишней зависимости от Петербурга [8, p. 768–769]. Лишь ознакомившись с российским ответом Вене от 29 июня и решив, что такой ответ не вызовет недовольства Австрии, Вильгельм дал согласие на присоединение к альянсу с надеждой (и был здесь солидарен с Титовым), что Союз сделает это «с оговорками в соответствии с бамбергскими принципами». И это даст средним государствам хоть какую-то возможность для влияния на вопросы войны и мира [2, л. 216].

Строптивость и несговорчивость Вильгельма в этом вопросе обострили и конфликт с Нейратом, что в итоге привело 14 июля к отставке министра и назначению на его место барона Й. фон Линдена, который был менее независим от короля в своих суждениях [16, S. 51–55; 14, S. 19].

Решением бундестага от 24 июля 1854 г. Германский союз присоединялся к австро-прусскому альянсу и принял на себя обязательства оказать предусмотренную договором военную помощь [18, S. 729–737]. После этого политика Вюртемберга и остальных государств «Третьей Германии» вступала в новый этап борьбы за нейтралитет, когда Германский союз, благодаря консолидации всех членов, получил возможность выполнять свою европейскую функцию. Хотя консолидация произошла и не в том виде, которого с разными нюансами желали средние государства, она все же вынуждала Австрию и Пруссию оглядываться в своей политике в войне на мнение других германских государств. Другими словами, произошла некоторая правовая реабилитация Германского союза и предоставление ему права голоса в мирных переговорах.

21. В начале июня 1854 г. Горчаков был отозван из Штутгарта и вскоре назначен временным послом в Вене. Временным управляющим русской миссии в Вюртемберге с июля 1854 г. стал граф Владимир Павлович Титов (1807–1891).

Для Вюртемберга же итоги его политики в этот период можно назвать ограниченным успехом: с одной стороны, была снижена угроза французского вторжения, однако, с другой – несогласованность концепции Вюртемберга с другими средними государствами и разногласия между королем и министром Нейратом привели к тому, что коалиция средних государств была вынуждена уступить инициативу австро-прусскому альянсу. Альянс же пытался придать Германскому союзу совсем иные функции, чем того желала «Третья Германия».

В этих условиях главной целью вюртембергской политики, балансирующей между интересами остальных государств и своими собственными интересами, становилась дипломатическая борьба за выработку таких мирных предложений, которые могли бы склонить Россию к переговорам, не нанеся ей чрезмерного ущерба.

Библиография

1. Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М.: ОГИЗ, СОЦЭГИЗ, 1940. Т. 1. 334 с.

2. Горчаков–Титов, Вюртемберг // АВПРИ. Ф. 133 «Канцелярия Министерства иностранных дел». Оп. 469. 1854 г. Д. 150. 467 л.

3. Зубарева А.Ю. Пруссия в Крымской войне: Незаметный победитель // Вестник Московского университета. 1996. № 3. Серия 8: История: Научный журнал. С. 46–71.

4. Полетика Н.П. Пруссия и Крымская война // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Л., 1971. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б.А. Романова. С. 255–268.

5. Трачевский А.С. Пруссия в Крымскую войну // Исторический вестник. 1888. Т. XXXII. С. 335–360, 585–609; 1888. Т. XXXIII. С. 45–60.

6. Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreiche Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 751 S.

7. Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreiche Akten zur Geschichte des Krimkriegs Bd. 2. 1054 S.

8. Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München: Oldenbourg, 1991. Sr. II. Preußiche Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 933 S.

9. Baumgart W. Österreich und Preußen im Krimkrieg // Vorträge und Studien zur preussisch-deutschen Geschichte. Köln: Böhlau 1983. S. 45–70.

10. Davis J.R. The Bamberg Conference of 1854: A Re-Evaluation // European History Quarterly. 1998. Vol. 28. N 1. P. 81–107.

11. Derndarsky M. Österreich und der Deutsche Bund // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. München: Oldenbourg, 1982. Bd. 9: Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. S. 92–116.

12. Flöter J. Beust und die Reform des Deutschen Bundes 1850–1866. Sächsisch-mittelstaatliche Koalitionspolitik im Kontext der deutschen Frage. Köln: Böhlau, 2001. 565 S.

13. Fuchs W.P. Die deutschen Mittelstaaten und die Bundesreform 1853–1860. Berlin: Verlag dr. Emil Ebering, 1934. 191 S.

14. Hoffmann P. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Württemberg und Bayern im Krimkrieg und bis zum Beginn der italienischen Krise (1853–1858). Stuttgart: Kohlhammer, 1963. 132 S.

15. Jassmund J. von. Aktenstücke zur orientalischen Frage. Nebst chronologischer Uebersicht. Berlin: Schneider, 1855. 478 S.

16. Krusemarck G. Württemberg und der Krimkrieg. Halle (Saale): Niemeyer, 1932. 113 S.

17. Porschinger H. von. Aus der politischen Korrespondenz des Königs Wilhelm I von Württemberg // Deutsche Revue. 1906. Jg. 31. S. 70–79, 132–142.

18. Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt-am-Main: Bundes-Präsidial-Druckerei, 1854.

19. Quellen zur Geschichte des Deutschen Bundes. Abt. III. Bd. 2: Der Deutsche Bund zwischen Reaktion und Reform 1851–1858. München: Oldenbourg, 1998. 961 S.

20. Schneider E. Aus der württembergischen Geschichte. Vorträge und Abhandlungen. Stuttgart: Kohlhammer, 1926. 268 S.

References

Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München: Oldenbourg, 1991. Sr. II. Preußiche Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 933 S.

Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreiche Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 1. 751 S.

Akten zur Geschichte des Krimkriegs. München-Wien: Oldenbourg, 1980. Sr. I. Österreiche Akten zur Geschichte des Krimkriegs Bd. 2. 1054 S.

Baumgart W. Österreich und Preußen im Krimkrieg // Vorträge und Studien zur preussisch-deutschen Geschichte. Köln: Böhlau 1983. S. 45–70.

Bismark O. fon. Mysli i vospominanija. Moscow: OGIZ, SOCJeGIZ, 1940. T. 1. 334 p.

Davis J.R. The Bamberg Conference of 1854: A Re-Evaluation // European History Quarterly. 1998. Vol. 28. N 1. P. 81–107.

Derndarsky M. Österreich und der Deutsche Bund // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. München: Oldenbourg, 1982. Bd. 9: Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert. Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. S. 92–116.

Flöter J. Beust und die Reform des Deutschen Bundes 1850–1866. Sächsisch-mittelstaatliche Koalitionspolitik im Kontext der deutschen Frage. Köln: Böhlau, 2001. 565 S.

Fuchs W.P. Die deutschen Mittelstaaten und die Bundesreform 1853–1860. Berlin: Verlag dr. Emil Ebering, 1934. 191 S.

Gorchakov–Titov, Vjurtemberg // AVPRI. F. 133 «Kanceljarija Ministerstva inostrannyh del». Op. 469. 1854 g. D. 150. 467 l.

Hoffmann P. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Württemberg und Bayern im Krimkrieg und bis zum Beginn der italienischen Krise (1853–1858). Stuttgart: Kohlhammer, 1963. 132 S.

Jassmund J. von. Aktenstücke zur orientalischen Frage. Nebst chronologischer Uebersicht. Berlin: Schneider, 1855. 478 S.

Krusemarck G. Württemberg und der Krimkrieg. Halle (Saale): Niemeyer, 1932. 113 S.

Poletika N.P. Prussija i Krymskaja vojna // Trudy Leningradskogo otdelenija Instituta istorii SSSR. Leningrad, 1971. Vol. 12. Issledovanija po social'no-politicheskoj istorii Rossii. Sbornik statej pamjati B.A. Romanova. P. 255–268.

Porschinger H. von. Aus der politischen Korrespondenz des Königs Wilhelm I von Württemberg // Deutsche Revue. 1906. Jg. 31. S. 70–79, 132–142.

Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt-am-Main: Bundes-Präsidial-Druckerei, 1854.

Quellen zur Geschichte des Deutschen Bundes. Abt. III. Bd. 2: Der Deutsche Bund zwischen Reaktion und Reform 1851–1858. München: Oldenbourg, 1998. 961 S.

Schneider E. Aus der württembergischen Geschichte. Vorträge und Abhandlungen. Stuttgart: Kohlhammer, 1926. 268 S.

Trachevskij A.S. Prussija v Krymskuju vojnu // Istoricheskij vestnik. 1888. Vol. XXXII. P. 335–360, 585–609; 1888. Vol. XXXIII. P. 45–60.

Zubareva A.Ju. Prussija v Krymskoj vojne: Nezametnyj pobeditel' // Vestnik Moskovskogo universiteta. 1996. N 3. Serija 8: Istorija: Nauchnyj zhurnal. P. 46–71.

Н.В. Попова

СТРАНЫ БРИКС В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Аннотация. *В статье речь идет о роли стран БРИКС в современной мировой политике и экономике. Утверждается, что современной политико-экономической ситуации свойственен переход к многополярности и что страны БРИКС органично вписываются в этот мировой процесс.*

Ключевые слова: *многополярность, геополитическая система, полицентричность, БРИКС, внеамериканская зона взаимодействия, саммит.*

Попова Наталья Валерьевна – аспирантка факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, главный специалист Управления профессиональной ориентации и работы с талантливой молодежью МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: Natalia-kp@mail.ru

N.V. Popova. BRICS Countries in the Emerging Multipolar World

Abstract. *The article focuses on the role of BRICS countries in the modern world politics and economics and states that the transition to multipolarity is typical to modern political and economic situation and BRICS countries fit organically into the world process.*

Keywords: *multipolarity, a geopolitical system, polycentric, BRICS, non-American interaction area, the summit.*

Popova Natalya Valeryevna – postgraduate student of the Department of Global processes of Lomonosov Moscow State University, chief specialist of the Department of Talented Youth Affairs and Professional Orientation of Lomonosov Moscow State University. E-mail: Natalia-kp@mail.ru

Объединение четверки стран (Бразилии, России, Индии и Китая) в структуру БРИК (впоследствии, с присоединением Северо-Африканской Республики – БРИКС) пришлось на очень непростой период в современной истории:

глобализация соседствует с распадом системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны. Гомогенность политического устройства и фокус на сверхдержавах стал постепенно смещаться в сторону фрагментарности и появления новых центров силы. Политический и экономический вес стали приобретать региональные державы, являющиеся центрами притяжения и формирующие определенные экономические, стратегические, военные блоки с другими странами.

Некоторые исследователи полагают, что глобализация стала естественным продолжением отказа от Вестфальской системы, что автоматически привело к усилению роли наднациональных институтов. Однако процессы, происходящие в межгосударственных отношениях, не так прямолинейны. К.Э. Сорокин, один из первых в России сторонников теории многополярности, указывал, что глобальные процессы определяются совокупностью факторов, приводящих к формированию многослойной и полицентрической модели современного мира. Он считал, что «на глобальные экономические зоны накладываются этноцивилизационные либо культурные общности, а на эволюцию геополитической картины мира влияют совокупности исторических традиций, представлений и оценок» [8].

Первыми курс на мультиполярность еще в эпоху холодной войны и господства биполярной системы с центрами силы в СССР и США, похоже, обозначили китайцы. Этот принцип, в числе пяти основных принципов взаимоотношений двух стран, был закреплен в договоре Китая с Индией в 1954 г. В начале 1986 г. в статье «Обзор международной ситуации» китайский исследователь Хуан Цянь отметил статичность конфликта, вызванного холодной войной. В ходе этого конфликта супердержавы – СССР и США – потеряли способность контролировать свои лагеря, следовательно, начала появляться политическая многополярность. Первым шагом было появление стратегического треугольника СССР–США–Китай, далее, по мнению автора, должен был появиться пятиполярный мир с Японией и Европой. Эта теория пятиполярного мира до сих пор остается доминирующей в китайской политической науке [там же].

По некоторым прогнозам, глобальная система в скором времени снова качнется в сторону биполярности, но Россия не сможет стать преемником могущества СССР в этом новом мироустройстве и США будет противопоставлен Китай. В пользу этой теории говорит выступление в январе 2017 г. на Давосском экономическом форуме главы Китайской Народной Республики Си Цзипина. Это выступление, по оценкам некоторых аналитиков, ознаменовало начало новой эры, в которой Китай открыто показывает готовность принять на себя бремя нового центра силы и потеснить США на пьедестале лидера глобализационных процессов.

Другой вероятный путь развития глобальной системы может пойти по модели многополярности, подразумевающей укрепление региональных держав и формирования вокруг них новых полюсов притяжения. Согласно исследованиям, проводимым на факультете глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, переход к многополярности будет идти через биполярность, где центрами силы будут выступать объединения стран вокруг США и Китая. При этом США в ближнесрочной перспективе останется гегемоном, но для поддержания своих позиций будет опираться на Евросоюз, НАФТА и на страны АТР проамериканской ориентации (Сингапур, Филиппины, Южная Корея и др.), а Китай будет искать опору во внеамериканских объединениях [6].

Таким образом, в результате вышеописанных процессов происходит движение от двуполярной модели через однополярную к многополярной. В начале 2017 г. этот тренд уже открыто обсуждается политиками, бизнесменами и учеными, движение по этому пути стало очевидным даже скептикам, до конца отстаивавшим устойчивость однополярной модели. В феврале 2017 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая в Дубае (ОАЭ) на Всемирном саммите по вопросам управления, заявил, что «…хаотичность современного мира, который больше не является однополярным, но еще не стал многополярным, порождает недоверие к институтам управления, в том числе международным» [1].

* * *

Претендентом на статус центра силы в этом многополярном прогнозе может выступить структура БРИКС. Почему именно БРИКС? Во-первых, согласно И.В. Ильину и О.Г. Леоновой, БРИКС в совокупности обладает значительным экономическим, политическим, военным и цивилизационным потенциалом, что является определяющим условием для приобретения страной или союзом стран статуса претендента на центр силы [5]. Во-вторых, по мнению Маркоса Тройю, профессора Колумбийского университета и основателя BRICLab, момент первоначального развития БРИКС пришелся на некий откат геополитической системы в сторону деглобализации и сепаратизма вследствие финансового кризиса 2008–2009 гг. Именно БРИКС своим стремлением к формированию нового справедливого мироустройства способен определить тренды нового процесса реглобализации [4].

Считается, что термин БРИК – составленный из первых букв стран с быстро развивающейся экономикой: Brazil, Russia, India, China – появился в 2001 г. Его предложил Теренс Джеймс О'Нил, финансист и экономист, возглавлявший глобальные экономические исследования банка «Goldman Sachs» [10]. Этот термин прижился: его используют все мировые медиа,

несколько финансовых институтов управляют фондами этой организации, в бизнес-школах читаются специальные курсы, в МГУ имени М.В. Ломоносова создан Межфакультетский координационный совет по исследованию проблем БРИК.

В 2006 г. страны БРИК начали взаимодействовать в рамках организации: с подачи В.В. Путина началась совместная работа министерств иностранных дел. В марте 2008 г. в Бразилии прошла встреча заместителей глав внешнеполитических ведомств. В мае 2008 г. министры иностранных дел провели первую, уже отдельную и специально подготовленную встречу в Екатеринбурге, которая впервые завершилась подписанием совместного коммюнике. 9 июля 2008 г. диалог БРИК был выведен и на высший уровень: на полях встречи «большой восьмерки» в Японии свою первую неформальную встречу провели Президент Бразилии, Президент РФ, Премьер-министр Индии и Председатель КНР. В 2008 г. в рамках очередной встречи на уровне МИДов было принято решение провести отдельный саммит БРИК, не привязанный ни к каким форумам, что и было осуществлено в 2009 г. в Екатеринбурге. 2009 год считается отправной точкой функционирования объединения БРИК как отдельной диалоговой площадки. Южная Африка (South Africa) официально присоединилась к БРИК в декабре 2010 г. Первый саммит теперь уже БРИКС прошел в 2011 г. в г. Санья.

Следует отметить, что изначальным мотивом создания БРИК была экономическая прагматика. В первых экономических прогнозах банка «Goldman Sachs» это объединение не рассматривалось как некая институциональная единица, а тем более как политический альянс. Объединение скорее носило виртуальный характер, и акроним планировался к использованию в исследовательских целях, наряду с такими категориальными терминами, как «развитые» и «развивающиеся страны» или популярное в свое время определение «азиатские драконы». Прогноз развития этих стран, данный «Goldman Sachs», был крайне оптимистичный: к 2041 г. (далее были корректировки к 2039 и 2032 гг.) эти экономики должны были стать столпами экономической мощи и потеснить шесть наиболее развитых западных экономик [11].

Однако вскоре экономисты из «Goldman Sachs» обратили внимание на то, что экономики этих стран во многом взаимодополняемы, а значит, у этого объединения есть потенциал для сотрудничества и выработки модели совместных действий. В частности, во втором комплексном докладе, опубликованном в 2005 г., подчеркивалось, что «вариативные особенности стран БРИК, когда сырьевые и ресурсные возможности одних балансируются потребностями других …позволяют странам БРИК выступать на мировой экономической арене на интеграционной основе» [11, с. 3]. С учетом реалий быстро меняющейся картины мира доминантным фактором развития объединения стал именно политический.

Таким образом, можно говорить о том, что роль БРИК (БРИКС) в мировой геополитической системе менялась не только по вертикальной оси «усиление – ослабление», но и по горизонтальной: «экономическое объединение – политическое объединение». Таковой, например, ситуацию видит О.Г. Леонова [7].

* * *

Точку зрения Леоновой подтверждают итоги первых саммитов БРИК (БРИКС).

Лидеры этих стран быстро переключились с экономики на политику. При организационном оформлении БРИК речь шла о том, что развивающимся экономикам следует иметь бóльший вес на глобальной политической арене. Однако буквально с первого саммита в мировой экономике начался кризис. Соответственно, цель объединения трансформировалась. Появилась идея создания зоны глобальной экономико-политической зоны вне американского взаимодействия.

Документы первых саммитов носят скорее декларативный характер. Они были направлены больше на апробацию модели совещаний в четырехстороннем (с 2011 г. в пятистороннем) формате, чем на выработку конкретных решений. Также в итоговых документах саммитов содержится адресованная мировому сообществу декларация о необходимости пересмотра однополярной модели мира. Соответственно, лидеры стран заявили о необходимости реформирования инструментов мировой экономической политики – с учетом требований развивающихся стран. «Страны с переходной и развивающейся экономикой должны иметь больший голос и представительство в международных финансовых институтах, а их главы и сотрудники руководящего звена должны назначаться через открытую, прозрачную и основанную на заслугах систему отбора», – говорится в итоговом документе первого саммита [9].

Первый саммит, прошедший в 2009 г. в Екатеринбурге, был по преимуществу экономическим: на нем речь шла о преодолении финансово-экономического кризиса 2008 г., а также о координации экономических интересов стран БРИК в сложных посткризисных реалиях. Кризис, поставив под сомнение эффективность существующих мировых экономических институтов, поднял значимость БРИК в глобальной экономике. БРИК выглядел как альтернатива сложившемуся глобальному регулированию и мировому экономическому порядку.

Правда, общественное мнение на Западе оказалось не готовым принять в качестве нового международного политико-экономического инструмента. Пресса западных стран, комментируя итоги первого саммита, утверждала, что страны БРИК внутренне неоднородны как по экономическим парамет-

рам, так и по уровню демократизации. «Демократическую» часть БРИК – Бразилию и Индию – западные журналисты предпочли отделить от России и Китая.

Вопреки мнению журналистов и аналитиков, четверка БРИК ко второму саммиту (2010 г., Бразилиа, Бразилия) начала формировать политическую повестку. Второй саммит не случайно прошел в столице Бразилии: именно эта страна традиционно считается апологетом альтернативного экономического и политического миропорядка, основанного на учете интересов развивающихся стран. Бразильский президент Лула да Сильва еще до создания БРИК был уверен в том, что половина населения Земли, проживающая в странах «третьего мира», имеет право быть достойно представленной в глобальном экономическом регулировании.

Но несмотря на это, основной акцент итоговых документов второго саммита был сделан опять-таки на финансово-экономических задачах, что объясняется посткризисным периодом и приоритетной необходимостью восстановления темпов экономического роста.

Роль объединения в глобальном мире стала центральной темой и третьего саммита (2011 г., Санья, Китай). Именно на этом саммите в состав БРИК официально вошла еще одна страна, ЮАР, и объединение получило официальное наименование БРИКС. Присоединение ЮАР стало знаковым: оно отразило заинтересованность в работе БРИКС всего африканского континента. Место проведения саммита снова сыграло роль: итоговые документы саммита содержат идею гармоничного соразвития стран БРИКС; идеи соразвития близки внешнеполитическим концепциям Китая, страны – хозяина саммита.

В декларации по итогам третьего саммита (2012 г., Нью-Дели, Индия) было заявлено, что сотрудничество стран БРИКС не направлено против какой-либо третьей стороны. Отмечалось, что организация открыта к взаимодействию и сотрудничеству с государствами, не входящими в БРИКС, а также с соответствующими международными и региональными организациями [2]. Страны БРИКС ясно определили свою роль в мире: они не блок противостояния Америке, они – зона внеамериканского взаимодействия. На последующих саммитах эта позиция была вновь подтверждена.

На четвертом саммите в Нью-Дели обсуждалась возможность создания банка для перевода расчетов между странами в национальные валюты – для минимизации зависимости рынков стран БРИКС от колебаний евро и доллара [6]. На шестом саммите (2014 г., Форталеза и Бразилиа, Бразилия) эта инициатива воплотилась в конкретные соглашения по созданию пула резервных валют стран БРИКС (CRA) и Нового банка развития БРИКС (NDB) с разрешенным к выпуску капиталом в 100 млрд долл. США. Эти структуры призваны стать финансовыми механизмами БРИКС, обеспечивающими стабильность

платежных балансов стран, устойчивость экономик БРИКС и других развивающихся стран, развитие инфраструктуры.

Первой инвестиционной сделкой Нового банка развития стало строительство малых гидроэлектростанций в Карелии, стартовавшее в конце 2016 г. Эта сделка опровергает мнение западных СМИ о том, что БРИКС – неработающий механизм.

Перед БРИКС как объединением стоит множество серьезных проблем. Это и разрыв в темпах экономического роста, и разновекторность интересов, и географическая разобщенность, и наличие латентных конфликтов. Тем не менее на все эти вызовы объединение в принципе может дать симметричные ответы, важно лишь желание пятерки двигаться по выбранному пути взаимодействия.

БРИКС сегодня – несмотря на скептицизм западных СМИ – имеет все шансы стать одним из важнейших объединений в формирующемся многополярном пространстве. Создание БРИКС было весьма своевременным: настал момент выбора новых механизмов межстранового взаимодействия, основанного на коллективном лидерстве динамично развивающихся государств. А саммиты БРИКС самим фактом своего проведения демонстрируют миру возможность самостоятельного принятия решений странами внеамериканского блока.

Библиография

1. Выступление Генерального секретаря ООН Антонио Гутерриш на саммите в г. Дубай // URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27457#.WNa0qo4lGuU (Дата обращения: 31.03.2017.)

2. Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года) // URL: http://kremlin.ru/supplement/907 (Дата обращения: 31.03.2017.)

3. Делийская декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Нью-Дели, Индия, 29 марта 2012 года) // URL: http://kremlin.ru/supplement/1189 (Дата обращения: 31.03.2017.)

4. Зубачева К. BRICS 2.0 and the Metamorphosis of Globalization. URL: http://www.russia-direct.org/company-news/rd-event-brics-20-and-metamorphosis-globalization (Дата обращения: 31.03.2017.)

5. Ильин И.В., Леонова О.Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. № 1. С. 21–34.

6. Ильин И.В., Леонова О.Г., Алексеенко О.А. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 115–130.

7. Леонова О.Г. БРИКС – внеамериканская зона взаимодействия // Обозреватель–Observer. 2015. № 1. С. 25–33.

8. Савин Л.В. Эмпирические и нормативные аспекты многополярности // Левиафан: Материалы Международной научной конференции «Геополитика многополярного мира» (4 окт. 2011 г.). М.: Евразийское движение, 2012. Вып. 3. С. 168–174. URL: https://www.geopolitica.ru/sites/default/files/leviafan-3_0.pdf (Дата обращения: 31.03.2017.)

9. Совместное заявление лидеров стран БРИК (г. Екатеринбург, Российская Федерация, 16 июня 2009 г.) // URL: http://kremlin.ru/supplement/209 (Дата обращения: 31.03.2017.)

10. O'Neill J. Building Better Global Economic BRICs // Global Economics Paper. New York, 2001. N 66. P. 1–16.

11. O'Neill J. How solid are BRICs // Global Economics Paper. New York, 2005. N 134. P. 1–24.

References

Deklaracija, prinjataja po itogam sammita BRIKS (g. San'ja, o. Hajnan', Kitaj, 14 Aprelja 2011 goda) // URL: http://kremlin.ru/supplement/907 (Data obrashhenija: 31.03.2017.)

Delijskaja deklaracija, prinjataja po itogam sammita BRIKS (g. N'ju-Deli, Indija, 29 Marta 2012 goda) // URL: http://kremlin.ru/supplement/1189 (Data obrashhenija: 31.03.2017.)

Il'in I.V., Leonova O.G. Tendencii razvitija globalizacionnyh politicheskih processov // Vek globalizacii. 2015. N 1. S. 21–34.

Il'in I.V., Leonova O.G., Alekseenko O.A. BRIKS kak obshhij znamenatel' strategicheskih prioritetov // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2016. N 8. S. 115–130.

Leonova O.G. BRIKS – vneamerikanskaja zona vzaimodejstvija // Obozrevatel'–Observer. 2015. N 1. S. 25–33.

O'Neill J. Building Better Global Economic BRICs // Global Economics Paper. New York, 2001. N 66. P. 1–16.

O'Neill J. How solid are BRICs // Global Economics Paper. New York, 2005. N 134. P. 1–24.

Savin L.V. Jempiricheskie i normativnye aspekty mnogopoljarnosti // Leviafan: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Geopolitika mnogopoljarnogo mira» (4 okt. 2011 g.). M.: Evrazijskoe dvizhenie, 2012. Vyp. 3. S. 168–174. URL: https://www.geopolitica.ru/sites/default/files/leviafan-3_0.pdf (Data obrashhenija: 31.03.2017.)

Sovmestnoe zajavlenie liderov stran BRIK (g. Ekaterinburg, Rossijskaja Federacija, 16 Ijunja 2009 g.) // URL: http://kremlin.ru/supplement/209 (Data obrashhenija: 31.03.2017.)

Vystuplenie general'nogo sekretarja OON Antoniu Guterrish na sammite v g. Dubaj // URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27457#.WNa0qo4lGuU (Data obrashhenija: 31.03.2017.)

Zubacheva K. BRICS 2.0 and the Metamorphosis of Globalization. URL: http://www.russia-direct.org/company-news/rd-event-brics-20-and-metamorphosis-globalization (Data obrashhenija: 31.03.2017.)

Е.М. Кузьмина

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ШОС*

Аннотация. *Статья посвящена экономическим процессам, происходящим сегодня в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Автор приходит к выводу о том, что – несмотря на многочисленные трудности, существующие в работе этой организации – ШОС несет в себе большой потенциал для дальнейшего экономического развития стран-участниц. Выявлены направления сотрудничества, которые вызывают наибольшую заинтересованность стран – членов ШОС.*

Ключевые слова: *ШОС, Деловой совет ШОС, Зона свободной торговли, Евразийский экономический союз, транспорт, Межбанковское объединение ШОС, взаимные инвестиции.*

Кузьмина Елена Михайловна – кандидат политических наук,
заведующая сектором Центра постсоветских исследований
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений РАН
(НИ ИМЭМО РАН) им. Е.М. Примакова, Москва.
E-mail: e_kuzmina07@mail.ru

E.M. Kuzmina. New Trends in Economic Cooperation in the SCO

Abstract. *The article is devoted to the economic processes taking place in the framework of the Shanghai cooperation organization (SCO). The author concludes that despite many difficulties existing in the work of this organization, SCO presents the great potential for further economic development of the participating countries and indicates areas of cooperation in which the countries-SCO members are interested much more.*

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Экономическая и социальная трансформация постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции» № 15-07-00020.*

Keywords: *SCO, the SCO Business Council, free trade zone, the Eurasian economic Union, the transport, the SCO Interbank Association, mutual investment.*

Kuzmina Elena Mixailovna – candidate of political sciences, the head of the Sector of the Post-Soviet researches Center of Primakov National research institute of World economy and international relations of RAS (IMEMO RAS), Moscow. E-mail: e_kuzmina07@mail.ru

В последние годы Россия расширяет сотрудничество с Восточной Азией, а Китай постепенно продвигается на Запад[1] – в первую очередь через возрождение Шёлкового пути (под лозунгом «Один пояс – один путь»). Эти процессы происходят параллельно и во многом вызваны политическими причинами.

Так, поворот Китая на Запад явно продиктован политикой США в регионе, в частности укреплением американского сотрудничества с Тихоокеанским побережьем Азии. Немалую роль сыграли подготовка и подписание договора о Транстихоокеанском торговом партнерстве (ТТП) с определенным антикитайским подтекстом [31]. Хотя Президент США Д. Трамп поставил необходимость реализации ТТП под вопрос, но, учитывая детальную проработанность документа, а главное – необходимость такого соглашения для экономик стран региона, нельзя не учитывать возможность его возрождения в той или иной форме. Некоторые наблюдатели считают, что в среднесрочной перспективе остальные страны ТТП могут попытаться сохранить его и без участия США [2]. Для КНР же неприемлем сам принцип регулирования международной торговли и инвестиций, представленный в соглашении о ТТП. В документе основной акцент делается на максимальную либерализацию рынков с институциональной унификацией торговой и инвестиционной среды, а также на сокращение роли государства в этих процессах.

Действия России на Востоке хотя и исходят из экономического прагматизма, но, по мнению экспертов, выходят далеко за его рамки: «На сегодняшний день единое евразийское пространство – Китай с Юго-Восточной Азией и Россия с Евразийским союзом, а также Индия, Ближний Восток и Африка, которые во все большей степени ориентированы на Евразию – выдавливает экономику ранее всемогущего трио в составе США, Европы и Японии. Соединенные Штаты отчаянно сопротивляются этому процессу в попытке сохранить свое господство в Евразии и, следовательно, в мировой политике и экономике» [9].

1. Для Китая географически Запад – это в первую очередь сопредельные страны Центральной Азии и только затем классическое понимание Запада – Европа.

Изменения в геоэкономической структуре мира заставляют Россию и Китай искать новые пути встраивания в формирующийся экономический порядок. Взаимоотношения между ними укрепляются, страны предпринимают попытки скоординировать свои интеграционные программы. В мае 2015 г. была подписана декларация о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шёлкового пути [23]. И сразу встал вопрос, на какой базе построить такое взаимодействие. Одним из вариантов, предложенных Китаем, стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

ШОС, действуя с 2001 г., занималась в основном проблемами безопасности. Экономическое сотрудничество в рамках организации фактически не осуществлялось, хотя был подписан ряд экономических документов. Чаще всего под экономической деятельностью ШОС подразумевались двусторонние проекты государств-членов. Пока нет согласованного многостороннего экономического соглашения. Его подписание тормозят отсутствие возможностей защиты национальных экономик и серьезная разница в национальных экономических законодательствах.

Еще в 2003 г. была принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов ШОС, рассчитанная до 2020 г. Она предполагала создание «благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий» [17]. В соответствии с Программой были разработаны План мероприятий по ее выполнению (2004) и механизм реализации Плана (2005); согласно этим документам, приоритетными являются энергетика, транспорт, телекоммуникации, сельское хозяйство, туризм, кредитно-банковская сфера и решение экологических проблем. Особый акцент сделан на развитие сотрудничества между субъектами малого и среднего бизнеса.

Позднее было подписано еще несколько многосторонних соглашений, касающихся отдельных направлений экономического взаимодействия. К ним можно отнести Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 02.11.2007 [24]; Соглашение о сотрудничестве в области сельского хозяйства от 11.06.2010 [25]; Соглашение о сотрудничестве в сфере здравоохранения от 15.06.2011 [15]; Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок от 28.11.2015 [16]. Работа по подготовке Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций продолжается.

В последние годы все же удалось начать процесс взаимодействия бизнес-структур государств – членов ШОС, чему способствуют основные неправи-

тельственные экономические структуры ШОС – Межбанковское объединение ШОС (МБО)[2] и Деловой совет ШОС (ДС)[3].

МБО в 2008 г. установил партнерские отношения с Евразийским банком развития (ЕАБР); финансируются совместные проекты и экспортные операции. Вместе с тем МБО пока не имеет значимых многосторонних проектов, так как у него нет финансовых инструментов для их поддержания.

Создание механизма финансирования обсуждается руководством государств – членов ШОС с 2008 г. В 2013 г. главы правительств стран ШОС согласились с необходимостью Банка ШОС, но формат такого банка разные страны видят по-разному. Россия, например, предполагает, что его можно создать на базе действующего ЕАБР, в котором сегодня совокупный контрольный пакет акций принадлежит России (66%) и Казахстану (33%). Китай не принимает такой вариант и считает, что Банк развития ШОС должен иметь пропорциональную систему взносов участников в уставной капитал. В этом случае доля Китая составит 80%. Вступление Индии в ШОС приведет к перераспределению долей и предотвратит одностороннее китайское доминирование в банке.

Ряд экспертов даже высказывает мнение, что «следует отказаться от идеи Банка развития ШОС, поскольку уже и так создаются и действуют различные финансовые институты, такие как Банк БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» [27]. Осуществляются также попытки скоординировать межбанковское взаимодействие и с новыми китайскими финансовыми структурами: Фондом Шёлкового пути[4] и Азиатским банком инфраструктурных инвестиций[5] [22].

Положение о Деловом совете ШОС определяет его цель – «содействие расширению экономического сотрудничества в рамках ШОС, налаживание прямых связей и диалога между деловыми и финансовыми кругами госу-

2. Механизм финансирования и банковского обслуживания инвестиционных проектов, поддерживаемых правительствами государств-членов, созданный в 2005 г., расширяет возможности сотрудничества в финансовой сфере, используя потенциал национальных банковских и финансовых институтов. В 2006 г. на Шанхайском саммите были подписаны первые соглашения о выделении кредита и инвестировании совместных проектов на общую сумму 742 млн долл.

3. Совет создан в 2006 г. Он является неправительственной структурой, объединяющей авторитетных представителей бизнес-сообщества государств – членов ШОС. Формы деятельности ДС разнообразны: рабочие и экспертные группы, бизнес-форумы, выставки, презентации, конференции и симпозиумы.

4. С капиталом в 40 млрд долл., который будет финансировать развитие инфраструктуры так называемого Шёлкового пути с целью стимулирования бизнеса в странах и регионах, которые будет соединять этот путь.

5. С капиталом в 100 млрд долл. Его участниками стали 57 стран, включая Россию.

дарств – членов ШОС, привлечение их к всестороннему деловому сотрудничеству в торгово-экономической и инвестиционной областях» [4]. При участии Делового совета ШОС формируются неправительственный венчурный фонд и электронная биржа ШОС. Представители бизнеса государств-членов на полях ШОС создали реестр проектов, наиболее интересных для многостороннего взаимодействия, в сферах возобновляемых источников энергии и агропромышленного комплекса, в инновационной экономике, в транспорте и логистике.

Принятие Индии и Пакистана в Организацию в июне 2017 г. на саммите в Астане привело к тому, что это объединение стало крупнейшим по населению и экономическому потенциалу на большом евроазиатском пространстве. Более того, членами Организации теперь являются четыре ядерные державы. Это может негативно повлиять на позиции США и консолидированного Запада в мировой политике и экономике.

Значительная часть принятой на саммите в Уфе в 2015 г. «Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.» [28] посвящена вопросам расширения и укрепления экономического взаимодействия стран – членов ШОС. Экономическое сотрудничество сегодня приобретает приоритетное развитие, так как оно является не только важным для укрепления национальных экономик, но и способствует обеспечению стабильности на пространстве Организации, одним из инструментов достижения ее устойчивости на длительную перспективу. ШОС должна способствовать обеспечению гармоничного развития всех государств-членов в интересах сбалансированного экономического роста в регионе. Государства предполагают принять согласованные меры, направленные на дальнейшее расширение торгово-экономического взаимодействия, в том числе путем формирования благоприятного инвестиционного и делового климата, поддержки деловых инициатив, реализации проектов в приоритетных направлениях сотрудничества и развития инфраструктуры.

В документе особо отмечено, что государства-члены будут оказывать взаимное содействие в деле интеграции в мировую экономику, способствовать минимизации для национальных экономик негативных последствий глобализации и кризисных явлений в международных экономических процессах.

В Стратегии зафиксировано, что в рамках ШОС будет продолжена работа по созданию Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС[6]. 15 декабря 2015 г. было принято Решение Совета глав правительств государств – членов ШОС «О дальнейшей работе по созданию Банка развития Шанхайской организации сотрудничества и Фонда развития (Специального

6. Создать Фонд развития ШОС предложил в 2013 г. Президент РФ В. Путин.

счета) Шанхайской организации сотрудничества» и подходах по созданию этих финансовых механизмов [8]. Однако в настоящее время идет обсуждение формата этих структур, разногласия сторон, о которых говорилось выше, не преодолены.

В приоритеты вынесено активное участие Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС в отборе и реализации проектов торгово-экономического сотрудничества, прежде всего в инновационных сферах экономики. Для укрепления взаимовыгодного сотрудничества в банковско-финансовой сфере предполагается не только обмен опытом и информацией, но и формирование благоприятных условий для развития рынка финансовых услуг и привлечения инвестиций, совершенствования платежно-расчетных и иных финансово-экономических отношений.

Государства-члены предполагают содействовать развитию взаимовыгодного сотрудничества в инновационной сфере, в том числе по линии малого и среднего бизнеса, осуществлению приграничных и межрегиональных проектов, созданию совместных производств.

Будут приняты меры по реализации транзитного потенциала ШОС, формированию региональных транспортных и транзитных коридоров. Важным направлением совместной работы должно стать взаимодействие в области модернизации инфраструктуры и логистики, в том числе путем расширения сети международных логистических центров и формирования сети индустриальных кластеров вдоль транспортных коммуникаций. Этот вопрос становится особо актуальным в свете принятия Китаем концепции создания «Экономического пояса Шёлкового пути», включающую серьезную транспортную составляющую, и его сопряжения с транспортной системой ЕАЭС. В рамках данной инициативы предусматривается строительство трех железнодорожных коридоров (северного, проходящего через территорию России, центрального и южного через Центральную Азию). Для государств – членов ЕАЭС общий объем грузовых перевозок к 2020 г. может достигнуть 490 млн т, что в 4 раза выше показателей 2000 г. [3, с. 8].

Развитие транспортной инфраструктуры является ключевой сферой, обусловливающей углубление экономической интеграции. Однако транспортный аспект взаимодействия в ЕАЭС является проблемным, что вызвано отсутствием общей транспортной стратегии и плана развития инфраструктуры, основанной на соблюдении интересов всех участников Союза [6, с. 11].

В ШОС приоритет отдан железнодорожному и автомобильному транспорту. Железнодорожная инфраструктура формируется на основе двусторонних соглашений, разрабатываемых при поддержке Делового совета ШОС. На сегодняшний день реализуются такие перспективные многосторонние проекты,

как «Москва – Казань» [21], которая включена в проект Евразийского высокоскоростного транспортного коридора «Москва – Пекин»[7], Приморье-1[8], Приморье-2[9]. Большое внимание уделяется развитию Транссиба и БАМа как альтернативы маршруту по Евразийскому трансконтинентальному пути (Ляньюньган – Алашанькоу – Роттердам), однако в современных условиях эффективность российских проектов проблематична.

Следует обратить внимание и на тот факт, что для Китая центральноазиатское направление транспортных коммуникаций является соединительным звеном с другими континентальными направлениями: кавказским и иранским. Развитие кавказской транспортной инфраструктуры необходимо для более быстрого выхода на европейский рынок, иранской – на собственно иранский и южноазиатский рынки. В этой связи важным направлением является соединение транспортных систем Кавказа и Центральной Азии [11].

В Программе торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС зафиксированы и совместные автотранспортные проекты – строительство, реконструкция и реабилитация автомобильных дорог «Волгоград – Шо – Сарыташ – Иркештам – Кашгар» и «Братство – Душанбе – Джиргиталь – Карамык – Иркештам – Кашгар», а также строительство международных центров логистики вдоль маршрута Е-40[10]. В соответствии с решением пятого Совещания министров транспорта государств – членов ШОС 28 октября 2011 г. началась разработка проекта Программы (основных направлений) скоординированного развития автомобильных дорог. Концепция Программы, подготовленной Минтрансом России, была обсуждена на седьмом заседании Специальной рабочей группы транзитного потенциала государств – членов ШОС 13 ноября 2013 г. Но документ до сих пор не принят.

7. Министерство транспорта России, РЖД, Госкомитет КНР по развитию и реформе, а также корпорация «Китайские железные дороги» в октябре 2014 г. подписали Меморандум о взаимопомощи в области высокоскоростного железнодорожного сообщения.

8. От станции Суйфэньхэ до терминала в порту Восточный. Длина маршрута – 500 км, в то время как альтернативный маршрут через китайский порт Далянь составил бы 1300 км. Кроме того, в рамках коридора работает автотрасса Уссурийск – Пограничный – госграница. Коридор имеет выходы также на порты Владивосток и Находку.

9. «Приморье-1» (Харбин – Муданьцзян – Суйфэньхе – Пограничный (Дунино-Полтавка) – Уссурийск – порты Владивосток, Восточный, Находка и далее морские линии) является сегментом транспортного коридора Суйфеньхэ, а «Приморье-2» (Чанчунь – Цзилинь – Хуньчунь – порт Зарубино и далее морские линии) входит в Туманганский коридор.

10. Е-40 – около 8000 км, соединяющий французский г. Кале через Бельгию, Германию, Польшу, Украину, Россию, Казахстан, Узбекистан, Туркмению и Кыргызстан с казахстанским городом Риддер на казахстанско-российской границе.

Таким образом, активное взаимодействие государств ШОС в транспортно-логистической сфере сегодня идет в разных направлениях: международно-правовое регулирование, строительство транспортных коридоров, трансграничные перевозки по железным дорогам и автомобильным трассам.

Особый интерес для государств – членов ШОС представляет сотрудничество в сфере энергетики, в том числе в области использования возобновляемых и альтернативных источников энергии. Для продвижения такого сотрудничества в 2013 г., по инициативе России, был создан Энергетический клуб ШОС[11]. Большое значение для развития взаимодействия в сфере ТЭК играют попытки перейти в расчетах за нефть и газ от доллара к валютам стран – членов ШОС. По словам российского премьер-министра Д. Медведева, еще в 2015 г. «на Московской бирже запустили пилотный проект, пилотную платформу по торговле валютными парами рубль – юань и рубль – тенге, без участия доллара, без посредничества доллара» [8].

В вопросах развития сферы информационно-коммуникационных технологий в регионе государства-члены будут руководствоваться общепринятыми и одобренными Международным союзом электросвязи телекоммуникационными стандартами, а также принципами совместимости и универсальности телекоммуникационных услуг.

Одним из приоритетных направлений сотрудничества признано сельское хозяйство, где особое внимание будет уделяться совместным высокотехнологичным проектам по производству и переработке аграрной продукции, внедрению инновационных технологий в области сельского хозяйства и продовольственном секторе.

Важным направлением сотрудничества будет оставаться таможенная сфера. Это касается защиты прав интеллектуальной собственности; обмена информацией о перемещаемых через таможенную границу товарах и транспортных средствах, взаимодействия в области развития и применения системы управления рисками; борьбы с таможенными правонарушениями; подготовки специалистов таможенных служб по программам профессионального образования, переподготовки кадров и повышения квалификации.

Таким образом, ШОС может постепенно развиться в полномасштабный экономический союз. Хотя процессы экономического взаимодействия в Организации развивались не столь эффективно, как хотелось бы, но база для расширения и углубления сотрудничества существует. Этому могут способствовать как экономические интересы стран-членов, так и значительная работа

11. Меморандум о создании этой организации наряду с Россией и Китаем подписали Афганистан, Белоруссия, Монголия, Индия, Казахстан, Таджикистан, Турция и Шри-Ланка.

по созданию законодательной базы многостороннего сотрудничества в формате ШОС.

Большую роль в создании более широкого евразийского торгово-экономического пространства может сыграть коадаптации двух проектов – Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. В ШОС входит большинство государств, которые непосредственно или косвенно участвуют в обеих структурах. За счет государств-наблюдателей (Афганистан, Индия, Иран, Монголия и Пакистан) и партнеров по диалогу с ШОС (Шри-Ланка, Турция, Азербайджан, Камбоджа, Непал) расширяются экономические возможности всех участников процесса.

Кроме того, изменившаяся ситуация в мировой экономике и предельно быстро меняющиеся геоэкономические реалии заставляют евразийские страны рассматривать новые возможности региональных группировок и их переформатирование под меняющиеся условия. Именно поэтому была изменена парадигма экономического взаимодействия: получено согласие стран – членов ШОС на создание Зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках Организации. Такую инициативу выдвинул в декабре 2015 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев. Она была поддержана и Россией, и Китаем. Президент России В.В. Путин в послании Федеральному собранию в декабре 2015 г. выступил за создание экономического партнерства стран ЕАЭС, ШОС и АСЕАН [16]. Глава Госсовета КНР Ли Кэцян на заседании Совета глав правительств государств – членов ШОС в декабре 2015 г. также призвал разработать конкретные меры по созданию Зоны свободной торговли в рамках ШОС и ускорить к 2020 г. обмен товарами и услугами [10].

По заявлению первого замминистра экономического развития А.Е. Лихачева, в марте 2016 г. началась интенсивная работа в этом направлении: «Фактически мы сейчас будем готовить подходы к некоему экономическому континентальному партнерству, всеобъемлющему договору в рамках ШОС» [5]. К июлю 2016 г. предполагалось разработать концепцию этого партнерства и «дорожную карту» для представления на рассмотрение странам ШОС, – «чтобы дать нашим политическим руководителям возможность принять соответствующие решения» [7]. Соглашение предполагалось подписать на встрече глав государств ШОС в октябре 2016 г. в Ташкенте. Оно должно было включать вопросы свободы движения товаров, капиталов и инвестиций. Однако этот документ не только не был вынесен на подписание, но и не обсуждался на встрече. В результате решение этого вопроса в 2017 г. было ограничено разработкой договора о преференциальной торговле между Китаем и Евразийским союзом.

Безусловно, ЕАЭС заинтересован в расширении экономических связей, но они должны быть взаимовыгодными. По мнению аналитиков, создание ЗСТ может дать экономический эффект, равный примерно 20% общего ВВП

ЕАЭС. Это очень существенно, учитывая, что рост экономики объединения в последние три года составлял менее 1%. Общий торговый оборот между ШОС и ЕАЭС составляет менее 150 млрд долл. в год, тогда как потенциально он может составить свыше 600 млрд долл. [26].

Как уже отмечалось ранее, такое сотрудничество необходимо всем странам – участникам ШОС и ЕАЭС. Китаю сейчас нужны интеграционные связи с крупными экономиками, так как полагаться только на дешевую рабочую силу и большой профицит внешней торговли уже невозможно. Для Казахстана и России создание Зоны свободной торговли может привести к снижению цен на импортные товары и сокращению инфляционного давления, что особенно актуально на фоне серьезной девальвации их национальных валют. От ЗСТ явно выиграют производители сырья и продовольствия, она может простимулировать приход китайских инвесторов [12].

Вместе с тем существуют и опасения, что ЗСТ ЕАЭС–ШОС может негативно повлиять на более слабые национальные рынки. Обычно ЗСТ наиболее выгодна для экономик с сильными производящими секторами. Китай в этом плане является абсолютным мировым лидером. А вот Россия диверсифицировать свою экономику стала лишь в последние годы. Уже сегодня на мировом рынке востребованы не только российские энергоносители, но и промышленные микропроцессоры, протезы суставов и даже стиральные машины. Доля несырьевых доходов в общей выручке России от внешнеторговых операций за 2015 г. увеличилась на 3%. Однако на фоне китайских показателей эти успехи – не более чем первые шаги.

Расширение континентального экономического партнерства и создание Зоны свободной торговли несут странам как позитивные, так и негативные последствия. Поэтому страны, с одной стороны, заинтересованы в углублении сотрудничества и подписании договора о Зоне свободной торговли в рамках ШОС, а с другой – они будут пытаться еще на уровне переговорного процесса максимально защитить свои внутренние рынки. Это может привести как к подписанию подобного договора, так и к торможению создания реально работающей ЗСТ.

Для России ШОС важна как площадка для координации отношений с Китаем в Центральной Азии. Кроме того, членство в этой организации должно расширить российские возможности сотрудничества с Азиатским регионом. В апреле 2016 г. тогдашний председатель Госдумы С.Е. Нарышкин заявил: «В перспективе мы хотели бы создать Зону свободной торговли как со странами Шанхайской организации сотрудничества, так и со странами АСЕАН, другими странами Азии. И на этой базе – максимально развить производственную кооперацию, в том числе высокотехнологичную» [14]. В конце 2015 г. глава российского правительства Д. Медведев предложил начать консультации Евразийского экономического союза и Шанхайской орга-

низации сотрудничества со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по формированию возможных экономических партнерств.

Большое влияние на экономическое сотрудничество в рамках ШОС оказывают и политические противоречия между странами. Вместе с тем углубление экономического сотрудничества в рамках ШОС может способствовать не только улучшению условий взаимной торговли, но и расширению взаимодействия во многих отраслях экономики. Эта работа на достаточно длительную перспективу. Возможно, что углубление сотрудничества в рамках ШОС позволит России более эффективно воплощать и свои предложения по координации сотрудничества ЕАЭС, ШОС с АСЕАН [19] и созданию Большого Евразийского партнерства с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ и других государств [18].

Библиография

1. Бектасова А. Водный транспорт Казахстана: Тенденции и перспективны // BNews. 2013. 11 марта. URL: http://bnews.kz/ru/news/archive/analitika/vodnii_transport_kazahstana_tendentsii_i_perspektivi-2013_03_11-683755 (Дата обращения: 17.05.2016.)

2. Бордачев Т. Россия в Азии и Евразии: Успехи и новые вызовы // Клуб «Валдай». 2017. 4 янв. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-v-azii-i-evrazii-uspekhi-vyzovy/ (Дата обращения: 04.03.2017.)

3. Винокуров Е.Ю., Джадралиев М.А., Щербанин Ю.А. Международные транспортные коридоры ЕврАзЭС: Быстрее, дешевле, больше // Евразийский банк развития: Отраслевой обзор. М.: Европейский банк развития, 2009.

4. Деловой совет ШОС. Официальный сайт. URL: http://bc-sco.org/?level=28&lng=ru (Дата обращения: 22.11.2016.)

5. ЕАЭС и ШОС объединяются против США // Утро.ру. 2016. 3 апр. URL: http://www.utro.ru/articles/2016/03/04/1273289.shtml (Дата обращения: 12.04.2016.)

6. Евстафьев Д., Привалов К. Евразия: Новые горизонты интеграции. Экономический очерк. М: Первая образцовая типография, 2015. 127 с.

7. Жандарова И. «Дорожную карту» Зоны свободной торговли ШОС разработают к лету // Российская газета. 2016. 17 марта. URL: https://rg.ru/2016/03/17/dorozhnuiu-kartu-zony-svobodnoj-torgovli-shos-razrabotaiut-k-letu.html (Дата обращения: 12.04.2016.)

8. Заседание Совета глав правительств государств – членов ШОС от 15 декбря 2015 г. Стенограмма // ГосМенеджмент: Электронный журнал. 2015. 16 дек. URL: http://gosman.ru/?news=42921 (Дата обращения: 14.05.2016.)

9. Ивашенцов Г. Путь к мирной Евразии // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/put-k-mirnoy-evrazii/?sphrase_id=1016229 (Дата обращения: 14.05.2015.)

10. Китайский премьер призвал создать Зону свободной торговли в ШОС // ТВЦ. 2015. 15 дек. URL: http://www.tvc.ru/news/show/id/82796/?utm_source=news.yandex.ru&utm_content=RSS&utm_campaign=yandex (Дата обращения: 12.04.2016.)

11. Кузьмина Е. Пекин развивает маршруты в Европу и Иран // Спутник Казахстана. 2016. 13 окт. URL: http://ru.sputniknews.kz/analytics/20161013/827790/pekin-razvivaet-marshruty-v-evropu-i-iran.html (Дата обращения: 13.10.2016.)

12. Кузьмина Е. Возможные перспективы по соглашению о сотрудничестве между Китаем и Евразийским экономическим союзом // Российский совет по международным делам. 2016. 26 июня. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnye-perspektivy-po-soglasheniyu-o-sotrudnichestve-mezh/ (Дата обращения: 13.10.2016.)

13. Можарова В. Транспорт в Казахстане: Современная ситуация, проблемы и перспективы развития. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. 216 с.

14. Нарышкин заявил о планах России создать Зону свободной торговли с ШОС и АСЕАН // Взгляд: Деловая газета. 2016. 19 апр. URL: http://www.vz.ru/news/2016/4/19/806146.html (Дата обращения: 07.05.2016.)

15. О подписании Соглашения между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в сфере здравоохранения. Распоряжение правительства РФ от 14 июня 2011 года № 1036-р // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: http://docs.cntd.ru/document/902284437 (Дата обращения: 25.11.2016.)

16. О подписании Соглашения между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок // Информационное агентство «Тенгри ньюс» (Казахстан). URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premer_ministr_rk/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-P1300001283/ (Дата обращения: 25.11.2016.)

17. О Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Региональное экономическое сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества. Официальный сайт URL: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?a_no=721&col_no=67 (Дата обращения: 25.11.2016.)

18. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Сайт президента Российской Федерации. 2016. 17 июля. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52178 (Дата обращения: 17.06.2016.)

19. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию // Консультант. 2015. 3 дек. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189898&fld=134&rnd=211977. 28266351114696586&#0 (Дата обращения: 3.04.2016.)

20. Работы по расширению морского порта Актау (Казахстан) в настоящее время находятся на завершающей стадии // Полпред. 2016. 12 апр. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1719348 (Дата обращения: 12.04.2016.)

21. Россия и Китай договорились о «состыковке» проектов ЕАЭС и «Шёлковый путь». URL: http://tass.ru/ekonomika/1956881 (Дата обращения: 10.06.2015.)

22. РСК Банк и МБО ШОС: Курс на успешное сотрудничество // РСК Банк. Официальный сайт. 2016. 17 марта. URL: http://www.rsk.kg/ru/news/uz03 (Дата обращения: 25.11.2016.)

23. Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. 2015. 8 мая // Сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/supplement/4971 (Дата обращения: 10.06.2015.)

24. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: http://docs.cntd.ru/document/499098676 (Дата обращения: 20.11.2016.)

25. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области сельского хозяйства // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: http://docs.cntd.ru/document/902359645 (Дата обращения: 25.11.2016.)

26. Стоит ли создавать Зону свободной торговли между ШОС и ЕАЭС? // Новости глобальной политики. Ереванский геополитический клуб. 2016. 6 марта. URL: http://geoclub.info/stoit-li-sozdavat-zonu-svobodnoj-torgovli-mezhdu-shos-i-eaes/ (Дата обращения: 28.06.2016.)

27. Страны ШОС продолжат работу по созданию банка и фонда развития ШОС // РИА Новости. Россия сегодня. Официальный сайт. 2015. 10 июля. URL: http://ria.ru/world/20150710/1124784617.html#ixzz4BvB9hbV9 (Дата обращения: 22.11.2016.)

28. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. // Официальный сайт председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2014–2015 гг. URL: http://sco-russia.ru/documents/ (Дата обращения: 28.06.2016.)

29. Транспортные коридоры на территории Казахстана // Nexttransport. 2016. 25 мая. URL: http://www.nexttransport.ru/neds-734-1.html (Дата обращения: 25.05.2016.)

30. Цурков М. Джавид Гурбанов: Турецкий участок БТК будет готов в середине 2017 года // Тренд. 2016. 25 нояб. URL: http://www.trend.az/business/economy/2689692.html (Дата обращения: 25.11.2016.)

31. McBride J. Building the New Silk Road // Council on foreign relations. 2015. 25 May. URL: www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573 (Дата обращения: 28.06.2016.)

References

Bektasova A. Vodnyj transport Kazahstana: tendencii i perspektivny // BNews. 2013. 11 Mar. URL: http://bnews.kz/ru/news/archive/analitika/vodnii_transport_kazahstana_tendentsii_i_perspektivi-2013_03_11-683755 (Data obrashhenija: 17.05.2016.)

Bordachev T. Rossija v Azii i Evrazii: Uspehi i novye vyzovy // Klub «Valdaj». 2017. 4 Jan. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-v-azii-i-evrazii-uspekhi-vyzovy/ (Data obrashhenija: 04.03.2017.)

Curkov M. Dzhavid Gurbanov: Tureckij uchastok BTK budet gotov v seredine 2017 goda // Trend. 2016. 25 Nov. URL: http://www.trend.az/business/economy/2689692.html (Data obrashhenija: 25.11.2016.)

Delovoj sovet ShOS. Oficial'nyj sajt. URL: http://bc-sco.org/?level=28&lng=ru (Data obrashhenija: 22.11.2016.)

EAJeS i ShOS ob#edinjajutsja protiv SShA // Utro.ru. 2016. 3 Apr. URL: http://www.utro.ru/articles/2016/03/04/1273289.shtml (Data obrashhenija: 12.04.2016.)

Evstaf'ev D., Privalov K. Evrazija: Novye gorizonty integracii. Jekonomicheskij ocherk. Moscow: Pervaja obrazcovaja tipografija, 2015. 127 p.

Ivashencov G. Put' k mirnoj Evrazii // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/put-k-mirnoy-evrazii/?sphrase_id=1016229 (Data obrashhenija: 14.05.2015.)

Kitajskij prem'er prizval sozdat' zonu svobodnoj torgovli v ShOS // TVC. 2015. 15 Dec. URL: http://www.tvc.ru/news/show/id/82796/?utm_source=news.yandex.ru&utm_content=RSS&utm_campaign=yandex (Data obrashhenija: 12.04.2016.)

Kuz'mina E. Pekin razvivaet marshruty v Evropu i Iran // Sputnik Kazahstana. 2016. 13 Oct. URL: http://ru.sputniknews.kz/analytics/20161013/827790/pekin-razvivaet-marshruty-v-evropu-i-iran.html (Data obrashhenija: 13.10.2016.)

Kuz'mina E. Vozmozhnye perspektivy po soglasheniju o sotrudnichestve mezhdu Kitaem i Evrazijskim jekonomicheskim sojuzom // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 2016. 26 Jun. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnye-perspektivy-po-soglasheniyu-o-sotrudnichestve-mezh/ (Data obrashhenija: 13.10.2016.)

McBride J. Building the New Silk Road // Council on foreign relations. 2015. 25 May. URL: www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573 (Data obrashhenija: 28.06.2016.)

Mozharova V. Transport v Kazahstane: Sovremennaja situacija, problemy i perspektivy razvitija. Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2011. 216 p.

Naryshkin zajavil o planah Rossii sozdat' zonu svobodnoj torgovli s ShOS i ASEAN // Vzgljad: Delovaja gazeta. 2016. 19 Apr. URL: http://www.vz.ru/news/2016/4/19/806146.html (Data obrashhenija: 07.05.2016.)

O podpisanii Soglashenija mezhdu pravitel'stvami gosudarstv – chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva o sotrudnichestve v sfere zdravoohranenija. Rasporjazhenie pravitel'stva RF ot 14 ijunja 2011 goda N 1036-r // Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoj informacii. URL: http://docs.cntd.ru/document/902284437 (Data obrashhenija: 25.11.2016.)

O podpisanii Soglashenija mezhdu pravitel'stvami gosudarstv – chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva o sozdanii blagoprijatnyh uslovij dlja mezhdunarodnyh avtomobil'nyh perevozok // Informacionnoe agentstvo «Tengri n'jus» (Kazahstan) URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premer_ministr_rk/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-P1300001283/ (Data obrashhenija: 25.11.2016.)

O Programme mnogostoronnego torgovo-jekonomicheskogo sotrudnichestva gosudarstv – chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva // Regional'noe jekonomicheskoe sotrudnichestvo Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva. Oficial'nyj sajt URL: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?a_no=721&col_no=67 (Data obrashhenija: 25.11.2016.)

Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo foruma // Sajt prezidenta Rossijskoj Federacii. 2016. 17 Jul. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52178 (Data obrashhenija: 17.06.2016.)

Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu sobraniju // Konsul'tant. 2015. 3 Dek. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=189898&fld=134&rnd=211977.2826635111469658 6&#0 (Data obrashhenija: 3.04.2016.)

Raboty po rasshireniju morskogo porta Aktau (Kazahstan) v nastojashhee vremja nahodjatsja na zavershajushhej stadii // Polpred. 2016. 12 Apr. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1719348 (Data obrashhenija: 12.04.2016.)

Rossija i Kitaj dogovorilis' o «sostykovke» proektov EAJeS i «Shelkovyj put'». URL: http://tass.ru/ekonomika/1956881 (Data obrashhenija: 10.06.2015).

RSK Bank i MBO ShOS: Kurs na uspeshnoe sotrudnichestvo // RSK Bank. Oficial'nyj sajt. 2016. 17 Mar. URL: http://www.rsk.kg/ru/news/uz03 (Data obrashhenija: 25.11.2016.)

Soglashenie mezhdu pravitel'stvami gosudarstv – chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva o sotrudnichestve i vzaimopomoshhi v tamozhennyh delah // Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoj informacii. URL: http://docs.cntd.ru/document/499098676 (Data obrashhenija: 20.11.2016.)

Soglashenie mezhdu pravitel'stvami gosudarstv – chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti sel'skogo hozjajstva // Jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoj informacii. URL: http://docs.cntd.ru/document/902359645 (Data obrashhenija: 25.11.2016.)

Sovmestnoe zajavlenie RF i KNR o sotrudnichestve po soprjazheniju stroitel'stva Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti. 2015. 8 May // Sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii. URL: http://kremlin.ru/supplement/4971 (Data obrashhenija: 10.06.2015.)

Stoit li sozdavat' zonu svobodnoj torgovli mezhdu ShOS i EAJeS? // Novosti global'noj politiki. Erevanskij geopoliticheskij klub. 2016. 6 Mar. URL: http://geoclub.info/stoit-li-sozdavat-zonu-svobodnoj-torgovli-mezhdu-shos-i-eaes/ (Data obrashhenija: 28.06.2016.)

Strany ShOS prodolzhat rabotu po sozdaniju banka i fonda razvitija ShOS // RIA Novosti. Rossija segodnja. Oficial'nyj sajt. 2015. 10 Jul. URL: http://ria.ru/world/20150710/1124784617.html#ixzz4BvB9hbV9 (Data obrashhenija: 22.11.2016.)

Strategija razvitija Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva do 2025 g. // Oficial'nyj sajt predsedatel'stva Rossijskoj Federacii v shanhajskoj organizacii sotrudnichestva v 2014–2015 gg. URL: http://sco-russia.ru/documents/ (Data obrashhenija: 28.06.2016.)

Transportnye koridory na territorii Kazahstana // Nexttransport. 2016. 25 Maja. URL: http://www.nexttransport.ru/neds-734-1.html (Data obrashhenija: 25.05.2016.)

Vinokurov E.Ju., Dzhadraliev M.A., Shherbanin Ju.A. Mezhdunarodnye transportnye koridory EvrAzJeS: Bystree, deshevle, bol'she // Evrazijskij bank razvitija: Otraslevoj obzor. M.: Evropejskij Bank razvitija, 2009.

Zasedanie Soveta glav pravitel'stv gosudarstv – chlenov ShOS ot 15 dekbrja 2015 g. Stenogramma // GosMenedzhment: Jelektronnyj zhurnal. 2015. 16 dek. URL: http://gosman.ru/?news=42921 (Data obrashhenija: 14.05.2016.)

Zhandarova I. «Dorozhnuju kartu» zony svobodnoj torgovli ShOS razrabotajut k letu // Rossijskaja gazeta. 2016. 17 Marta. URL: https://rg.ru/2016/03/17/dorozhnuiu-kartu-zony-svobodnoj-torgovli-shos-razrabotaiut-k-letu.html (Data obrashhenija: 12.04.2016.)

А.В. Посашкова

ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОПЫТ МЕРКОСУР И ЕАЭС

Аннотация. *Процессы региональной интеграции стремительно развиваются на всех континентах. В условиях постоянно меняющейся геополитической архитектуры особый интерес вызывает интеграционный опыт относительно новых интеграционных объединений. В статье представлен анализ этапов становления региональной интеграции на южноамериканском и евразийском континентах, истории развития МЕРКОСУР и Евразийского экономического союза, их институциональной структуры. Выделены общие черты, характерные для обоих интеграционных блоков.*

Ключевые слова: *региональная интеграция, интеграционные процессы, Латинская Америка, МЕРКОСУР, Таможенный союз, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Единое экономическое пространство.*

Посашкова Алла Вадимовна – аспирант
факультета глобальных процессов
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: write2alla@mail.ru

A.V. Posashkova. Regional Integration Processes: The MERCOSUR and EAEU Experience

Abstract. *The process of regional integration is rapidly developed on every continent. Integration experience of relatively new integration associations arouses special interest in the context of constantly changing geopolitical architecture. The article analyzes the stages of regional integration on the South American and Eurasian continents, history of development of MERCOSUR and the Eurasian Economic Union, their institutional structure. Basing on the conducted research work the common features typical to both integration blocks were identified.*

Keywords: *Regional integration, integration process, Latin America, MERCOSUR, Customs union, Eurasian integration, Eurasian Economic Union, common economic space.*

Posashkova Alla Vadimovna – postgraduate student of the Department of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: write2alla@mail.ru

В настоящее время система международных отношений переживает серьезную трансформацию – ее элементами являются уже не обособленные государства, а государства – члены интеграционных объединений, связанные обязательствами по многочисленным региональным соглашениям в разных сферах. Фундамент региональных интеграционных объединений начал закладываться во второй половине XX в., однако настоящий всплеск международных интеграционных процессов пришелся на 90-е годы и начало нового столетия, отмеченное рождением целого ряда новых интеграционных инициатив. В то же время некоторые старые интеграционные блоки, такие как Евросоюз, сталкиваются с кризисными явлениями, что лишь усиливает тенденцию к переформатированию геополитического пространства в рамках региональных интеграционных группировок. Примером таких «молодых» объединений могут служить МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Каковы предпосылки региональной интеграции в Южной Америке и на Евразийском континенте? Прежде всего – благоприятный исторический контекст. В странах Латинской Америки интеграция всегда была популярным лозунгом, что связано с общностью истории и схожим колониальным прошлым. Идеи объединения всех латиноамериканских стран зародились еще во времена Симона Боливара (1783–1830), сторонника создания единой Испанской Америки. Первые попытки интеграционного взаимодействия имели место в регионе уже в 60-е годы, в условиях возрастающего давления Соединенных Штатов, стремящихся не допустить увеличения геополитической роли латиноамериканских государств. В интегрировании своих экономических потенциалов государства Южной Америки видели залог обеспечения экономической независимости. Однако первые интеграционные группировки, такие как ЛАСТ, ЛАИ и ЦАОР, показали свою утопичность, поскольку не учитывали реальных возможностей партнеров по интеграции, как и противоречий между ними, в том числе по вопросу о целях и задачах интеграции. Тем не менее к моменту создания МЕРКОСУР латиноамериканскими странами уже был накоплен существенный интеграционный опыт, учитывавший изъяны предшествующих интеграционных схем.

У истоков евразийских интеграционных процессов на постсоветском пространстве стояло подписание бывшими советскими республиками Соглашения о создании Содружества Независимых Государств в 1991 г., которое и стало необходимой предпосылкой образования интеграционного блока. Опираясь на доктрину евразийства, в 1994 г. президент Казахстана Н.А. На-

зарбаев выступил с проектом Евразийского союза, направленного на «реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала» [11, с. 44]. Несмотря на историческое предпосылки в виде общего советского прошлого, на протяжении 90-х годов интеграционное взаимодействие находилось в стагнации, поскольку связи между странами Содружества носили исключительно политический, а не экономический характер. К началу XXI в. постепенно приходит осознание того, что в основе сближения государств должны лежать прежде всего экономические интересы. Это благоприятствовало активизации евразийских интеграционных процессов.

Одной из причин, побудивших латиноамериканские страны к интеграции, была необходимость найти рынки сбыта для своей промышленности. Внутренние рынки этих государств не могли обеспечить спрос на товары национальных предприятий, а на внешних рынках латиноамериканская продукция оказывалась попросту неконкурентоспособной. Недавно обретшие независимость и неокрепшие экономики видели единственный выход в наращивании объемов внутрирегиональной торговли. Аналогично, экономическая подоплека играла важнейшую роль для становления евразийской интеграции, которая гарантировала государствам – членам формирующегося интеграционного блока наличие емкого рынка сбыта, увеличение объема инвестиций, развитие новых инфраструктурных проектов, взаимный доступ к госзакупкам. Вступая в ЕАЭС, партнеры России руководствовались, помимо всего прочего, мотивом понижения цен на углеводородное сырье и рассчитывали на благоприятные условия работы для трудовых мигрантов (в случае Армении и Киргизии).

Как для МЕРКОСУР, так и для ЕАЭС немалое значение имел культурно-цивилизационный фактор. Чтобы быть успешной, региональная интеграция должна опираться на цивилизационные ценности, культурные традиции и общую идеологию [22, с. 15]. Набирающие темпы процессы регионализации, являющиеся «оборотной стороной» глобализации, только усиливают чувство региональной идентичности [12, с. 86]. Объединенные единой цивилизационной матрицей, латиноамериканские страны как составные части единой латиноамериканской цивилизации неизбежно должны были вступить на путь развития региональной интеграции, благоприятствующей укреплению цивилизационной самоидентификации. Что же касается ЕАЭС, то интеграция для евразийских стран, объединенных советским прошлым, является естественной и закономерной.

Обратимся к истории создания и развития латиноамериканского и евразийского интеграционных блоков. Начало процессу формирования Общего рынка на южноамериканском континенте положило сотрудничество Бразилии и Аргентины и соответствующая декларация, принятая двумя странами

в 1985 г. Годом позже был заключен Акт об аргентинско-бразильской интеграции, в 1988 г. – Договор об интеграции, сотрудничестве и развитии, а в 1989 г. президентами Аргентины, Бразилии и Уругвая была подписана Совместная декларация, в которой стороны обязывались налаживать трехсторонние связи с целью усиления интеграции. Итогом этого сотрудничества стало подписание 26 марта 1991 г. Асунсьонского договора и создание Общего рынка стран Южного конуса с участием Бразилии, Аргентины, Парагвая и Уругвая. Новое объединение ставило перед собой несколько целей: обеспечение свободного передвижения товаров, услуг и средств производства путем отмены тарифных и нетарифных ограничений, согласование единого внешнего таможенного тарифа (ЕВТТ) и единой внешнеторговой политики в отношении третьих стран, координация макроэкономической политики и гармонизация национальных законодательств государств – участников объединения в соответствующих сферах. Следует отметить, что на момент заключения Асунсьонского договора группировка еще не имела единого рынка: подписанный договор только провозглашал создание новой международной организации интеграционного типа. Реальной датой рождения Таможенного союза (ТС) можно считать 1 января 1995 г.

МЕРКОСУР открыт для присоединения новых участников, но заявка на вступление в объединение должна быть единогласно одобрена всеми членами организации. В дополнение, обязательным условием членства является присоединение к ряду протоколов о демократической приверженности в МЕРКОСУР (Протокол Ушуайя о демократической приверженности в МЕРКОСУР, Республике Боливия и Республике Чили 1998 г., Декларация президентов о демократической приверженности в МЕРКОСУР 1996 г., Протокол Монтевидео о согласии с демократическими принципами МЕРКОСУР 2011 г.). В 2012 г. в МЕРКОСУР в качестве полноправного члена вступила Венесуэла, в том же году соответствующее соглашение было подписано Боливией, однако для окончательного присоединения Боливии к блоку все еще требуется ратификация международно-правового акта парламентом Бразилии (национальные законодательные органы других государств МЕРКОСУР уже его одобрили [25]). Чтобы привлечь к участию в интеграции больше стран, в самом начале своей деятельности МЕРКОСУР было принято решение о введении опции ассоциированного членства в организации. В список ассоциированных членов МЕРКОСУР входят Чили, Колумбия, Эквадор, Перу, Гайана и Суринам, государства-наблюдатели представлены Мексикой и Новой Зеландией.

После первых лет функционирования ТС обнаружились некоторые изъяны в интеграционной политике южноамериканского Общего рынка, и в 2002 г. была разработана так называемая «Стратегия перезапуска МЕРКОСУР» с целью реформирования внутриблоковой торговли и устранения любых

односторонних действий стран – участниц МЕРКОСУР, мешающих товарообороту. С течением времени приоритеты интеграции в МЕРКОСУР сместились с позиций открытого регионализма к принципу совместимости экономик и региональной самодостаточности [10, с. 165]. За два с половиной десятилетия МЕРКОСУР достиг немалых успехов, в числе которых урегулирование ЕВТТ, принятие таможенного кодекса, значительный рост внутрирегиональной торговли, интенсивность которой в 9 раз превышает торговлю с партнерами вне региона [20, с. 138], урегулирование вопросов по механизму распределения таможенных поступлений в страны МЕРКОСУР. В настоящее время эта группировка рассматривается как наиболее эффективное интеграционное объединение в Латинской Америке, оказавшее положительное влияние на состояние национальных экономик стран региона. В то же время сотрудничество латиноамериканских соседей не ограничивается торгово-экономической сферой, но охватывает также производственную интеграцию и гуманитарные вопросы. Например, создаются специализированные отраслевые кластеры, упрощены процедуры пересечения границ физическими лицами, для обеспечения свободы движения рабочей силы приняты соглашения о взаимном признании дипломов и документов об образовании, в испаноговорящих странах введено обязательное изучение португальского языка, а в Бразилии – испанского [1, с. 26]. МЕРКОСУР стремится к развитию внерегиональных связей и имеет торговые соглашения с Индией, Египтом, Марокко, Израилем, Иорданией, Малайзией, Кубой, Чили, Мексикой.

И все же исследователи отмечают немало проблем, блокирующих поступательное развитие интеграционного процесса в Латиноамериканском регионе [3, с. 81]: частые нарушения единого внешнего таможенного тарифа в одностороннем порядке, протекционистская политика Аргентины и Бразилии, различия в конституционно-правовом положении международных договоров [13, с. 1054] и т.д. Дополнительного регламентирования требуют такие вопросы, как технические барьеры, стандартизация, применение компенсационных и антидемпинговых пошлин. Довольно тревожная ситуация складывается вокруг Венесуэлы, членство которой в МЕРКОСУР было временно приостановлено в декабре 2016 г. в связи с нарушением прав человека и нестабильной политической и экономической обстановкой в стране.

Евразийский экономический союз прошел в своем становлении несколько этапов. Первой правовой предпосылкой на пути создания ЕАЭС стало подписанное в январе 1995 г. Соглашение о Таможенном союзе с участием Российской Федерации, Белоруссии и Казахстана, интеграционного ядра будущего объединения. Годом позже к этому соглашению присоединилась Киргизия, а в 1999 г. – Таджикистан. В тот же год государствами – участниками Соглашения о Таможенном союзе было принято решение о переходе к Единому экономическому пространству, и соответствующий договор опре-

делил цели и принципы формирования Таможенного союза, а также закрепил учреждение специального исполнительного органа – Интеграционного комитета [5], который должен был действовать на этапе оформления таможенного пространства. Очередной важной вехой в истории развития евразийской интеграции можно считать образование в 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), нацеленного на ускорение формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства [6]. В 2003 г. последовало заключение Соглашения о формировании Единого экономического пространства. В январе 2006 г. к ЕврАзЭС присоединился Узбекистан, который, однако, приостановил свое членство в организации в 2008 г.

6 октября 2007 г. Россия, Белоруссия и Казахстан подписали Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза, определивший основы взаимодействия сторон и ознаменовавший новый этап интеграции, а также Договор о Комиссии Таможенного союза, постоянно действующем органе ТС. В 2009 г. государства – члены ТС пополнили правовую базу объединения Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза. ТС начал функционировать в полном объеме с 1 июля 2010 г.: с этого времени отменялись таможенное оформление и таможенный контроль на внутренних границах ТС, вводились Единая товарная номенклатура во внешнеэкономической деятельности и Единый таможенный тариф, что подразумевало переход к унифицированному торговому режиму в отношении третьих стран.

1 января 2012 г. Россия, Белоруссия и Казахстан сделали шаг к Единому экономическому пространству (ЕЭП). Это предполагало в дополнение к свободному передвижению товаров свободное передвижение услуг, рабочей силы, капитала, введение единых принципов конкуренции и правил регулирования естественных монополий. С этого же года вступил в силу Договор о Евразийской экономической комиссии от 2011 г., которая пришла на смену упраздненной Комиссии ТС.

29 мая 2014 г. президенты России, Белоруссии и Казахстана подписали в Астане Договор о Евразийском экономическом союзе, определяемом в документе как международная организация региональной экономической интеграции. ЕАЭС начал свою деятельность 1 января 2015 г., и эта дата знаменует переход к более высокому этапу евразийской интеграции, предполагающему также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в обозначенных договором отраслях экономики [4]. Со 2 января 2015 г. к Евразийскому экономическому союзу присоединилась Армения, а с 12 августа 2015 г. – Киргизия. 29 мая 2015 г. было заключено соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом.

Согласно Договору о ЕАЭС, единое таможенное регулирование в Союзе должно осуществляться в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС [4],

а до того будет применяться договорно-правовая база, разработанная в рамках ТС и ЕЭП [4]. Проект нового кодекса был готов уже в конце 2014 г., в его разработке принимали участие ЕЭК, национальные правительства, представители экспертного сообщества и бизнеса. Процесс принятия кодекса, однако, затянулся не на один год, так как документ вызвал многочисленные трения и потребовал дополнительных согласований. В ходе его обсуждения Евразийская экономическая комиссия получила от «интеграционной тройки» порядка полутора тысяч замечаний, в связи с чем изначальный проект ТК претерпел серьезные изменения. Окончательно урегулировать все вопросы удалось только к ноябрю 2016 г. на заседании Межправительственного совета ЕАЭС. Нововведениями итогового проекта стали упрощенные таможенные процедуры (отказ от предоставления подтверждающих документов и автоматический выпуск товара), их перевод в электронный вид и полноценный переход таможенного регулирования с национального на союзный уровень [8]. Предполагалось, что новый Таможенный кодекс ЕАЭС начнет действовать с 1 января 2017 г. после его утверждения всеми пятью главами государств – членов Союза на заседании Высшего Евразийского экономического совета 26 декабря 2016 г., однако А.Г. Лукашенко, предположительно пытаясь добиться в будущем больших экономических преференций для Белоруссии, не посетил заседание Высшего совета [16]. Поскольку документ был согласован только четырьмя главами «евразийской пятерки», дата вступления в силу нового кодекса была передвинута на 1 июля 2017 г., при условии что ТК ЕАЭС будет оперативно подписан Белоруссией. Прежний кодекс Таможенного союза, принятый еще в 2009 г., не учитывает сегодняшних реалий и передает значительную часть таможенных полномочий на национальный уровень, что вызывает различия в механизмах осуществления таможенных процедур. Помимо этого кодекса, в рамках ЕАЭС продолжают действовать порядка двух десятков международных соглашений, имеющих ряд противоречий, которые могут быть устранены только посредством замены старого ТК.

Для качественного развития и углубления евразийской интеграции категорически необходимо принятие нового Таможенного кодекса ЕАЭС, который способен существенно упростить и ускорить таможенные операции, а в перспективе способствовать росту объемов торговли. Кроме этого, перед государствами – членами ЕАЭС стоит задача модернизации и повышения уровня диверсификации национальных экономик, так как их однотипные структуры приводят к конкуренции на внешних рынках, что мешает всеобъемлющему взаимовыгодному сотрудничеству.

Следует отдельно рассмотреть систему органов МЕРКОСУР и ЕАЭС. Институциональная структура МЕРКОСУР достаточно сложна и выглядит следующим образом: Совет общего рынка, Группа общего рынка, Комиссия

по торговле МЕРКОСУР, Постоянный ревизионный суд МЕРКОСУР, Парламент МЕРКОСУР, Секретариат МЕРКОСУР, Экономический и социальный консультативный форум, Административно-трудовой суд, а также Центр содействия формированию правового государства.

Высшим органом МЕРКОСУР является Совет общего рынка, осуществляющий общее руководство процессом интеграции на уровне министров иностранных дел и министров экономики. Иногда заседания Совета могут проходить при участии президентов стран МЕРКОСУР. Группа общего рынка – это главный исполнительный орган МЕРКОСУР, работающий в составе представителей министерств иностранных дел, министерств экономики и центральных банков государств – членов организации. Комиссия по торговле занимается вопросами общей торговой и таможенной политики и координируется министерствами иностранных дел. В 1991 г. Бразильским протоколом была установлена система разрешения споров посредством арбитражей ad hoc, однако с 2002 г. на основании Протокола Оливос система разрешения споров была дополнена Постоянным ревизионным судом МЕРКОСУР, наделенным полномочиями рассматривать дела по существу в качестве суда первой инстанции и пересматривать решения судов ad hoc. В 2004 г. был учрежден и Административно-трудовой суд, уполномоченный рассматривать трудовые и административные споры, возникающие между органами МЕРКОСУР и их персоналом.

Протокол о создании Парламента МЕРКОСУР был подписан в 2005 г., он начал свою деятельность в 2007 г. На первом этапе члены парламента избирались национальными конгрессами государств – членов МЕРКОСУР, с 2011 г. планировалось перейти ко всеобщим прямым выборам при тайном голосовании, а с 2015 г. – начать проводить выборы во всех странах блока в День гражданина МЕРКОСУР. Тем не менее не всем партнерам удалось придерживаться принятых ранее сроков, и процесс застопорился. По этой причине период проведения реформы был продлен до 2020 г. [24]. Хотя реформа парламента может оказать позитивное влияние на нормотворчество в МЕРКОСУР, содействовать гармонизации законодательств и инкорпорации его норм в национальные правовые системы, его акты не имеют обязательной силы и прямого действия для государств – членов блока, поэтому нельзя переоценивать его значение.

В соответствии со ст. 38 Протокола Оуро Прето в организации действует принцип верховенства права МЕРКОСУР, поэтому государствам – членам объединения вменяется в обязанность принимать все необходимые меры для соблюдения решений органов МЕРКОСУР. С одной стороны, решения Совета общего рынка, резолюции Группы общего рынка и директивы Комиссии по торговле имеют обязательный характер. С другой стороны, Протокол закрепляет принцип принятия решений исключительно на основе консенсуса

[14], а сотрудники трех этих органов по-прежнему числятся в составе национальных администраций и ведут работу в органах МЕРКОСУР в качестве дополнительной. Парламент объединения, имеющий наднациональный характер, обладает правом лишь предлагать нормативно-правовые акты другим органам Общего рынка или проекты национальных норм, т.е. по сути выполняет лишь совещательную функцию. Кроме того, странам МЕРКОСУР на уровне национального законодательства необходимо закрепить обязательное признание решений Постоянного ревизионного суда и судов ad hoc [19, с. 43], поэтому многие специалисты отмечают проблему обеспечения единообразия правопорядка. Все это позволяет сделать вывод о «промежуточной стадии наднациональности» [9, с. 237]. Иными словами, МЕРКОСУР находится на «переходном» этапе от интеграционного объединения координационного типа к наднациональному интеграционному объединению [15, с. 157], но прогнозировать поступательное движение в этом направлении было бы преждевременно, поскольку Бразилия и Аргентина занимают позицию, согласно которой надгосударственные структуры подрывают национальный суверенитет.

Организационная структура Евразийского экономического союза включает в себя следующие органы: Высший евразийский экономический совет (Высший совет), Евразийский межправительственный совет (Межправительственный совет), Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Суд евразийского экономического союза.

Высший евразийский экономический совет представлен главами государств, входящих в Евразийский экономический союз, и занимается принципиальными вопросами деятельности Союза, определяет стратегию и направления интеграции, принимает решения, способствующие достижению целей ЕАЭС, а также рассматривает перспективы развития интеграционного объединения. Евразийский межправительственный совет состоит из глав правительств стран – участниц евразийского интеграционного блока. В ведении Межправительственного совета находится реализация условий Договора о ЕАЭС и других международных договоров, заключенных в рамках Союза, контроль за исполнением решений Высшего совета.

Суд евразийского экономического союза – постоянно действующий судебный орган ЕАЭС, и его цель заключается в том, чтобы обеспечить единообразное исполнение норм ЕАЭС государствами – членами объединения и органами Союза. Еще одной важной задачей Суда является толкование источников права ЕАЭС, что означает дачу разъяснений норм права ЕАЭС в виде консультативных заключений, имеющих рекомендательный характер. Споры по вопросам реализации источников права ЕАЭС принимаются к рассмотрению по заявлению государства – члена Союза или хозяйствующего субъекта, и решения Суда обязательны для сторон спора, включая ЕЭК.

Важнейший элемент институциональной структуры организации – постоянно действующая Евразийская экономическая комиссия, наднациональный регулирующий орган ЕАЭС. ЕЭК уполномочена следить за обеспечением условий функционирования и развития Евразийского экономического союза и выдвигать предложения в сфере экономической интеграции. Комиссия состоит из Совета, занимающегося общим регулированием интеграционных процессов в Союзе и руководящего деятельностью ЕЭК, а также Коллегии, ее исполнительного органа. Решения Комиссии могут непосредственно применяться на территории стран – участниц блока, что свидетельствует о наднациональном характере полномочий Комиссии. Отсюда следует, что Евразийский экономический союз развивается по наднациональному типу.

Каковы общие закономерности процессов латиноамериканской и евразийской интеграции? Во-первых, МЕРКОСУР и ЕАЭС являются региональными интеграционными объединениями развивающихся стран. За несколько последних десятилетий структура интеграционных объединений претерпела серьезные изменения по составу участников. В конце 70-х годов на преференциальные торговые соглашения по линии Юг–Юг приходилось только 20%, а уже к 2010 г. этот показатель поднялся до 60%, что наглядно демонстрирует возросшие интеграционные усилия развивающихся стран. В целом можно говорить о том, что развитые страны к интеграции объективно подталкивает уже достигнутый высокий уровень производительных сил, поэтому именно развитые страны ранее были флагманом региональной интеграции, а развивающиеся страны присоединялись к РТС (региональным торговым соглашениям), чтобы получить льготный доступ на рынки этих государств. Сегодня, однако, интеграция имеет для развивающихся стран несколько иную природу. Через аккумуляцию экономических потенциалов развивающиеся страны стремятся ускорить экономическое развитие, преодолеть трудности, связанные с индустриализацией и модернизацией экономики, привлечь зарубежные инвестиции и добиться более значимого положения в мировой экономической иерархии.

Конечно, нельзя игнорировать ряд факторов, сдерживающих развитие региональной интеграции с участием развивающихся стран. К таким факторам относятся: невысокие экономические показатели (низкий уровень экономического развития по сравнению с развитыми странами, низкая степень интегрированности внутренних экономик); слабое развитие инфраструктуры, в том числе транспортной; недостаток материальной базы и финансовых ресурсов. Кроме того, интеграционные объединения типа Юг–Юг критикуются за то, что участники интеграции имеют преимущественно однотипные по отраслевой структуре экономики, а потому вряд ли могут дополнять друг друга, а это снижает уровень взаимной торговли [17, с. 125]. Против этого можно возразить, что многие развивающиеся страны, вступающие в интеграционные

объединения, на этапе становления интеграции стараются придерживаться доктрины «открытого регионализма». Суть концепции «открытого регионализма» состоит в том, чтобы создать благоприятные условия для внерегионального сотрудничества с третьими странами. Интеграционные организации, придерживающиеся данной политики, уделяют приоритетное внимание поощрению внешнего экспорта и всячески пытаются расширить базу преференциальных торговых соглашений с внерегиональными партнерами. В то же время для развивающихся стран региональная интеграция с течением времени может послужить хорошим стимулом для реформирования структуры экономики и модернизации производства, постепенного изменения структуры экспорта в пользу увеличения доли товаров с высокой технологической емкостью. Участвуя в региональной интеграции, развивающиеся государства пытаются гарантировать себе преимущество «масштабных коллективных субъектов» [2, с. 540] в системе международных отношений.

В одном интеграционном объединении с участием развивающихся стран оказываются государства с различным интеграционным и экономическим потенциалом, поскольку слабые экономики руководствуются мотивом включения в производственные и сбытовые сети более развитых экономик из числа развивающихся стран, своеобразных точек регионального роста. До 90-х годов в вопросах формирования интеграции решающими критериями считались приблизительно схожий уровень экономического развития и общие границы, но новые интеграционные блоки, такие как МЕРКОСУР и ЕАЭС, характеризуют дифференцированные экономические показатели.

МЕРКОСУР – это интеграционное объединение с ярко выраженной асимметрией между входящими в него государствами. Объем ВВП Бразилии, крупнейшей экономики региона, превышает объем ВВП Аргентины, второй экономики МЕРКОСУР, в 3,6 раза и составляет 66% всего ВВП интеграционного блока. На экономики же Парагвая, Уругвая и Боливии приходится только 4,3% ВВП МЕРКОСУР. В ЕАЭС экономическая дифференциация по объему ВВП еще острее. Объем ВВП РФ в 8,1 раза выше, чем объем ВВП Казахстана, занимающего второе место в Союзе по этому показателю, и равен почти 85% суммарного ВВП государств – членов ЕАЭС. В то же время малые экономики Союза, а именно Армения и Киргизия, производят всего лишь 1% ВВП ЕАЭС.

Некоторые исследователи считают, что такая колоссальная разница экономических потенциалов неизбежно ведет к серьезным диспропорциям в перераспределении торговых потоков [21, с. 13] и неравноценности дивидендов от интеграции для ее участников. Как следствие, экономический спад в крупных странах неизбежно ведет к стагнации экономик малых стран, зависящих от благополучия экономических локомотивов интеграционных группировок. С этой точкой зрения можно не согласиться. Дивергенция уровня

экономического развития может иметь и положительный эффект: для ведущей экономики отстающие по уровню экономического развития страны становятся выгодным инвестиционным полем, что закладывает хорошую основу для развития ее бизнеса, а малые страны, в свою очередь, получают возможность оздоровления и корректировки структуры своей экономики. Кроме того, интеграция всегда требует всеобъемлющей модернизации инфраструктуры, а потому порождает новые инфраструктурные проекты и создает предпосылки для ускорения роста экономики. В этом смысле показательна деятельность в рамках МЕРКОСУР Фонда структурной конвергенции, призванного финансировать в малых странах блока и наименее развитых регионах различные проекты в сфере транспорта, электроэнергии, водоснабжения, здравоохранения, развития биотоплива и т.д.

Еще одной чертой, характерной для МЕРКОСУР и ЕАЭС, можно считать разную скорость выстраивания вертикальных и горизонтальных отношений. В случае развитых стран интеграция – следствие объективно назревших условий, поэтому она движется линейно. Это позволяет сделать вывод о правомерности теории Бела Баласса применительно к экономической интеграции развитых стран. Суть теории Б. Баласса заключается в том, что интеграция эволюционирует по своей форме в сторону увеличения степени либерализации движения факторов производства [7, с. 27]. Американский экономист венгерского происхождения выделяет всего пять форм интеграции: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, полная экономическая и политическая интеграция. Именно концепция Баласса служила теоретической базой европейской политики в области региональной интеграции. Тем не менее схема Баласса не всегда применима к новейшим интеграционным объединениям, так как значительно усложнилась форма принимаемых ими РТС. Интеграционные соглашения ныне охватывают не только либерализацию торговли товарами и услугами, но и широкий ряд других вопросов, таких как инвестиции и трудовая миграция, госзакупки, политика в области конкуренции, интеллектуальная собственность, вопросы экологии и т.д. Многообразие существующих интеграционных моделей ясно доказывает, что процесс интеграции не всегда можно подогнать под классическую линейно-поступательную схему развития.

МЕРКОСУР и ЕАЭС можно условно относить к «молодым» интеграционным объединениям, которым свойственно ускоренное формирование [18, с. 179] и гибкость интеграционных форм. Это связано не только с тем, что современные технологии позволяют значительно упростить процесс интегрирования политических субъектов, но и с накопившимся мировым интеграционным опытом. Его тщательный анализ позволяет избежать ошибок интеграции, нивелировать потенциальные противоречия, выстроить новые «гибридные» интеграционные формы. Так, в 90-е годы МЕРКОСУР совер-

шил настоящий «интеграционный скачок», выстроив институты, необходимые для функционирования Таможенного союза, всего за четыре-пять лет. ЕАЭС и предшествующие его образованию ТС и ЕЭП также развивались весьма динамично. На постсоветском пространстве применялась концепция многоформатной и разноскоростной интеграции, что способствовало быстрому развитию евразийских интеграционных процессов. Аналогичным образом, Асунсьонский договор содержал специальное положение, оговаривавшее различия в темпах интеграции для Парагвая и Уругвая, учитывая, что процесс сближения между Аргентиной и Бразилией начался до подписания Договора об общем рынке [23, с. 49]. Хотя сейчас МЕРКОСУР традиционно характеризуют как Таможенный союз, сотрудничество партнеров по объединению выходит за рамки традиционного в рамках ТС взаимодействия, охватывая также физическую, производственную, энергетическую и гуманитарную интеграцию. Евразийская же интеграция осуществляется в формах таможенного союза, единого экономического пространства и имеет признаки построения общего рынка.

Наконец, сходство региональных интеграционных процессов в Южной Америке и Евразии состоит в значительной роли политического фактора. В Латинской Америке ядром регионального притяжения служит Бразилия, которая выстраивает политический курс и формирует повестку региональной интеграции таким образом, чтобы закрепить за собой статус региональной державы и поднять собственный международный престиж за счет повышения места МЕРКОСУР в мировой иерархии. Нельзя отрицать, что Россия также негласно позиционирует себя как лидер ЕАЭС и преследует определенные геополитические цели, желая укреплять связи со своими ближайшими соседями и выступать единым фронтом на международной арене. Тесное экономическое взаимодействие закладывает фундамент для политического сближения и повышает вероятность удержания этих государств в орбите российских интересов.

Итак, региональные интеграционные процессы, происходящие в рамках МЕРКОСУР и ЕАЭС, существенно изменили геополитический ландшафт южноамериканского и евразийского континентов. Неоспоримые сложности на пути формирования Единого экономического пространства толкают страны – участницы к постоянному поиску новых форм интеграции. Трансформируются приоритеты интеграции, стратегия развития интеграционных блоков, субъектный состав. За относительно небольшое время существования эти блоки успели достичь значительного прогресса, оперативно выстроить институциональную структуру и доказать свою жизнеспособность. Вместе с тем и МЕРКОСУР, и ЕАЭС предстоит урегулировать еще множество нерешенных проблем. Их дальнейшее развитие будет зависеть от того, насколько эффективно они смогут устранять имеющиеся противоречия.

Библиография

1. Бондарев И.И. МЕРКОСУР и ЕАЭС // Вопросы экономики и управления. Казань, 2017. № 1 (8). С. 25–29.

2. Воронина Т.В. Трансформация линейно-стадиальной модели международной экономической интеграции в эпоху глобализации: Причины, формы, следствия // Фундаментальные исследования. Пенза, 2014. № 6. С. 539–543.

3. Гиченкова С.С., Пестов Д.Д., Булетова Н.Е. МЕРКОСУР и его место в мировой экономике // Сборник научных статей Международной научно-практической конференции «Глобализация – путь к объединению». Курск: Университетская книга, 2015. С. 80–83.

4. Договор о Евразийском экономическом союзе. 2014. 29 мая. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (Дата обращения: 25.03.2017.)

5. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. 1999. 26 февр. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31914/ (Дата обращения: 25.03.2017.)

6. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. 2000. 10 окт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106656/ (Дата обращения: 25.03.2017.)

7. Зуев В.Н. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. СПб., 2014. № 3 (24). С. 25–43.

8. Какие изменения принесет новый Таможенный кодекс ЕАЭС // Ритм Евразии. 2017. 4 янв. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2017-01-04--kakie-izmenenija-prineset-novyj-tamozhennyj-kodeks-eaes-27699 (Дата обращения: 24.03.2017.)

9. Кашкин С.Ю. Интеграционное право. М.: Проспект, 2017. 745 с.

10. Кошкуль Д.В. МЕРКОСУР: Интеграционный компромисс стран Южного конуса // Вестник Финансового университета. 2015. № 3. С. 161–168.

11. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: Идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 480 с.

12. Огнева В.В., Сидоров А.С. Регионализация как важнейший тренд современного мирового развития // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула, 2015. № 2. С. 82–88.

13. Пайгина Д.Р. О роли политического фактора в интеграционных процессах (на примере МЕРКОСУР) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1051–1055.

14. Протокол Оуро Прето. 1994. 17 дек. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/721/1/cmc_1994_protocolo_ouro_preto_es.pdf (Дата обращения: 17.03.2017.)

15. Рафалюк Е.Е. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168.

16. Скандал в евразийском семействе // Газета.ru. 2016. 27 дек. URL: https://www.gazeta.ru/business/2016/12/27/10451225.shtml (Дата обращения: 25.03.2017.)

17. Соловаров В.В. Региональное объединение МЕРКОСУР как ответ на вызовы глобализации: Итоги 20 лет интеграции // Известия Уральского государственного экономического университета. Екатеринбург, 2012. № 6. С. 122–127.

18. Сологуб В.И. Новейшие интеграционные объединения: Понятие и классификация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Белгород, 2015. Т. 19. № 36 (216). С. 178–182.

19. Тарасова И.С. МЕРКОСУР на пути создания постоянной системы разрешения споров // Латинская Америка. 2005. № 7. С. 39–45.

20. Хмелевская Н.Г. Интеграционные процессы в Латинской Америке через призму региональной торговли (на примере МЕРКОСУР и Тихоокеанского альянса) // Ибероамериканские тетради. 2014. № 3 (5). С. 131–141.

21. Хмелевская Н.Г. Интеграционный вектор экономической политики: Опыт МЕРКОСУР и Тихоокеанского альянса // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 10. С. 11–20.

22. Чечурина М.Н. Международная интеграция и международные организации. Мурманск, 2012. 269 с.

23. Шебанова Н.А. МЕРКОСУР: Правовые аспекты создания и функционирования новой латиноамериканской интеграции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 46–67.

24. Entendiendo el Parlamento del Mercosur // Poder Ciudadano. URL: http://poderciudadano.org/sitio/wp-content/uploads/2015/06/Parlasur-composicion-Poder-Ciudadano.pdf (Дата обращения: 11.03.2017.)

25. Uruguay aprueba ingreso de Bolivia al Mercosur // Telesur. 2016. 11 нояб. URL: http://www.telesurtv.net/news/Uruguay-aprueba-ingreso-de-Bolivia-al-Mercosur-20161111-0043.html (Дата обращения: 21.03.2017.)

References

Bondarev I.I. MERKOSUR i EAJeS // Voprosy jekonomiki i upravlenija. Kazan', 2017. N 1 (8). P. 25–29.

Chechurina M.N. Mezhdunarodnaja integracija i mezhdunarodnye organizacii. Murmansk, 2012. 269 p.

Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze. 2014. 29 May. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (Data obrashhenija: 25.03.2017.)

Dogovor o Tamozhennom sojuze i Edinom jekonomicheskom prostranstve. 1999. 26 Feb. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31914/ (Data obrashhenija: 25.03.2017.)

Dogovor ob uchrezhdenii Evrazijskogo jekonomicheskogo soobshhestva. 2000. 10 Oct. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106656/ (Data obrashhenija: 25.03.2017.)

Entendiendo el Parlamento del Mercosur // Poder Ciudadano. URL: http://poderciudadano.org/sitio/wp-content/uploads/2015/06/Parlasur-composicion-Poder-Ciudadano.pdf (Data obrashhenija: 11.03.2017.)

Gichenkova S.S., Pestov D.D., Buletova N.E. MERKOSUR i ego mesto v mirovoj jekonomike // Sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Globalizacija – put' k ob#edineniju». Kursk: Universitetskaja kniga, 2015. P. 80–83.

Hmelevskaja N.G. Integracionnye processy v Latinskoj Amerike cherez prizmu regional'noj torgovli (na primere MERKOSUR i Tihookeanskogo al'jansa) // Iberoamerikanskie tetradi. 2014. N 3 (5). P. 131–141.

Hmelevskaja N.G. Integracionnyj vektor jekonomicheskoj politiki: Opyt MERKOSUR i Tihookeanskogo al'jansa // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2014. N 10. P. 11–20.

Kakie izmenenija prineset novyj Tamozhennyj kodeks EAJeS // Ritm Evrazii. 2017. 4 Jan. URL: http://www.ritmeurasia.org/news--2017-01-04--kakie-izmenenija-prineset-novyj-tamozhennyj-kodeks-eaes-27699 (Data obrashhenija: 24.03.2017.)

Kashkin S.Ju. Integracionnoe pravo. Moscow: Prospekt, 2017. 745 p.

Koshkul' D.V. MERKOSUR: Integracionnyj kompromiss stran Juzhnogo konusa // Vestnik Finansovogo universiteta. 2015. N 3. P. 161–168.

Nazarbaev N.A. Evrazijskij Sojuz: Idei, praktika, perspektivy. 1994–1997. M.: Fond sodejstvija razvitiju social'nyh i politicheskih nauk, 1997. 480 p.

Ogneva V.V., Sidorov A.S. Regionalizacija kak vazhnejshij trend sovremennogo mirovogo razvitija // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Tula, 2015. N 2. P. 82–88.

Pajgina D.R. O roli politicheskogo faktora v integracionnyh processah (na primere MERKOSUR) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2015. N 6. P. 1051–1055.

Protokol Ouro Preto. 1994. 17 dek. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/721/1/cmc_1994_protocolo_ouro_preto_es.pdf (Data obrashhenija: 17.03.2017.)

Rafaljuk E.E. Ponjatija, vidy i formy evrazijskogo i latinoamerikanskogo integracionnyh ob#edinenij (sravnitel'no-pravovoj analiz) // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. N 1. P. 154–168.

Shebanova N.A. MERKOSUR: Pravovye aspekty sozdanija i funkcionirovanija novoj latinoamerikanskoj integracii // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2015. N 3. P. 46–67.

Skandal v evrazijskom semejstve // Gazeta.ru. 2016. 27 Dec. URL: https://www.gazeta.ru/business/2016/12/27/10451225.shtml (Data obrashhenija: 25.03.2017.)

Sologub V.I. Novejshie integracionnye ob#edinenija: Ponjatie i klassifikacija // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Belgorod, 2015. Vol. 19. N 36 (216). P. 178–182.

Solovarov V.V. Regional'noe ob#edinenie MERKOSUR kak otvet na vyzovy globalizacii: Itogi 20 let integracii // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. Ekaterinburg, 2012. N 6. P. 122–127.

Tarasova I.S. MERKOSUR na puti sozdanija postojannoj sistemy razreshenija sporov // Latinskaja Amerika. 2005. N 7. P. 39–45.

Uruguay aprueba ingreso de Bolivia al Mercosur // Telesur. 2016. 11 нояб. URL: http://www.telesurtv.net/news/Uruguay-aprueba-ingreso-de-Bolivia-al-Mercosur-20161111-0043.html (Data obrashhenija: 21.03.2017.)

Voronina T.V. Transformacija linejno-stadial'noj modeli mezhdunarodnoj jekonomicheskoj integracii v jepohu globalizacii: Prichiny, formy, sledstvija // Fundamental'nye issledovanija. Penza, 2014. N 6. P. 539–543.

Zuev V.N. Metodologija klassifikacii i ocenki form regional'noj integracii // Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija. Saint Petersburg, 2014. N 3 (24). P. 25–43.

А.Я. Щербакова

РОССИЯ И ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Аннотация. *Статья посвящена анализу изменений в современном мировом порядке: переходу к многополярной структуре и нежесткой иерархии международных игроков. Претенденты на центр силы в системе международных отношений закрепляют свои позиции и создают различные союзы и блоки (ШОС, БРИКС, АСЕАН и т.д.). Доказывается, что Россия взяла курс на Восток, что она укрепляет партнерство с азиатскими странами. Обсуждаются меры, которые необходимо предпринять России для того, чтобы успешно интегрироваться в этот регион и обрести доверие у юго-восточных соседей.*

Ключевые слова: *безопасность, внешняя политика, международный порядок, лидерство, центр силы, сотрудничество, ШОС, АСЕАН.*

Щербакова Анна Ярославовна – преподаватель,
факультет глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: annachtch@mail.ru

A.Ya. Shcherbakova. Leadership of Russia in Security Field in the East

Abstract. *The article analyzes changes in the contemporary world order: transition to a multipolar structure and the non-strict hierarchy of international players, pretending to become the center of power in the system of international relations, reinforcing their positions and creating various alliances and units (SCO, BRICS, ASEAN, etc.). The article states that Russia has taken the course to the East, strengthening partnership with Asian countries, and studies measures Russia should take to successfully integrate into the region and gain confidence of the South-Eastern neighbours.*

Keywords: *security, foreign policy, international order, leadership, center of power, collaboration, SCO, ASEAN.*

Shcherbakova Anna Yaroslavovna – Assistant Professor,
Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: annachtch@mail.ru

Вопрос об управлении мировым пространством становится все более актуальным в современном мире. Подорванная безопасность, высокий уровень угрозы глобальных проблем и в целом возросшая нестабильность системы международных отношений являются причинами для беспокойства.

В настоящее время новые центры силы укрепляют свои позиции на мировой арене. Они соперничают между собой как за доступ к природным ресурсам, так и за мировое влияние [10, с. 277]. В отличие от предыдущих систем организации мирового пространства, сегодня регулирование основывается не только на индивидуальном лидерстве, но и на совокупности международных институтов.

В современном мире в дополнение к международным институтам складывается многосторонняя дипломатия в виде неформального глобального лидерства ведущих мировых держав и межгосударственных объединений, позволяющая по-своему решить проблему управляемости мира. В отсутствие механизмов глобального управления и контроля над процессами глобализации коллективное лидерство может стать адекватным средством упорядочивания мировой системы [11, с. 37].

Растет число организаций различных по уровню и охвату действия. На первый план выходят объединения и организации, не имеющие постоянного административного органа и четкой структуры, в которых председательство передается ежегодно от одного члена к другому: БРИКС, ШОС, АСЕАН и т.д.

Мировое лидерство имеет большое значение в изучении вопроса регулирования международным сообществом. На наш взгляд, облик международных отношений зависит от положения и вовлеченности сверхдержав в мировую политику [10, с. 278]. Основным признаком страны-лидера остается его роль в упорядочивании системы международных отношений. Пока рычаги мирового правительства сосредоточены в руках одной державы, которая планомерно подавляет другие [11, с. 35].

Согласно многочисленным прогнозам, на протяжении следующих 15–20 лет структура международных отношений продолжит усложняться и существующая сегодня нестабильность в мире сохранится. Между тем Россия получает невероятную возможность продемонстрировать и реализовать свой потенциал по обеспечению системы глобальной безопасности и положить начало новому витку сотрудничества в этом аспекте мировой политики – по отношению к азиатским странам [2, с. 5].

Европейская часть континента перестает быть доминирующим регионом. Всеохватывающие процессы глобализации привели к бурному развитию государств с восточной и южной сторон России – Китая, Индии, Южной Кореи, Индонезии, Филиппин и др. Теперь Россия находится между двумя центрами силы – Западом и Востоком. С одной стороны, она политически самодоста-

точна, с другой – она крайне неравномерно и мало населена для того чтобы действовать в одиночку [2, с. 10].

Но лидер – это не только тот, кто устанавливает международный порядок, но и тот, кто обеспечивает безопасность. По мере того как геополитический центр политического и экономического влияния смещается с запада на восток, возникает необходимость обеспечения безопасности в Азии для поддержания стабильности и развития региона. Восток как никогда нуждается в лидере, который станет своеобразным «гарантом порядка». То есть это должно быть государство с непоколебимым суверенитетом в глазах других.

КНР будет нелегко примерить данную роль, потому как соседние страны не проявляют по отношению к нему должного доверия. Не исключено и то, что таким гарантом безопасности может стать набирающий обороты коллективный орган – ШОС, призванный бороться с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и наркотрафиком. И все же Россия с ее военным и дипломатическим опытом, равной удаленностью от своих главных партнеров, безусловно, имеет все шансы стать ключевым игроком [2, с. 5].

Роль России до недавнего времени была относительно понятной: она была связующим звеном между Западом и Востоком. При этом политически Россия – одно из немногих государств, самодостаточных в плане обороноспособности и осуществляющих самостоятельную внешнеполитическую деятельность, а значит имеющих достаточно большие возможности для маневра [7, с. 27].

Россия обладает самой большой территорией в мире, огромным запасом природных, в том числе энергетических, ресурсов. Россия по-прежнему удерживает позиции энергетической сверхдержавы: в 2010 г. она вернула себе лидерство по объемам экспорта природного газа, а в декабре 2016 г. вышла на первое место по добыче нефти, сместив Саудовскую Аравию [12]. Объема имеющихся запасов топливно-энергетических ресурсов, по скромным подсчетам, хватит на следующие 50 лет (без учета разведки) [8, с. 245]. Пока есть все основания полагать, что в будущем Россия сможет удержать и закрепить позиции сырьевой и энергетической сверхдержавы.

Велик социально-экономический потенциал страны. Согласно данным Всемирного банка, Россия по номинальному значению внутреннего валового продукта находится в первой двадцатке стран [13], вышла на одно из первых мест по золотовалютным резервам. После завершения холодной войны Россия все еще обладает вторым по резервам ядерным арсеналом. Россия также является крупным поставщиком вооружений.

Две основные задачи во внешней политике России: сохранить лидерство на пространстве СНГ (некоторые постсоветские страны его все еще признают) и ослабить влияние США на всей территории Азии.

Россия теперь считает себя не востоком Европы, а севером Большой Евразии [2, с. 6]. Согласно ст. 78 новой Концепции внешней политики РФ 2016 г., которая пришла на смену утратившей силу Концепции 2013 г.: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону» [3, с. 30].

Последние 20 лет идея «поворота на Восток» является приоритетом во внешнеполитической деятельности России. В связи с этим ставятся задачи по экономическому и социальному развитию Дальнего Востока, интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион и налаживанию связей с азиатскими странами. Россия состоит во многих организациях и форумах, созданных на его пространстве: АТЭС, Восточноазиатский саммит, ШОС и др. На этом пути возникает немало трудностей: столкновение экономических и политических интересов, несовпадение стратегических задач стран региона, проблемы двусторонних отношений и т.п. [4, с. 31].

Потеря лидирующих позиций Западом дает возможность закрепиться на международной арене альтернативным объединениям – БРИКС, ШОС, АСЕАН [3; 7]. Инициативу Большой семерки перехватывают другие лидеры – Си Цзиньпин, Владимир Путин, Джоко Видодо, Родриго Роа Дутерте.

Бесспорно, Россия играет большую роль на глобальном уровне, что влечет столкновение интересов с другими серьезными игроками, однако в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в который входит Россия, ее вес незначителен. Противоположная ситуация с Китайской Народной Республикой. В АТР, где сосредоточены ее внешнеполитические приоритеты, она занимает лидирующие позиции наравне с США [7, с. 27]. При этом роль Китая в глобальной политике достаточно скромная, однако она постепенно возрастает. И это уже в скором времени позволит Китаю выйти на совершенно другой уровень принятия стратегически важных решений.

Две главные силы России на Востоке – энергоресурсы в Азии и Тихоокеанский флот. Первая, по большей степени, вынужденно, уже в полной мере используется Россией в условиях политической конфронтации с Европейским союзом, основным потребителем российских энергоресурсов. Усиление военного присутствия также является частью поворота российских внешнеполитических сил на Восток. Российский флот на Тихом океане в данный момент полностью обновляется в соответствии с современными вызовами и угрозами. Уже на протяжении нескольких лет Тихоокеанский флот России активно взаимодействует с Китаем, проводя совместные военные учения, в том числе морские [7, с. 28].

Свои интересы Россия намерена продвигать и реализовывать на полях Шанхайской организации сотрудничества. Сегодня ШОС рассматривается Россией как организация с большим потенциалом, в рамках которой создается модель многовекторного, взаимовыгодного межгосударственного партнерства. Модель, к которой в скором времени, возможно, придет весь мир. Акцент на взаимодействие с участниками Организации ставится и в ст. 79 Концепции внешней политики РФ: «Россия считает важным дальнейшее укрепление позиций ШОС в региональных и глобальных делах и расширение ее состава, выступает за наращивание политического и экономического потенциала ШОС, осуществление в ее рамках практических мер, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центральной Азии» [3, с. 30].

Основные двигатели ШОС – Китай и Россия – способствуют укреплению роли этой организации на евразийском континенте. Некоторые авторы утверждают [8, с. 248], что интересы России и Китая находят гармоничное сочетание именно в ШОС. И с этим нельзя поспорить, потому что более тесных контактов (помимо БРИКС) эти два государства не имеют между собой нигде. Участие в развитии ШОС конкретно для нашей страны является очень результативным: увеличивается российский потенциал и приумножается роль России в международной политике.

Согласно официальным данным, в настоящее время отношения между Россией и Китаем находятся в наивысшей точке развития за всю историю их существования. Это утверждение подкрепляется Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанным 16 июля 2001 года [5, с. 148]. Для России КНР, вторая экономика мира, – хороший партнер для сотрудничества в развитии своей экономики.

Отметим, что Китай зажат в тиски военным альянсом США и Японии. Так что его первоочередная задача – прорыв через эту стратегическую блокаду. Сотрудничество Китая и РФ кажется неизбежным, поскольку действия России так же, как и КНР, ограничиваются НАТО. Для экономического процветания Китай нуждается в стабильных поставках энергетических ресурсов, поэтому он стремится найти для себя долгосрочного партнера, каким представляется Россия [6, с. 113].

В ст. 84 Концепции внешней политики РФ отмечается, что «Россия продолжит наращивать всеобъемлющее, равноправное, доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой, активно развивать сотрудничество с ней во всех областях. Совпадение принципиальных подходов двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на

различных направлениях, включая противодействие новым вызовам и угрозам, решение острых региональных и глобальных проблем, сотрудничество в международных организациях и многосторонних объединениях» [3, с. 31].

Два важных проекта транспортных транзитов – «Экономический пояс Шёлкового пути» со стороны Китая, Транссиб и БАМ со стороны России – способны обеспечить доход, сопоставимый с прибылью от продаж энергоресурсов.

Пекин нуждается в обеспечении региональной безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Угрозу стабильности Центральной Азии представляет террористическая активность Исламского движения Восточного Туркестана, что беспокоит Китай. Россия при этом опять-таки оказывается хорошим партнером, так как сама заинтересована в безопасности соседних территорий. Она единственная, кто обладает эффективным военно-политическим инструментом для решения данного вопроса. Речь идет об Организации Договора о коллективной безопасности по укреплению мировой стабильности.

Россия и КНР представляют разные весовые категории в зависимости от региона и решаемой проблемы. Воплощение совместного стратегического потенциала и эффективность сотрудничества пока остается лишь в планах на будущее [7, с. 29].

Россия еще должна завоевать доверие у восточных стран. Азии никогда не были интересны сомневающиеся и долго раздумывающие партнеры. Там оценивают уверенность, успешность и результативность. Поэтому для того чтобы наладить партнерские отношения с Азией, России придется принять ее правила игры. Россия не может отказаться от концепции «евразийского партнерства», закрепляющей за ней лидирующую роль в процессе создания нового геополитического и геоэкономического пространства с участием ШОС и АСЕАН [9, с. 18].

В современном мире наблюдается размывание мирового потенциала власти. Попытки западных государств, и прежде всего США, сохранить свои позиции и проведение политики сдерживания набирающих мощь центров силы приводят к эскалации турбулентности в международных отношениях как на региональном, так и на глобальном уровнях. Соперничество старых и новых игроков, стремящихся доминировать в вопросе формирования мировой повестки дня и принципов структурирования новой картины мира, – тренд нынешнего этапа глобального развития.

Восточное направление для России при сложившихся обстоятельствах становится, по-видимому, единственно правильным в геополитическом плане. Ключевым внешним источником развития России уже на протяжении нескольких лет является взаимодействие с Китаем. Современные отношения между Россией и Китаем на официальном уровне определяются как доверительное равноправное партнерство и стратегическое взаимодействие. Одной

из приоритетных целей политики России на Востоке должно стать упрочнение ее позиций на Тихом океане. «Поворот на Восток» во внешнеполитическом плане, а также развитие Сибири и Дальнего Востока являются определяющими вопросами для сохранения не только международного статуса, но и суверенитета.

России еще предстоит долгий путь интеграции с Востоком. Для того чтобы обрести лидерство в сфере безопасности в этом регионе, России необходимо не только доказать независимость внешней политики, но и создать доверительные отношения с азиатскими странами.

Библиография

1. Безруков А. Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике. 2017. № 1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 (Дата обращения: 26.06.2017.)

2. Безруков А., Сушенцев А. Контуры тревожного будущего // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Kontury-trevozhnogo-buduschego-17635 (Дата обращения: 26.06.2017.)

3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/ (Дата обращения: 26.01.2017.)

4. Ларин В. Не потерять направление // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-poteryat-napravlenie-17643 (Дата обращения: 26.06.2017.)

5. Лихачёв В. Россия и Китай: Вектор международного права // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 148–156.

6. Лян Хун И. Политика добрососедства между Китаем и Россией: Состояние и перспективы // Мир перемен. 2015. № 3. С. 112–125.

7. Новиков Д. Неравнобедренный треугольник // Россия в глобальной политике. 2015. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Neravnobedrennyi-treugolnik-17499 (Дата обращения: 26.06.2017.)

8. Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М.: Издательский дом «Наука», 2014. 382 с.

9. Толорая Г. Две головы российского орла // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Dve-golovy-rossiiskogo-orla-18479 (Дата обращения: 26.06.2017.)

10. Щербакова А.Я. Вопрос управляемости мировыми процессами в условиях глобализации // Сборник научных трудов участников IV Международной научной конференции «Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества». М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2016. С. 276–278.

11. Щербакова А.Я. Вопросы регулирования мирового пространства в XXI веке // Обозреватель-Observer. 2016. № 8 (319). С. 30–38.

12. Analytical organization Joint Organization Data Initiative URL: http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx (Дата обращения: 20.02.2017.)

13. Gross domestic product, nominal // The World Bank data. URL: http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf (Дата обращения: 20.02.2017.)

References

Analytical organization Joint Organization Data Initiative URL: http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx (Data obrashcheniya: 20.02.2017.)

Bezrukov A. Spasti i sohranit' // Rossiya v global'noj politike. 2017. N 1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 (Data obrashcheniya: 26.06.2017.)

Bezrukov A., Sushencev A. Kontury trevozhnogo budushchego // Rossiya v global'noj politike. 2015. N 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Kontury-trevozhnogo-buduschego-17635 (Data obrashcheniya: 26.06.2017.)

Gross domestic product, nominal // The World Bank data. URL: http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf (Data obrashcheniya: 20.02.2017.)

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 2016 g. N 640 // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii. URL: http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/ (Data obrashcheniya: 26.01.2017.)

Larin V. Ne poteryat' napravlenie // Rossiya v global'noj politike. 2015. N 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-poteryat-napravlenie-17643 (Data obrashcheniya: 26.06.2017.)

Lihachev V. Rossiya i Kitaj: Vektor mezhdunarodnogo prava // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. N 10. P. 148–156.

Lyan Hun I. Politika dobrososedstva mezhdu Kitaem i Rossiej: Sostoyanie i perspektivy // Mir peremen. 2015. N 3. P. 112–125.

Novikov D. Neravnobedrennyj treugol'nik // Rossiya v global'noj politike. 2015. N 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Neravnobedrennyi-treugolnik-17499 (Data obrashcheniya: 26.06.2017.)

Sadovnichij V.A., Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S.YU. Kompleksnoe modelirovanie i prognozirovanie razvitiya stran BRIKS v kontekste mirovoj dinamiki. Moscow: Izdatel'skij dom «Nauka», 2014. 382 p.

Shcherbakova A.Ya. Vopros upravlyaemosti mirovymi processami v usloviyah globalizacii // Sbornik nauchnyh trudov uchastnikov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Global'nye processy i novye formaty mnogostoronnego sotrudnichestva». Moscow: Mezhregional'naya obshchestvennaya organizaciya sodejstviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'eva, 2016. P. 276–278.

Shcherbakova A.Ya. Voprosy regulirovaniya mirovogo prostranstva v XXI veke // Obozrevatel'-Observer. 2016. N 8 (319). P. 30–38.

Toloraya G. Dve golovy rossijskogo orla // Rossiya v global'noj politike. 2016. N 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Dve-golovy-rossiiskogo-orla-18479 (Data obrashcheniya: 26.06.2017.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Ю.С. Пивоваров

ХУДОЖНИК ГИТЛЕР: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Аннотация. *Автор не согласен со статьей Дм. Быкова «Писатель Ленин», опубликованной в журнале «Дилетант» (2017. № 15). Делается вывод о том, что невозможно оценивать этого исторического деятеля как литератора-публициста, не учитывая ту роль, которую Ленин сыграл в истории России.*

Ключевые слова: *В.И. Ленин, революция, журнал «Дилетант».*

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН,
научный руководитель Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.

Yu.S. Pivovarov. Hitler Was a Painter: Polemical Notes

Abstract. *The author argues with Dm. Bykov, the author of the article «The Writer Lenin» («Diletant». 2017. № 15) and insists that it is impossible to assess Lenin as a writer ignoring Lenin's role in Russian's history.*

Keywords: *V.I. Lenin, revolution, the magazine «Diletant».*

Pivovarov Yury Sergeyevich – Academician of RAS,
scientific Director of the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow.

Как всегда, то, что пишет Дмитрий Быков, талантливо. Его книга о Пастернаке (ЖЗЛ) гениальна. И эссе «Писатель Ленин» [1] не только блестяще, но и, как говорил А.К. Толстой, «против течения». Ведь еще совсем недавно казалось: его забыли. В отличие от «чудесного грузина»...

Сам факт: Ленин в портретной галерее писателей[1]. То есть Ленин – писатель. Поговорим о нем, как о writer, предлагает автор. Тем самым, «герой»

1. В каждом номере этого журнала Дм. Быков публикует эссе, посвященные писателям.

изымается из наличного исторического процесса и помещается в мир писателей. Анализируются его стиль, его пряморечие, его интеллектуализм. Кстати (или нет), Дм. Быков напоминает нам, что сам Ленин на «вопрос о роли занятий, отвечал “литератор”» (не знаю почему, но я слышу в этом слове нечто хлестаковское).

Дм. Быков говорит: «Сам не расстреливал, хотя и давал подобные рекомендации, а то и приказы, – потому, вероятно, что с живыми людьми дела не имел и искренне полагал, что человека расстрелять не трудней, чем зачеркнуть слово. Люди вербальной культуры – они такие». Все? Писатель Быков тоже? «Давать рекомендации к расстрелу» – это как? Да все просто: «с живыми людьми дела не имел». Это точно – имел с расстрелянными. А «слово зачеркнуть» – как правку в текст внести. Писатель же.

Но я не хочу ёрничать. Во-первых, повторю, потому, что нередко восхищаюсь Дм. Быковым. А его «Пастернак», еще раз, событие. Во-вторых, что важнее, понимание Ленина является обязательной задачей русского сознания. И это подтверждает публикация в «Дилетанте» (а на обложке этого номера Николай II, которого Ленин убил; знаменательна запись под портретом императора – «Человек не на своем месте», в пандан к ней мы узнаем, что человеком на своем месте был писатель Ленин).

Но прежде чем сказать *своё*, приведу и прокомментирую сказанное Дм. Быковым.

«Сложнее с Лениным, поскольку фигуры, сопоставимой с ним по масштабу, в восьмидесятые-девяностые так и не появилось; вообще неясно, что это было такое». Действительно сопоставимой фигуры не было. И не в моем (об этом дальше), а в быковском смысле. *Таких* не было. Были: новые – Горбачёв, Ельцин; раньше – Солженицын, Сахаров. Это – так, по «верхам». Список иных «несопоставимых» в общем известен. Лишь одно сразу имя – Анатолий Тихонович Марченко. Если у немцев есть граф фон Штауффенберг, у нас – он. И при всем моем восхищении героем июля 44-го, Марченко – для меня убедительнее.

«В сущности, он только и делал, что писал, причем в разных жанрах: прокламации, газетные статьи, теоретические работы, литературную критику, полемику, декреты, записки на заседаниях, пустословных и всегда его бесивших; ничего, кроме этих слов, и не было». – Жалко Ленина, ему приходилось вести пустословные заседания, они «бесили» его. Видимо, отрывали от чего-то более важного. Чего: ну, наверное, от распоряжений об убийствах? Классовых врагов, «кадетов», буржуазии, попов, офицеров, кулаков... Эти «пустословные заседания»!

«...На всей Земле, но в России особенно, весьма трудно разграничить, где кончается историческая воля конкретного лица и начинается закон истории, который подминает и раскатывает самого пассионарного лидера. Цикличе-

ская история России воспользовалась Лениным, хотя сначала он воспользовался ею; будем откровенны: в падении монархии его роль пренебрежимо мала, это сделалось без его участия, но он был первым, кто не побоялся взять ответственность за лавину. Действия Ленина отчасти напоминают тактику ИГИЛ, запрещенного в России и берущего на себя ответственность за все, что его радует или совпадает с его интересами. Ленин, правда, теоретически осуждал теракты, но в быту не мог сдержать радости, когда ему о них сообщали». – Какое же наслаждение читать Дм. Быкова! Всего несколько фраз, а сколько нового! Оказывается, существует «закон истории», который может сделать что угодно не только с нами, но и с «пассионарным лидером». Тем самым, с него (нас) снимается всякая ответственность за содеянное. Так что не трогайте пассионария (и нас) – с «законом истории» не поспоришь. Правда, (шепотом, робко) тянет спросить: что за «закон истории», кто его Законодатель? Неужели все дело в (не)соответствии развития производительных сил производственным отношениям? Или, страшно сказать, имеется в виду телеологичность исторического процесса? От этих вопросов аж дух захватывает. И наш пассионарный лидер превращается в бедного Акакия Акакиевича (кстати, отчасти он воображен таким Солженицыным. – «Ленин в Цюрихе»; здесь главное «отчасти», Ильич дан Исаичем гораздо многомернее...). Его даже немного жаль. Попал-таки под каток «закона истории».

К сожалению, Дм. Быков не дает хотя бы намека: почему особенно в России «трудно разграничить, где кончается историческая воля конкретного лица и начинается закон истории». Остается гадать – то ли мы народ-богоносец, то ли слабое звено в цепи, то ли, как говорил Хлебников: «Русь, ты вся поцелуй на морозе». Ладно, не будем придираться к «неизъяснимому».

Мы и так получаем море новой информации. Оказывается, у России циклическая история. Жаль, что это смелое историософское утверждение не раскрывается. Есть ли история отечества колода циклов, где один сменяет другой и все они разные? Или цикл идет за циклом по кругу, как времена года? Или Дм. Быков полагает, что все не ново под луной? Что было встарь, то повторится вновь? И это тот самый «закон истории»? Особенно проявляющий себя в России?

Меня, как читателя, всегда инспирировало умение авторов говорить «таинственно», как бы прикрывая саму мысль, оставляя для нас возможность, пространство для до-мысла, для усилия понять. Именно так возникает энергетическая связь между текстом и вкушающим его. – Вот наглядный пример загадочности: «Циклическая история России воспользовалась Лениным, хотя сначала он воспользовался ею...» Прочтя это, я сразу же был охвачен ознобом понимания. Что *именно* хотел сказать Дм. Быков? Неужели Ленину удалось поматросить циклический закон русской истории («поматросить» звучит двусмысленно: матрос – один из центральных символов Семнадцатого года)?

А затем этот самый закон поматросил Ленина (вновь двусмысленно: матросы Кронштадта в Двадцать первом заставили пассионарного лидера отказаться от наиболее людоедских приемов)? Или Дм. Быков полагает следующее: Ленин, для обделывания своих дел, сумел воспользоваться приходом очередной, циклической Смуты, но позже циклическая Смута воспользовалась Лениным? Дух захватывает на высоте этой историософии.

Но Дм. Быков не забывает и о конкретике. Нам сообщается ошеломительная новость: не Ленин сломал хребет монархии. Она пала практически без его участия. А я по-прежнему грешным делом был уверен: ниточки переворота тянулись в Цюрих, где маялся Главный распорядитель. И все эти мартовские клоуны играли в его кукольном театре... Оказывается, нет.

Из других новостей: «Действия Ленина отчасти напоминают тактику ИГИЛ, запрещенного в России...» Поразительная по точности метафора! Только Ленин предшествовал этим головорезам. Тем не менее эта характеристика много проясняет в вожде большевиков. Как, впрочем, и следующее сообщение: «Ленин... теоретически осуждал теракты, но в быту не мог сдержать радости, когда ему о них сообщали». – Сразу же вспоминается сцена из фильма «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди», в которой глава русской мафии в Америке Актер (в прекрасном исполнении А. Мягкова) на встречах со своими подельниками перевоплощается в Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева. Как заразительно радостно смеется Актер-Ленин, когда Революционный матрос, докладывая ему о совершенном убийстве, произносит: одна нога убитого там, в Чикаго, а другая здесь, в Нью-Йорке. Действительно, тотальная радость от убийства.

Вообще мне всегда казалось, что в смехе, радости человек раскрывается. Отчего ему радостно, что смешно. Это многое в нем объясняет. Два эпизода: утром 6 января 1918 г. в кабинете Ленина Раскольников и Дыбенко рассказывали о разгоне Учредительного собрания. Ленин, сощурив карие глаза, сразу развеселился, а услышав, что Чернов «не сделал ни малейшей попытки сопротивления», глубоко откинулся в кресло и «долго и заразительно смеялся» [цит. по: 4, с. 21].

После покушения на Ленина в 1918 г. между видными большевиками состоялся разговор. Вот фрагмент из него. «*Петровский* ... Сразу же после Октября декрет об отмене смертной казни. *Коллонтай*. А Вы помните, как отреагировал на это Ильич? Как он расхохотался. Я отлично помню его слова! “Как же можно совершать революцию без расстрелов? ...”» [цит. по: 2, с. 147].

Добавим: Ленин теоретически осуждал индивидуальные теракты (убить министра, губернатора, полицейского), но был непревзойденным теоретиком и практиком массового террора, или, как ему нравилось формулировать: «массовидного террора».

Дм. Быков с надеждой и одновременно печалью предрекает России «новую перестройку». И печаль его связана с тем, что он не уверен: «останутся ли... хоть какие-то ресурсы для серьезной полемики». О чем? О путях развития страны? – Да нет, конечно. Есть вещи поважнее – «долгую жизнь товарища Ленина придется писать и описывать заново». Как видим, завет Маяковского не забыт. Более того, он обладает для нашего будущего смыслообразующей силой. А пока еще эти благословенные времена не настали, мечтается: «Тогда можно будет некоторые вещи назвать вслух, не опасаясь получить ярлык русофоба или клеймо расстрельщика; тогда историческая истина будет устанавливаться по цитатам и документам, а не по указке начальства».

Интересно: почему сегодня-то нельзя «некоторые вещи назвать вслух»? И что это за «вещи», которые чреваты репутацией «русофоба» и «расстрельщика»? Еще вопрос: кто в наши дни мешает устанавливать историческую истину «по цитатам и документам»? У начальства свои дела, у нас свои.

Далее дается ответ на эти вопрошания: «Тогда ... станет ... ясно, что Ленин – подобно Петру, с которым он был типологически схож, – пытался сломать матрицу русской истории, но не преуспел и принялся истреблять население; у Петра был тот же грех». – Несмотря на «истреблять» и «грех», написано с уважением. Мол, в целом дело неплохое – «сломать матрицу русской истории» (вот бы мне знать, какая у нас матрица; предположу: по Дм. Быкову, это некая формула русской жизни, которая «консервирует» Россию в том виде, который для автора биографии Пастернака неприемлем). Здесь следует обратить внимание на глаголы «не преуспел и принялся». А если бы «преуспел», то не «принялся»? Получается, что «матрица» отдельно и «население» отдельно. Живет себе «население» – поживает, а Петр и Ленин ломают какую-то матрицу. Хорошо и слово «население»; истребляли эту «статистику», а не людей, народ.

Вдруг вспоминается где-то читанное, слышанное: Сталин, посмотрев «Ивана Грозного» Эйзенштейна, по «странной филлиации идей» (выражение Л. Толстого) сожалел: «Эх, Петруха не дорубил». Говоря прямо, «истреблять население» и есть ломать «матрицу русской истории». Массово, интенсивно «истреблять население» является не следствием чего-то, что не получилось, но преступным содержанием теории и практики ленинизма – большевизма. Попытка обнаружить хоть какие-то «резоны» в словах и деятельности Ленина оскорбляют память миллионов жертв.

Понимает ли это Дм. Быков? – Хотелось бы думать, что нет... Зато он пускается развивать свою символическую историософию, в которой писателю Ленину отведена одна из ключевых ролей. «Россию многие пытаются переделать и, обманываясь покорностью населения, сами не замечают, как увязают в огромном, густонаселенном (а я-то всегда считал, что проблема

России в малонаселенности, земли много, людей мало. – *Ю. П.*) и по-своему прекрасном болоте; тогда они начинают это болото выжигать, но кончают тем, что погружаются в него и там консервируются. В болотах ведь мумифицируются трупы, это широко известный факт, и то, что после смерти случилось с Лениным, нагляднейшим образом иллюстрирует Божий замысел о России».

Остановимся здесь. Россия – «прекрасное болото». Но почему-то «реформаторы» (Петр, Ленин, кто еще?), не сумев переделать отечество, начинают «прекрасное болото» выжигать. А зачем? Оно же прекрасно, к тому же Россия – «болото». Где тогда жить? Но потом «реформаторы» погружаются в это болото и «там консервируются». Кто погрузился? Петр? Каким образом? Где приметы его «консервации»? Ленин? Тем, что его «труп мумифицировался»? При чем здесь «болото»? Это было решение его соратников. Но Дм. Быков полагает, что это «иллюстрация Божьего замысла о России». – Ну, во-первых, что мы можем знать о Божьем замысле. Нескромно как-то (сегодня об этом неловко читать даже у Вл. Соловьёва, Бердяева и других наших великих выдумщиков). Во-вторых, неужели мавзолейный затворник есть замысел Создателя о нас? Какое нестерпимое Богохульство! И это о Том, кто «в рабском виде ... исходил, благословляя» русскую землю.

И вообще, даже метафорически, Россия – не «болото».

Автор же писательской галереи «Дилетанта» продолжает: «Ленин многое сделал для того, чтобы Россия выскочила из круга, – но круг оказался сильней; большая часть птенцов ленинского гнезда разделила участь петровских соратников. Надежда победить этот цикл путем окончательного заболачивания территории и погружения всей фауны в летаргию сейчас тоже обречена, так что, по всей видимости, еще один круг мы пройдем; на этом этапе новая вспышка интереса к Ленину неизбежна. Вот тогда, когда дискуссия о советском и русском станет наконец возможна – и можно будет говорить об этой русской матрице без страха подпасть под очередную кампанию, – многое станет понятнее».

Насыщенно. Теперь ясно: Россия ходит по кругу. Вот ее участь. Вырваться не удается. Русская матрица довлеет всему. И почему-то в будущем, т.е. на определенном отрезке круга, «неизбежна вспышка интереса к Ленину». И тогда уже можно будет не бояться. – Кстати, «птенцы ленинского гнезда» и «петровские соратники» – несравнимые явления. Здесь их уподобление – пусть даже через гибель – не проясняет сущности, но наводит тень на плетень. Что мы получим, если смотреть на судьбу Троцкого и Зиновьева через призму Меншикова и Остермана? К тому же «чудесный грузин» уничтожил ленинцев как «класс» (доживи бы писатель Ленин до тридцатых, то и его бы, не исключено, объявили «врагом народа»; не в устах сталинских убийц,

но по большому счету он таковым и был). Все-таки, даже с учетом большой крови, до воцарения Елизаветы петровцев тотально не перебили.

Как и многие (я в их числе), Дм. Быков противопоставляет «советское» – «русскому». И все его симпатии, разумеется, на стороне «советского», главным персонификатором которого был писатель Ленин. Сторонниками же «русского» назначаются некие «консерваторы» (думаю, уместнее было бы назвать их погромщиками).

«... Для консерваторов ... русское лучше советского; советское для них отождествляется с еврейским и революционным ... Эти нынешние идеологи обожают именно ту Святую Русь, о которой говорил Блок, – “кондовую, избяную, толстозадую”. Вот так! “Толстозадая” Святая Русь. Это похлеще, чем “пархатые казаки” из сериала про Штирлица. Хочу напомнить замечательному писателю, что Святая Русь в разные времена и у разных мыслителей имела разнообразные коннотации. Но в целом это была воздушная мечта русского человека о своей земле и себе. Воздушная, как воздушны иконы св. Андрея Рублева или учение нестяжателей. А еще Святая Русь – цветущий сад, вертоград. Как псковские, нижегородские, калужские, вологодские монастыри. В предреволюционное время эта мечта нашла свое гениальное выражение в новаторских стилизациях Нестерова, как будто выросших из многостолетнего молитвенного опыта наших людей и новейшего (тогда) психологизма отечественной литературы. Не менее убедительна Святая Русь в поэзии Блока; это который про “кондовую, избяную, толстозадую”. – “Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне”. “О, Русь моя, жена моя” (и вообще весь цикл “На Куликовом поле”). Искренность и сила этой мечты просвечивает и в кощунственно-безответственных “Двенадцати”. Пожалуй, даже спасает поэму».

И еще напомню замечательному писателю и несравненному (на сегодня) знатоку русской литературы, что она во многом (не во всем и не вся) вдохновлялась алканием Святой Руси (Томас Манн об отечественной словесности – «святая литература»). Это одно из главных ее целеполаганий. – Другое дело, что наличная Россия (в прошлом, настоящем, будущем) не может быть сведена к мечте о Святой Руси. Более того, погромщики разных сортов и времен пытались (ныне тоже) приспособить ее к своим зловещим фантазиям. Ну, это как гуманизм в ленинизме, – они не уживаются.

«Ленин все это (“кондовость, избяность, толстозадость”. – *Ю. П.*) ненавидел, и житель сегодняшней России может его понять; не может он понять другого – того, чем эта попытка закончилась. Оказалось, что никакая диктатура пролетариата не отменит русского движения по кругу и не сделает население гражданами. Просвещение тоже плохо помогает, хотя наследники Ильича – шестидесятники – и пытались паллиативными средствами преодолеть местную косность... Поиск нового пути – вечное ленинское “Мы пойдем

другим путем" – остается насущной задачей новой русской жизни, которая неизбежно настанет после очередной и, кажется, последней реакции. Иногда мне кажется, что Россия не перестанет быть "такой", пока не перестанет быть Россией; бывают у меня более оптимистические выводы».

Вопросы к автору. Почему житель современной России может понять ненависть Ленина к Святой Руси (в версии Дм. Быкова)? Наша страна (якобы), как всегда, ходит по кругу, даже ленинская диктатура не смогла ее сбить с этой траектории. Чего ж тогда понимать «ненависть» Ленина? Ведь если у него (!) не получилось, кто иной в состоянии!? – Нет, категорически не вижу оснований для солидарности с его ненавистью. Далее. Почему просвещение плохо помогает преодолеть косность? Замечено – везде помогает. В каком смысле шестидесятники – «наследники Ильича». Ведь если у писателя Ленина отжать абсолютно декларативный (к ленинской практике не имеющий никакого отношения) гуманизм и прочие прогрессистские штучки-дрючки, останутся террор, казарма, тюрьма и т.п. Это суть ленинизма. Остальное, как говорил Александр Галич, – «это рыжий все на публику». Неужели Дм. Быков согласен быть «публикой» *этого* «рыжего»? У нас же есть свой рыжий, которому настоящие наследники Ильича делали биографию!

Шестидесятники здесь ни при чем. Они были воплощением протеста против террора, казармы, тюрьмы и т.п. Окуджава, Хуциев, «Современник», «Таганка», Визбор, Аксенов и многие другие – русский ответ на кровавые экзерцисы «кремлевского мечтателя». А то, что они наивно противопоставляли «хорошего» Ленина «плохому» Сталину, объясняется тем, что в наличных обстоятельствах того времени это было единственно возможной и доступной гласной формой выражения антидиктаторского, гуманистического и либерального смысла. К тому же не у всех «хороший» Ленин проявлялся интенсивно, да и вскорости эта иллюзия и одновременно «хитрый ход» были отброшены. Это – главное. Не помешало же, не обмануло В.В. Набокова: «Комиссары в пыльных шлемах». Именно за это стихотворение он назвал Окуджаву «несравненным русским гением». Справедливо.

Но не только мы, и Дм. Быков тоже, готовы к широкой интерпретации русских сюжетов. Иногда ему кажется, что Россия должна отказаться от себя, чтобы перестать быть «такой» – столетиями ходящей по кругу, «кондовой, избяной, толстозадой», Святой Русью. Хочешь преодолеть злой рок, никуда негодную матрицу, исчезни. – В полном ужасе наивно спрашиваю: чего же будет, если уже ничего не будет? А может и вправду ради преодоления «такой» России пора «перестать быть» Россией? И подобные «мне кажется» бывают и у Дм. Быкова. Иногда же он более оптимистичен. К сожалению, в чем его оптимизм, в тексте не расшифровывается.

Остается лишь предполагать, что этот вариант будущего России не столь радикально антагонистичен ее истории и настоящему.

Здесь Дм. Быков предупреждает своих читателей. «Но все это мы сейчас проговариваем только для того, чтобы больше не возвращаться к дискуссиям о Ленине-политике, о его намерениях, о результатах Октябрьского переворота, который опять-таки многим кажется неизбежным следствием Февраля, и не Ленин тут принимал решение, а хронический русский сюжет, который людьми разыгрывается помимо их воли». Выходит, что весь сыр-бор о «толстозадой» Святой Руси связан лишь с желанием перестать обсуждать роль писателя Ленина (все время забываю – он же литератор, он же публицист) в Революции. И не надо обсуждать «результат Октябрьского переворота». «Не Ленин тут принимал решение» (а кто же: может, Сталин? да вроде, он сыграл решающую роль? если почитать – Е-Сарионыча и написанное при нем; наш – Троцкий? да, если почитать этого «Иудушку» и написанное при нем).

Нет, это мои интеллигентские шуточки. Октябрьским переворотом командовал «хронический русский сюжет». Люди же «разыграли» этот сюжет «помимо их воли». Актеры вроде бы и не хотели, но Режиссер сказал: играть. Странно только слово «хронический». Неужели схоже с «хроническим заболеванием (болезнью)». Значит «русский сюжет» постоянно болен. И перестаньте спрашивать о результатах Октября у Ленина. Он-то здесь при чем? Заставили.

Да еще Февраль виноват. Ведь «многим» Октябрь «кажется неизбежным следствием Февраля». Конечно, конечно, это понятный намек на то, что Февраль делал (сделал) что-то такое, без чего Октября бы и не было. Так полагал Лев Троцкий, так в наши дни разумел Александр Солженицын. Я не согласен, но в моих комментариях к эссе Дм. Быкова нет места для полемики по этому вопросу. Скажу лишь одно: в контексте рассуждений автора «Писателя Ленина» это вполне явное указание на то, что в Октябре повинен не только русский сюжет, но и русские либералы, безответственно сотворившие Февраль. И это правильно: за бедствия России несут ответственность «русская матрица» («русский сюжет», «толстозадая» Святая Русь) и русские либералы (от них-то нити куда ведут?).

Ну, а потом все по мелочи. Дм. Быков задает «более узкий вопрос: каким образом во главе этого самого революционного движения оказался именно публицист?» – Могу ответить: публицист здесь не при делах, все определил «хронический русский сюжет», который «людьми разыгрывается помимо их воли». При чем здесь публицист (по Дм. Быкову)? – Речь идет не об этом. Надо просто переключить внимание читателя с Ленина-убийцы «толстозадой» Святой Руси на Ленина-публициста (писателя, литератора). И говорить о нем как о «writer». Автор эссе, хоть и пишет новую лениниану, понимает, что персонаж *неоднозначный* (по мне-то однозначнее не бывает, или, как сказал Осип Мандельштам, «ощетинился убийца-броневик и пулеметчик узко-

лобый»; якобы «сократовский» лоб есть прикид; как итальянский костюм на «скорохватах» последних десятилетий). И допускает даже, что Ленин-публицист «не всегда пользовался... чистыми приемами». Я же думаю, что литератор не знал различия в приемах – и на бумаге, и на практике.

Первый раздел своего текста Дм. Быков заканчивает, видимо, тяжелым для него вопросом. «Вот мы и сидим с его насквозь законспектированным 55-томником, совершенно не понимая, как он все это делал – и повлияла ли вся эта титаническая работа на ход русской истории или была чистой макулатурой». Ну, почему мы не понимаем, «как он все это делал». Понимаем. Он же – публицист, литератор, писатель. Собственно, чем еще до апреля 1917 г. занимался. Что касается влияния его «титанической работы» на ход русской истории, то, согласно Дм. Быкову, этого в принципе быть не могло. У нас всем правит «хронический русский сюжет», «русская матрица», неизбывная «толстозадая» Святая Русь.

Скажу так: начальник, обижаете писателя. Не 55 томов, но все, что он делал (говорил, писал и пр.), повлияло на «ход русской истории». Сломало ей хребет. Он первый в ряду: Троцкий, Сталин, Муссолини, Салазар, Гитлер, Франко, Мао, Ким. Кого еще упустил? Список открытый (к сожалению). Людоеды, мясники, неудавшиеся writers, профессора, военные, редакторы, партизаны, чекисты, студенты Сорбонны...

У Дм. Быкова есть объяснения всему ленинскому. Так, его литературный стиль мог быть «гибче», если бы писатель Ленин не обладал «эпилептоидным складом психики» (был ли Ленин эпилептиком, как нам сообщают, неизвестно). Правда, Достоевский был. И Троцкий. Что общего? Автор заворожен стилем Ленина-публициста. «Речь должна быть прямой и быстрой». У Ильича нет времени, чтобы «рассусоливать». «... Хочет назвать народ рабом – запросто. Либералы – подлецы, царская семья – палачи, соглашатели – предатели, патриоты – пособники убийц, националисты – адвокаты насилия и враги рабочих, черносотенцы – мерзавцы, народники – трусы...» Действительно, большой стилист. Точный и изысканный. Но настоящая литература не может не перейти в музыку. И Дм. Быков цитирует «О национальной гордости великороссов» и – «Вслушайтесь в эту речь – ну просто же музыка, и что ни слово – то в сегодняшние мишени». – Оказывается Ленин пригоден, чтобы и по «сегодняшним мишеням». Каким?

Что же так взволновало Дм. Быкова в этом скрипте? «Откровенные и прикровенные рабы – великороссы (рабы по отношению к царской монархии) «не любят вспоминать» слова Чернышевского о русских – «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы». – А ведь это чернышевско-ленинское не только индульгенция на убийство, но и наводка. Ату его...

Но, мне кажется, дирижерская палочка Дм. Быкова зависает в воздухе. И – разряд, сверху вниз. «Мы полны чувства национальной гордости, ибо

великорусская нация... создала революционный класс,.. доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» (Ленин). – Как же все-таки здорово, что Дм. Быков напоминает нам о ленинском. Погромы, виселицы, застенки, раболепство – все, что так характерно для великороссов, отходит куда-то в никуда, а на их месте: революционный класс, «великие образцы борьбы за свободу и за социализм». И это все о моем народе, переживающем столетнюю катастрофу самоуничтожения...

Дм. Быков продолжает цитировать позорные строки писателя Ленина. Затем вопрошает: «А? Кто так чеканил, так трубил? Пожалуй, только Белинский...» Нет, не Белинский – он иначе и в других условиях. Вышинский, когда зачитывал приговор.

«Ленин пишет... правду». Мне ж сдается, что Ленин и правда (в обыденном, житейском и культурологически-философском смыслах) несовместимы. Как Ленин и любовь, сострадание, ответственность... Правду писал митрополит Иларион. Правду искала Русская Литература и Русская Мысль. Стремлением к правде было движимо великое правозащитное движение шестидесятых-восьмидесятых годов. Ленин не по этой части. Он, скорее, первый правдист. Из той самой газеты, в которой, по известному советскому анекдоту, правды нет.

Впрочем, Дм. Быков особо не настаивает: «...Одной правды недостаточно – этим никого не разбудишь и не удивишь; Ленин обладает другим важнейшим качеством публициста, а именно азартом. ... Вот эта свежесть, кислород, восторг построения нового мира, – это он привнес, это клокочет и пузырится в его текстах первых лет революции... Советская власть не состояла из репрессий, как жаждут нам доказать сегодняшние противники любых сдвигов и модернизаций; советская власть в свои первые годы была временем живого творчества масс. И это творчество не всегда сводилось к расстрелам... и к изобретательным взаимным терзательствам...» – Да, дело не в правде. В азарте. В том, что «клокочет и пузырится». В том «воздухе 1919 года – воздухе ослепительной новизны». Понимаете в чем дело? Воздушный строитель прекрасного нового мира. – Что-что?

Голод, разруха, террор, атмосфера страха и безнадежности, кровавая междоусобица, свирепая, безжалостная диктатура... Как вам не стыдно «сегодняшние противники любых сдвигов и модернизаии»? Что вы все о второстепенном. Сдвиги же, модернизации (я бы на время отказался от употребления этого слова, в большинстве своем оно скрывает глупость, преступность, безответственность)!

Советская власть – не репрессии! Это живое творчество масс! И не всегда это творчество сводилось к расстрелам! – Конечно, не всегда. Взять

в заложники, выдворить из страны, запугать, заморить голодом и холодом, отобрать имущество, отправить в концлагерь (с 1918 года), на принудительные работы, изгнать из должности, лишить рабочего места, записать в категорию «лишенцы» (по Конституции 1918 года все представители (старый и малый) «эксплуататорских» классов – дворянство, буржуазия, чиновничество, священство, офицеры и т.п.) и пр., пр., пр. Сколь отвратительно, когда советскую власть, живое творчество масс редуцируют к расстрелам. Репертуар был шире и убедительнее. Нельзя этого забывать.

Дм. Быков, однако, продолжает: «...Это время, когда после нескольких веков абсолютной забитости народ ощутил себя хозяином страны, увидел грандиозные перспективы, и хотя в очередной раз обманулся – но обманул его не Ленин. Ленин по природе своей менее всего садист, более всего прагматик, и восхищали его в то время не жестокости и радикализм Гражданской войны, а творчество и самоорганизация ... Люди, которые сами взялись за дело и не хотят никакого начальства, – вот его идеал».

Здесь уже перед нами Ленин не писатель, но – политик. Который «не обманул народ». Он сам по себе обманулся. Причем «в очередной раз». Странный русский народ – обманывается и обманывается. А ведь ему впервые за многие столетия «абсолютной забитости» были предоставлены «грандиозные перспективы». – Интересно, Дм. Быков помнит о русских потерях 1917–1922 гг.? Так вот главная персональная вина за эту трагедию лежит на вожде большевиков, «не-садисте», «прагматике» Ленине. Это он раздувал – в высшей степени эффективно – «жестокость и радикализм Гражданской войны». Делал это убежденно и с большим умением. Что касается его идеала – самостоятельные люди без начальства, творчество и самоорганизация, то обманувшийся русский народ точно определил ленинское. ВКП(б) (неважно, что эта публика назвала себя так через год после кончины главаря) – второе крепостное право большевиков. Творчество, самоорганизация...

«...Диктатура пролетариата – которую Ленин полагал не только и не столько насилием, но прежде всего победой нового сознания – оказалась в конце концов лишь новым названием репрессивной практики; да, как он и предсказывал, старое оказалось сильнее нового... Но вертикальная мобильность, которую он обеспечил, не пропала, и культурный взлет СССР в шестидесятые-семидесятые был эхом двадцатых ...» – Во-первых, диктатуру пролетариата Ленин «полагал» только и исключительно насилием безо всяких «буржуазных» юридических ограничений. Во-вторых, и это признает Дм. Быков, диктатура оказалась лишь (т.е. ничего другого не было) «новым названием репрессивной практики». Так, да не так.

Подобной репрессивной практики «толстозадая» Святая Русь за многие столетия своей истории не знала (надеюсь, *никогда* не повторится). В-третьих, тема вертикальной мобильности. Это – верно, на место убитых,

изгнанных, запуганных, уволенных (ну, этих, эксплуататоров) пришли представители бывших низов. Среди них были разные. И «хорошие» и «плохие», «умные» и «глупые». Но – вчитайтесь в биографии ключевых людей России, возникшей из ленинской пятилетки и действовавшей в период сталинской двадцатипятилетки. Очень многие – выходцы из дореволюционной страны. Инженеры, генетики, режиссеры, военоначальники, администраторы, литераторы etc. При этом «вертикальная мобильность» не коснулась, к примеру, дворянских детей. Они были, как уже говорилось, лишенцами.

В-четвертых, если писатель Ленин предсказывал, что «старое... сильнее нового», то зачем кашу заварил? В-пятых, «культурный взлет... в шестидесятых-семидесятых» не «был эхом двадцатых». Он явился выражением новой эпохи – без Сталина, без массового террора, без абсолютной самоизоляции, без тотального господства страха...

«Я не оправдываю Ленина и вообще не выставляю ему оценок», – говорит Дм. Быков. Действительно писатель-публицист-литератор одновременно и «диктатор». В своей полемике «не всегда пользовался чистыми приемами», доходил до «довольно однообразной ругани», «сутяжничал, мелочился, придирался». Порою Ленин даже ставит Дм. Быкова в тупик: «…Повлияла ли вся эта титаническая работа на ход русской истории или была чистой макулатурой»? И вправду, пойди ответь на этот вопрос. В скобках скажу, что конспект 55-томника – титаническая работа. Сама по себе. Даже если это – «макулатура».

Все-таки, наверное, нет. Не «макулатура». Что же? – «...Единственный удачный опыт политической публицистики в России». Как? А: Чаадаев, Герцен, Хомяков, Ив. Киреевский, Самарин, Белинский, Кавелин, Чичерин, Леонтьев, Достоевский, Ив. Аксаков, Михайловский, Вл. Соловьев, Струве, Изгоев, Бердяев, Розанов и т.д. Это – навскидку. Сколько их было до Революции и в эмиграции. Политическая публицистика Солженицына – «глаголом жги сердца людей»...

Еще одна важная тема: Ленин-модернист. «...Явление модерна, холодного, ясного, рационального». Но «модернист» только в «жизни» (видимо, в политике). Модерна в литературе не понимал. Мне не совсем понятно – «модернист в жизни». О чем это? – Дм. Быков объясняет, но не очень убедительно. – «Как всякий материалист, он воспринимал человека лишь как горсть праха. Все физиологическое его сильно отвращало, он стеснялся этого… Думаю, его модернизм, сосредоточенность на интересах дела, кажущаяся бесчеловечность (хотя человечность в нем была, по крайней мере пока он был в здравом уме) – в основе своей имеет брезгливость относительно физиологии, маяковскую ненависть к быту, омерзение к роскоши. Все, что смертно, ему неинтересно. Ни своей, ни чужой смерти он не склонен придавать значение. Революция для него – блестяще решенная математическая

задача; красота – только в безжизненном, и Толстой... был ему близок поздней аскезой, старческой ненавистью к размножению».

Да... Физиологическая брезгливость, человек – горсть праха. Смерть неинтересна, ей не надо придавать значения, красота в безжизненном, поздняя аскеза, старческая ненависть к размножению. Это, получается, и есть «модернист в жизни». Холодно, ясно, рационально.

Дм. Быков, представляется мне, не замечает зловещей комичности сказанного им. Ленин был человечным, пока был в здравом уме. Следовательно, человечности Ленина лишила его болезнь? Тогда это необходимо распространить на всех. Ведь «кажущаяся бесчеловечность» связана с отвращением к физиологии и потерей «здравого ума». Теперь всем понятна основа творчества кровавых диктаторов, исторических злодеев, омерзительных палачей?!

Не придавал чужой смерти значения (его личная смерть – его личное дело, добавлю я; и меня не устраивает философия: если себя не жалел, то чего уж других...). Как это у Пушкина? – «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» (Пушкин) («Пропущенная глава» из «Капитанской дочки»; в окончательную редакцию не вошла). Обычно, кстати, цитируют предыдущее предложение: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный» [3, с. 383–384].

Но, может, Пушкин слишком строг к людям? Ведь имеются и такие, для которых все это – решение математической задачи. А у последней нет физиологии, смерти, быта, роскоши, также – «головушки» и «шейки». Все холодно, ясно, рационально. И еще вдогонку. Ленин не был аскетом и не мог обладать «старческой ненавистью». Он вполне себе был активным мужчиной и до старости не дожил (хотя и звался среди своих «Старик», с уважением и тепло).

В заключительной части эссе Дм. Быков произносит загадочные (по крайней мере, для меня) слова. «Я прекрасно понимаю, сколько негодования вызовет этот текст, при всей его нейтральности. Любая попытка проанализировать его стилистику чревата сегодня долгой и бессмысленной дискуссией раздраженных и некомпетентных людей, где фейки побиваются фейками, а гроссмейстером полемики считается тот, кто лучше всех передергивает». Почему Дм. Быков полагает, что любая попытка анализа этой его работы приведет к «бессмысленной дискуссии»? А те, кто за это примется, «раздраженные и некомпетентные люди»? Ведь даже Писание комментируют. Неужели перед нами текст невыразимой священности? Разумеется, Дм. Быков так не думает. Так почему же?

Задамся вопросом: чем сталинолюбие (сталинопоклонничество) отличается от ленинолюбия (…). Первое имеет массовый и в целом «простонародный» характер. Этим «простонародным» никого не хочу обидеть (тем более,

что встречаются среди сталинистов и образованные люди). Но это, так сказать, для широкой публики. Соха, бомба, Победа, космос… Все зримо, понятно, доступно. По-разному можно определить: как примитивно-лубочный миф, массовое социо-психологическое заболевание, иллюзорную компенсаторику. В целом культ (не в хрущёвском, а в более серьезном и страшном смысле) Сталина это поиск смыслообразующего стержня жизни (Бог давно уже умер в сердцах большинства соотечественников; РПЦ столь же неудачна в христианском окормлении, как и КПСС в семидесятые-восьмидесятые в коммунистическом). Генералиссимус подходит многим. И как бы притягательна ни была мускулатура Путина, но… парад Победы, парад 7 ноября 1941 года, военные салюты, имперский мундир, когда Сталин входил в зал, Рузвельт (пока еще мог) и Черчилль вставали… – это (сегодня) посильнее будет. Любовь масс к Сталину (что любовь – факт) сродни иррациональной любви болельщиков к *своему* клубу (даже если он играет плохо; его и покритиковать можно, и обидеться, но… любовь) или поклонников *этой* рок-группы, или фанатов *этого* актера-супермена. Кто-то скажет: да есть получше. Ответ: нам *это* надо, а не «получше».

С Лениным другое дело. С молодых лет замечал: безупречные люди, интеллектуалы, интеллигенты, Пруста и Джойса в оригинале читали, про французскую «новую волну» (в кино) часами могли рассуждать. В КПСС не состояли, стукачами не были… Но вот Ленин… Трагический, непонятый, при всех своих грехах «наш»… Затаенное, глубокое чувство с намеком на какое-то особое понимание. Но и не только эти изысканные люди питают некую слабость к «писателю» Ленину. Вот, например, Солженицын, отдавший жизнь на борьбу с коммунизмом, наверное, главный его похоронщик. По свидетельству о. Александра Шмемана, Солженицын восхищался железным характером, цельностью натуры и абсолютной самоотдачей Ленина. Себя он полагал анти-Лениным, поставив целью превзойти в этих качествах Старика. И хотел – для реализации своих антикоммунистических задач – иметь «партию» типа большевистской. Все это, разумеется, не отменяет «Ленина в Цюрихе».

Какое-то время мне казалось, что песенка Ильича спета. И не в том смысле, что его преступным деяниям и безумным фантазиям дана адекватная оценка. Нет, не дана. Как и Сталину, их подвижникам, всему более чем семидесятилетнему режиму. Однако *сейчас* не об этом. Мне казалось, что ленинский культ, повсеместный, обязательный, безвкусный, не мог не стереть это историческое лицо. Бесконечные памятники вычеркнули его из наличной жизни. А столь восхищающие Дм. Быкова тексты вызывали у подавляющего большинства школьников, студентов, аспирантов скуку, насмешки и непонимание («зачем нам все это?»). Эмоции появлялись лишь при посещении Мавзолея. Человека (особенно юных пионеров) охватывал ужас. Как будто ты

вступал в некую адскую область, встроенную в живой и теплый мир. Наглядный апофеоз смерти, смерть посреди жизни, а не какое-то там «живее всех живых». Смертью жизнь поправ – вот что такое Мавзолей.

К тому же руководитель первой «цветной революции», немецкий шпион, глобалист, еврейский дедушка Бланк… Еще: правил недолго, практически всех соратников уничтожили. Его добивали анекдоты с подчеркиванием картавости, жестокости, цинизма. Нет, казалось мне, он навсегда заслонен «широкой грудью осетина».

И вдруг о Ленине заговорили. Конечно, это связано и со столетием Революции, которую без него представить невозможно. Но не только. Очень сложно постоянно поддерживать в «тонусе» возродившийся культ Сталина. Не исключено, что, подобно «усталости металла», мифы тоже «устают». Да и привычка, автоматизм любви не способствуют их витальности. Требуется еще что-то. Здесь и появляется писатель Ленин. Ему (пока) удается редкое возвращение со свалки истории (кстати, выражение Троцкого). Он внезапно занимает четвертое место по популярности во всероссийском социологическом опросе, проведенном Левада-Центром (а это самые солидные российские специалисты). Первая тройка: Сталин, Путин, Пушкин. Газета «Завтра», Изборский клуб и другие черносотенные институты начинают творить новый миф о Ленине. В хоре его поклонников мы слышим и голос Дм. Быкова. Замечательные историки рассматривают Ленина в ряду политических деятелей 1917 г. – Милюков, Гучков, Керенский, Чхеидзе, Ленин… Он – один из них, актер из пьесы, он – в «законе». Историческом.

Надо сказать, что новый миф о Ленине слагается по лекалу нового мифа о Сталине. Происходит то, что, по другому поводу, Ханна Арендт назвала «банальностью зла». Да, Сталин был жесток, несправедлив (иногда), коварен, злопамятен, но… индустриализация, Победа, космос. Времена такие были. Без *этого* бы не выстояли. Вот теперь очередь писателя Ленина. Расстрелы, заложники, голод. Однако без *этого* беляки бы залили Россию кровью, восстановили крепостничество и не было бы никакого всемирно-исторического красного проекта (изборяне). Ленин – высшее проявление русского космизма (наряду со Сталиным), а еврейский дедушка и немецкие деньги… Кто ж без греха.

Правда, есть нечто, что мешает новому изданию ленинского мифа. Памятники[2] по всем городам и весям, проспекты, улицы, горы, метро etc.

2. О, если бы я только мог, хотя б отчасти, я написал бы много строк об этих каменных истуканах. Никто на них не смотрит, а они такие разные. Никогда не забуду Ленина–Хлестакова в прикиде от кутюр во Владимире; Ленина в Нижнем Тагиле – чугунное литье конца двадцатых перед входом в заводоуправление (бывший классицистский дворец Демидовых), Ильич на Земном шаре, на Северном полюсе, маленький,

Мертвичина хватает за фалды новоявленных ленинопоклонников. Повседневность против elan'а пламенных реаниматоров. И, конечно, безобразие букинистических магазинов. Они еще остались? – Во времена моей молодости (70–80-е) им было запрещено принимать для продажи лучшие образцы русской публицистики (Дм. Быков – 55 томов). В девяностые – отказывались, никто не покупал. Не сомневаюсь: писателя Ленина можно почитать в Интернете. У меня же синее пятое издание и четвертое коричневое погибли в пожаре ИНИОНа (2015, 30.01.–01.02.). Зато сохранилось большинство томов кирпичного (или красного?) первого. Откладывал на «потом», почитать, возразить. Не получается. Скучно. Но все ж благодарные читатели остались…

Сталин же – миф начинался с нуля. Памятники снесли, улицы и все остальное переименовали; лишь память и воображение. Да, еще то, что советский человек был выращен Сталиным. Ну и, конечно, Хрущёв–Горбачёв, шестидесятники подгадили Ленину. Они его в пику Отцу выдвигали. Дети же легко отличают кровнородственного от какого-то там.

Тем не менее при всех сложностях, мы присутствуем при возрождении Ленина-мифа. Конечно, «Дилетант» и Дм. Быков не определяют «душевную» ситуацию в стране. Они работают для системочуждых. Но в этом случае – трудно поверить! – на наших же гонителей.

Скажу резко: всякие «заигрывания» с Лениным суть – в независимости от общей интенции – коллаборации со злом. Они особенно опасны (по своим последствиям), когда занимается позиция объективного, «непартийного», взвешенного понимания. Когда о Ленине говорят строго, серьезно и немного скорбно. В год столетия Революции *такие* голоса слышатся все чаще. Великий Октябрь – великий вождь. Сочувствие ему и сопереживание. А вот Николаю II, лидерам Февраля всего это не достается. В лучшем случае – *слабаки*. Царь – подкаблучник, Александра Федоровна (Керенский – не императрица), Милюков – Дарданельский и т.п. – Что ж, валяйте, наследники Октября! Народ – плох, царь – плох, интеллигенция – плоха, буржуазия – плоха, цер-

озябший, тянет ручку, под ним громадный шар с морями, горами, пустынями..; Ленин в бывшем главном здании МГИМО на втором этаже, склонился большой головой и большим телом по пояс, вырастает из каменной глыбы – чистый кентавр; совершенно замечательный памятник стоял при входе в парк «Останкино» – Ленин уютно сидел на лавке и добродушно беседовал со Сталиным, тот тоже был в прекрасном настроении (а может, это Сталин беседовал с Лениным?); потом (после XXII съезда) Е-Сарионыча убрали, Ильич остался один, как-то погрустнел и мне всегда, когда мы с родителями проходили мимо, было его жаль. Вскорости исчезли и Ленин, и лавка. Кто-то понял его безысходное одиночество.

ковь – плоха. Оставайтесь с тем, кто «в черепе сотней губерний ворочал», с тем, кто «как выпад на рапире».

Страна не выздоровеет, если не преодолеет Ленина, не даст ему моральную оценку. «Писатель» должен быть судим нравственным судом.

И еще один важный для меня вопрос. Всегда было интересно: почему Ленин-миф создавался большими людьми, а Сталин-миф его же пропагандистской машиной. Иными словами, Ленин оказался воспетым высоким искусством, Сталин этой чести не удостоился. Действительно, Маяковский и Пастернак «выдумали» героя необычайной силы и убедительности. Есенин, Клюев, другие внесли свою лепту. Даже Михаилу Шатрову в его ленинских пьесах удался очень симпатичный (и трагический) образ. Все описания Сталина смехотворны, не стоят и гроша. А ведь обращались за помощью к Горькому, Булгакову, Ал. Толстому. Как известно, Алексей Максимович отказался; «Батум» у Михаила Афанасьевича не получился; красному графу, изрядному стилисту, хватило сил на второсортный лубок.

Правда, Сталин неплохо получился у Солженицына и Рыбакова. У первого как острая, безжалостная сатира, у второго как коварный, по ту сторону добра и зла, злодей. Правда, и Анатолий Наумович тоже не удержался от едкости. То есть русская литература поставила памятник Ленину. Сталин до своего не дожил.

Хочу польстить Дм. Быкову. Его «писатель Ленин» становится в ряд памятникостроителей (ряд помните? Маяковский, Пастернак, Клюев, Есенин. Да, еще Горький – совсем забыл. Его очерк-поминание до слез продирает. Не шучу. Алексей Максимович – гений. В отличие от любимого поэта (Бродский) считаю его равноположным Андрею Платонову. Да, а кто темпорально первым воздвиг словесный памятник лучшему публицисту? Кто, кто? Our first poet, как сказала о нем Анна Ахматова. Борис Пастернак. Первый поэт XX столетия[3]. Насколько понимаю, не только у нас).

Таким образом, есть Ленин-миф-1, созданный великой русской литературой (плюс немного фотография, рисунок, скульптура), и Ленин-миф-2 – творение Сталина, Хрущёва, Брежнева. Все эти, как уже говорилось, неисчислимые памятники, улицы, 55 томов и т.п. Ленин-миф-3 опирается на два предыдущих (красные свои праздники и демонстрации проводят у Мавзолея и памятников; интеллектуалы во главе с Дм. Быковым вчитываются в тексты лучшего (нет, единственного) русского политического публициста) и добавляет свое, изборское – космизм, красный проект, русская история, Сталин. Да, Сталин как важнейший элемент нового ленинского мифа. Сталин как бы освящает Ленина, дарует ему прощение за интернационализм, глобализм,

3. Странная рифма: XX столетие – XX съезд.

«цветную революцию» и дедушку Бланка. Кстати, в тяжелейший момент начала войны Иосиф Виссарионович по-своему очень точно определил место Ильича в истории: «Ленин нам оставил великую империю, а мы ее просрали». – В истории-мифе под редакцией «чудесного грузина».

В Ленине-мифе-3 происходит своеобразная национализация вечного писателя-эмигранта. В «Детях Арбата» (книга вторая – «Страх: тридцать пятый год и другие годы») Анатолий Рыбаков «выдумывает» такие мысли Сталина: «Ленин угадал час, который предоставляет история истинному вождю для взятия власти. Но угадал этот час как великий революционер западного толка, которому история дала возможность проявиться на востоке. Он увидел слабость тогдашней власти, воспользовался… но причин ее не знал. Причина же слабости тогдашней власти заключалась в том, что русский народ… привык… чтобы им управляли…

Ленин знал, что диктатура требует единовластия, но не понимал, что единовластие требует единомыслия».

Кажется, Рыбаков вполне адекватно «выдумал» сталинское отношение к Ленину (Анатолий Наумович вообще, на мой взгляд, убедительно реконструирует советскую историю тридцатых годов; снобистские высказывания Бродского, Лосева и других («чтиво», «макулатура») ошибочны. Ленин – западный революционер на востоке, Сталин – восточный революционер на востоке. Ленин-миф-3 преодолевает эту «недостаточность» Владимира Ильича и – потенциально – выбивает почву из-под ног у Дм. Быкова и близких ему толкователей наследия вождя революции. «Западный революционер на востоке» – трагическая фигура, несоответствие высоких замыслов неблагодарному материалу. Да, *такому* можно посочувствовать. В каком-то смысле *свой брат*. Ведь и мы заложники этого «востока», этой «толстозадой» Святой Руси. Он с нами в какой-то безвыходной особости. Как не понять его отчаяния, его – сильного человека – бессилия. Во многом от этого (мы не оправдываем! мы призываем к пониманию!) его срыв в террор, в безответственную утопию, в ничем неукротимую ненависть к «врагам»…

Нет, нет. Теперь Ленин равняется Ленин плюс Сталин. Ведь в формуле «Сталин это Ленин сегодня» уже заложена мысль: доживи Старик до наших дней, был бы Сталиным. И это – дополнительная рекомендация Ильичу на абсолютно заслуженное им место в аду.

Библиография

1. Быков Дм. Писатель Ленин // Дилетант. 2017. № 15. Март. С. 90–95.
2. Вайль П., Генис А. Мир советского человека. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 358 с.
3. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. Ч. 1. С. 277–384.
4. Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М.: Сов. лит-ра, 1934. 171 с.

References

Bykov Dm. Pisatel' Lenin // Diletant. 2017. N 15. March. P. 90–95.
Pushkin A.S. Kapitanskaja dochka // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948. Vol. 8. Ch. 1. P. 277–384.
Raskol'nikov F. Rasskazy michmana Il'ina. Moscow: Sov. lit-ra, 1934. 171 p.
Vajl' P., Genis A. Mir sovetskogo cheloveka. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 1998. 358 p.

Н.И. Бубнова

ЗАКУСИВ УДИЛА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Аннотация. *В статье анализируется беспрецедентная конфронтация между новым американским президентом Дональдом Трампом и американскими СМИ, рассматриваются ее причины и возможные последствия.*

Ключевые слова: *Трамп, Барак Обама, США, российско-американские отношения, избирательная кампания, пресса, СМИ, постправда, социальные сети, Интернет, Твиттер.*

Бубнова Наталия Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

N.I. Bubnova. Stand-off Between Donald Trump and the U.S. Media

Abstract. *The article analyzes the unprecedented confrontation between President Donald Trump and the U.S. liberal media, examines the stand-off's multiple aspects and implications, reflects upon the phenomenon of post-truth, and offers forecasts for further development of the situation.*

Keywords: *Trump, United States, U.S.-Russia relations, presidential campaign, press, media, post-truth, social media, Internet, Twitter.*

Bubnova Natalia Igorevna – Ph.D. (History),
leading researcher fellow, Primakov National Research
Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

Выступая 18 мая 2017 г. перед кадетами американской Академии береговой охраны, Дональд Трамп жаловался, что ни с одним политическим деятелем в истории не обходились так плохо и так несправедливо, как с ним, и особенно это касается прессы. Как сказал директор Института США

и Канады В. Гарбузов на ежегодной конференции «Арбатовские чтения», проходившей на этот раз под названием «Первые шаги администрации Дональда Трампа», опыт Трампа показал, что популист может прийти к власти в США, но удержаться у власти популисту очень сложно. Придя в Белый дом на волне протеста против истеблишмента, Трамп оказался заложником бюрократии [1, с. 135–152], имеющей целью снижение его популярности и влияния, а в перспективе, может быть, – смещение президента. Бюрократия действует в том числе через прессу.

Трамп, в свою очередь, не только многократно критически высказывался по поводу СМИ, но и при каждой возможности поминает всуе «лживую прессу». Позиционируя себя в качестве представителя «простых американцев» – хотя для миллиардера это очевидная ирония – Трамп стремится общаться с гражданами страны напрямую через Интернет и социальные сети. В ходе избирательной кампании Хиллари Клинтон затратила намного больше средств на работу с традиционными СМИ [21], фактически доминировала в телеэфире. Известно, что во время теледебатов с Трампом ведущий фактически подыграл ей, сообщив заранее вопросы, которые собирался задать. Победа Трампа на выборах была в том числе победой новых медийных средств в борьбе с традиционными, и эта борьба продолжается.

Диалектика уважения к свободе прессы и неуважения к СМИ

В Америке параллельно существует традиция уважения к свободе прессы, общественное признание ее роли в общественной жизни и при этом – критического отношения к СМИ.

Так, один из отцов-основателей Соединенных Штатов Томас Джефферсон, горячо поддерживавший свободу слова, тем не менее утверждал: «Грустная правда состоит в том, что подавление прессы не в большей степени может полностью лишить нацию благ, которые она приносит, чем ее подверженность проституированию в угоду лжи. Ничему сейчас нельзя верить из того, что видишь в газете. Даже сама правда становится подозрительной, когда ее помещают в этот зараженный формат» [17]. А в другом письме, написанном уже после завершения президентского срока, констатировал: «Я… ужасаюсь по поводу того прогнившего состояния, в которое обратились наши газеты» [15].

Так что первые руководители США были и первыми ниспровергателями американской прессы, и в этом плане у Трампа есть достойнейшие предшественники. Следует отметить, однако, что подобные обвинения не ведут к попыткам предпринять «дисциплинарные меры» в отношении прессы, защищенной первой поправкой к Конституции.

Сегодня беспрецедентен не сам характер американской прессы. Беспрецедентен уровень обструкции, устроенной президенту со стороны его внутриполитических противников, в том числе и в СМИ. Противостояние Трампа с прессой началось еще во время избирательной кампании, когда он неоднократно публично ругал ведущих журналистов.

В своей настойчивости в критике прессы Трамп был вполне последовательным. Он называл ведущий новостной телеканал CNN «фейковыми новостями», ругал газеты *Washington Post* и *New York Times*, которые в Соединенных Штатах считают лучшими в мире и образцом для подражания. На первой пресс-конференции, данной в качестве президента, Трамп не дал слова представителю CNN Джиму Акосте. Трамп не провел традиционного для вновь избранных президентов брифинга для журналистов и запретил сотрудникам своего аппарата общаться с корреспондентами CNN. Во время первого после вступления в должность посещения ЦРУ вместо ожидавшихся от него слов примирения со спецслужбами он вновь обрушился на прессу, подтвердив, что у него с ней «постоянная война», и заклеймил журналистов как «одних из самых лживых людей на земле». А когда СМИ разгласили сведения о том, что сотрудник британских спецслужб, возможно, «поделился» с Кремлем собранным им несколькими годами ранее досье на Трампа и Трамп может быть «на крючке у Москвы», президент назвал СМИ «врагами народа».

В середине мая президент, комментируя расхождения в опубликованных в СМИ заявлениях его помощников со своими собственными, признал, что действует быстро и по собственному усмотрению, а его окружение не всегда может поспевать за ним. Он задал вопрос, а не сто́ит ли вообще отменить заведенные в Белом доме ежедневные брифинги для прессы. Однако брифинги по-прежнему проводятся (хотя теперь раз в неделю), и даже в прежнем формате.

Главный советник президента по стратегии (кстати, тоже бывший, ибо в августе он был уволен) Стивен Бэннон заявил в интервью *New York Times*: «СМИ должно быть стыдно и унизительно... Они не понимают этой страны. Они не знают, почему Дональд Трамп стал президентом Соединенных Штатов» [13]. А Шон Спайсер в ходе своего первого брифинга для прессы отчитал собравшихся журналистов и заявил, что они специально преуменьшали цифры пришедших на инаугурацию Трампа и что новая администрация «призовет их к ответу». «Наш пресс-секретарь Шон Спайсер изложил альтернативные факты» [16], – заявила тогда советник президента Келлиэнн Конуэй – и это словосочетание немедленно в качестве мема было подхвачено критически настроенными СМИ.

Американские журналисты жалуются, что им стало труднее получать доступ к сотрудникам Белого дома, но еще сложнее – достоверную информацию от них. Репортеров не пригласили на проходившую в Белом доме встречу

Трампа с министром иностранных дел Сергеем Лавровым и российским послом Сергеем Кисляком. Между тем на это мероприятие был допущен российский фотограф: его снимки были сделаны на следующий день после увольнения директора ФБР Джеймса Коми и вызвали взрыв возмущения в либеральных кругах. Американская пресса не была допущена на пресс-конференцию, которую Рекс Тиллерсон провел в Эр-Рияде совместно с министром иностранных дел Аделем Аль-Джубейром. Представитель государственного департамента Роберт Хэммонд, правда, обозначил, что это было результатом случайно произошедшей накладки: «К сожалению, не было достаточно времени, чтобы оповестить американские СМИ… При других обстоятельствах они были бы поставлены в известность» [11]. Однако когда подобные накладки происходят раз за разом именно по отношению к американским журналистам, будет ли преувеличением предположить, что они подтверждают и так очевидную тенденцию отчуждения власти и СМИ?

Трамп – в отличие от российского президента – не провел пресс-конференцию после саммита «Большой двадцатки» в Гамбурге и встречи с президентом Путиным. Вообще нынешний американский президент дольше всех предыдущих президентов выдерживал интервал между первой и последующими пресс-конференциями – начиная с 1933 г., когда они впервые были заведены Франклином Рузвельтом. Либо он не считает это оптимальной формой работы с прессой, либо, как сообщали, его удерживали от проведения пресс-конференций и участия в телепередачах его советники. Как бы то ни было, очевидно, что Трамп не может совсем пренебречь этим инструментом общения со СМИ.

Очередной скандал разразился, когда Трамп в чрезвычайно грубой манере ответил на, впрочем, отнюдь не вежливую критику в его адрес в утренней программе телеканала NBC («Morning Joe»). В программе, в частности, высказывались сомнения в его психическом здоровье и способности управлять страной. Трамп назвал программу «провальной», а ее соведущую, Мики Бжезински (дочь недавно умершего политолога Збигнева Бжезинского), которая ведет ее совместно с Джо Скарборо, обозвал «невротичкой». Выступив в защиту своей коллеги, Скарборо опубликовал несколько видеороликов со своими песнями на собственные стихи о Трампе. В ответ Трамп написал на своей странице в Твиттере: «Я слышал, низкорейтинговая “Morning Joe” плохо обо мне отзывается (больше не смотрю программу). Как же тогда вышло, что сумасшедшая Мики с низким IQ вместе с психопатом Джо приходили ко мне в поместье Мар-о-Лаго три дня подряд в канун Нового Года и просили разрешить им присоединиться к гостям? Она истекала кровью после подтяжки лица. Я сказал: Нет!» [23]. Лидер республиканцев в Палате представителей Пол Райан назвал эту публикацию президента «однозначно неподобающим комментарием» и посетовал, что подобные поступки только разобщают страну.

К его критике присоединились и другие представители как Республиканской, так и Демократической партий. Член палаты представителей от Канзаса Линн Дженкинс написала в Твиттере: «Это нехорошо. Как женщина-политик я часто сталкиваюсь с тем, что меня критикуют за внешний вид» [25]. Сенатор-республиканец Бен Сассе попросил Трампа прекратить подобные высказывания: «Пожалуйста, просто остановитесь. Это ненормально и ниже Вашего достоинства» [22]. Даже таблоид *New York Post*, ранее называвший Трампа своим кандидатом на республиканских праймериз, опубликовал по поводу выступлений Трампа в Твиттере редакционное заявление, состоящее из трех слов: «Прекратите. Просто прекратите». Это требование широко разошлось мемом по социальным сетям.

Помимо очевидной взаимной неприязни, на характере общения Трампа с прессой сказывается и отсутствие у него политического опыта. По-видимому, под пресс-конференцией президент имеет в виду любое свое появление перед представителями СМИ. Так, например, когда его несколько дней осаждали журналисты, он, наконец, пообещал провести большую пресс-конференцию 14 августа. В этот день он действительно вышел к журналистам и произнес лишь короткий монолог; формат встречи не предусматривал вопросы и ответы. Когда он снова в тот же день появился перед представителями СМИ, на вопрос всё того же Джима Акосты из CNN, когда будет пресс-конференция, президент ответил: «У нас была пресс-конференция. У нас только что была пресс-конференция». Джим Акоста настаивал: «Когда можно будет задать больше вопросов?» На что в ответ получил отповедь: «Я люблю настоящие новости, не фейковые новости. Вы – фейковые новости» [20].

СМИ как оппозиция и как участник антитрамповской коалиции

Против Трампа – CNN, NBC, CBS, ведущие мейнстримовские печатные издания. Стив Бэннон (напомним, недавно уволенный) неоднократно называл прессу «партией в оппозиции». Пресса действительно выступает и как участник сопротивления, и как инструмент в беспрецедентной кампании по оказанию давления на президента и подрыву его позиций. Еще во время избирательной кампании в СМИ постоянно публиковались «разоблачения», связанные с коммерческой деятельностью Трампа в России и отказом обнародовать информацию об уплаченных им налогах, муссировались истории о личной жизни президента. А в первый месяц после вступления Трампа в должность американские СМИ писали, что государственные служащие создают аккаунты в социальных сетях с целью «утечек» информации о принимаемых новой администрацией решениях. По мнению СМИ, служащие соби-

раются с помощью соцсетей противодействовать распоряжениям новой власти, затягивать выполнение своих обязанностей по типу «итальянской забастовки», саботировать и критиковать нововведения Белого дома [7]. Известный журналист Дэвид Брукс, ведущий постоянную колонку в газете *New York Times* и близкий к республиканцам, даже призвал к объединению с демократами для оказания сопротивления политике Трампа. По словам вице-президента США Майкла Пенса, Трамп ежедневно вынужден бороться против «штормового ветра» американского истеблишмента и ключевых американских СМИ, которые, по утверждению Пенса, мешают главе государства выполнять предвыборные обещания: «Президент буквально каждый день сражается за то, чтобы сдержать слово, данное американскому народу», тогда как СМИ «постоянно хотят сменить повестку дня и отвлечь внимание от неустанных усилий президента, направленных только на то, чтобы сдержать обещания, данные народу» [3].

Существенной составляющей в борьбе против Трампа стали тезис о «русской угрозе», утверждение о «российском вмешательстве» в американскую избирательную кампанию, о «сговоре» между членами команды Трампа и российскими спецслужбами. Неясно, что здесь первично: нелюбовь к президенту или же к России. После прихода Трампа в Белый дом половина времени на новостных каналах американского ТВ уделялась России – такого никогда раньше не было. Сара Сандерс – заместитель, а затем пресс-секретарь Белого дома – утверждала, что, например, за месяц с конца мая по конец июня 2017 г. на основных американских вещательных каналах «одна минута была потрачена в вечерних новостях на разговоры о налоговой реформе, три минуты на инфраструктуру, пять минут на экономику и рабочие места, 17 минут на здравоохранение – и 353 минуты на нападки на президента и продвижение лживого дискурса о России» [18].

Именно через прессу «утекли» сведения о контактах с российским послом советника по национальной безопасности Майкла Флинна, который из-за этих «разоблачений» вынужден был через месяц после своего назначения подать в отставку. А после увольнения Трампом директора ФБР Джеймса Коми СМИ опубликовали сведения об их беседе, послужившие основанием для выдвижения обвинений в адрес президента в давлении на ведущееся расследование по поводу «связей» Флинна и кибератак во время избирательной кампании.

Для того чтобы давать ответы на появляющиеся вопросы о «российском следе», в Белом доме была даже организована так называемая «военная комната» (в США любят использовать словечки с военной коннотацией, даже когда речь идет о понятиях, к вооруженным силам не относящимся), куда входили Стив Бэннон и личные адвокаты президента. Американские источники отмечают, что в предыдущий раз подобная «военная комната» создава-

лась, когда команда Билла Клинтона вынуждена была «отбиваться» от нападок СМИ, связанных с историей его интрижки с Моникой Левински и данных им в суде под присягой лживых показаний на сей счет.

Было бы неправильным объяснять антироссийскую направленность американского вещания, как это зачастую происходит в российском дискурсе, только лишь желанием использовать жупел российской угрозы для того, чтобы убрать Трампа. В значительной степени происходящая в американских СМИ истерия является отражением реальных страхов американского политического истеблишмента и журналистского сообщества, вызванных как атавистическими опасениями российской агрессивности, так и реальными событиями последних лет, включая присоединение Крыма, антиамериканскую риторику российских представителей и медийного сообщества, нарастание военной активности и происходящее в РФ военное строительство. Однако даже тех, кто много лет занимается изучением американских СМИ, не может не поражать демонстрируемая ими в данном случае «оголтелость», часто очевидная недоказанность или недодоказанность недодоводов о недопреступлениях.

Постправда, полуправда или череда covfefe?

Словом года в 2016 г. по версии Оксфордского словаря стала **«постправда»**, обозначающая набор публикуемых или транслируемых СМИ сведений, которые могут не вполне соответствовать действительности, но воспринимаются соответствующим образом настроенной аудиторией как достоверные. Можно сказать, что в определенной степени сам Трамп стоял у истоков этого явления, буквально захлестнувшего западные СМИ, когда, например, будучи кандидатом в президенты от республиканцев, заявлял, что Хиллари Клинтон преступница, а Барак Обама родился за пределами США. Или же когда делал ошеломляющие заявления о том, что Мексика посылает в США насильников, что мусульманам следует запретить въезжать в страну и т.д. [11]. Именно с подачи избирательного штаба Трампа был запущен мем Crooked Hillary («Врунья Хиллари»), подхваченный в качестве хэштега #CrookedHillary многими СМИ, включая российские интернет-портал «Спутник» и телеканал *Russia Today*. Более 70% заявлений Трампа были оценены как ложь или искажение фактов в исследовании, выполненном в рамках получившего Пулитцеровскую премию американского проекта Politifact, специально созданного для проверки степени достоверности информации об американской политике.

Возникает вопрос, так ли это ново, насколько «постправда» отличается от предыдущих практик медийного воздействия [2, с. 88–91]? Рамки данной статьи не позволяют подробно анализировать, насколько феномен постправды отличается от других аналогичных явлений, встречавшихся в истории как

Америки, так и других стран. Можно вспомнить практику советского медийного агитпропа, включая, может быть, самую постправдивую газету «Правда». Как не без основания пишет руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН Александр Рубцов, «строго говоря, гибридные войны в идеологии были освоены раньше силовых акций с участием вежливых человечков в камуфляже без шевронов» [5].

Даже если допустить, что Трамп стоял у истоков феномена «постправды», теперь он по иронии судьбы сам превратился в его жертву. Неточности, преувеличения, натяжки, которыми всегда грешили даже лучшие из американских СМИ, перехлестывают через край. Это было бы смешно, когда бы не было так грустно: когда журнал *Time* разместил у себя на обложке и в социальных сетях изображение Белого дома, поглощаемого храмом Василия Блаженного, телеканал CNN сообщил зрителям, что на рисунке изображены минареты. А после теракта в Петербурге западные каналы говорили, что это сделал «выходец с Кавказа»: мол «у них (т.е. в России. – *Н. Б.*) постоянно совершаются теракты, обычно выходцами с Кавказа». При этом факты, естественно, проверены не были.

Впрочем «страдает» не только Россия. Во время визита Трампа в Израиль газета *USA Tod*ay назвала президента этой страны Р. Ривлина премьер-министром. Директор Института России при лондонском Кингс-Колледже Сэмьюил Грин на своей странице в Фейсбуке не без иронии прокомментировал эту ошибку следующим образом: «Я думаю, что обсуждение в ньюзруме сводилось к следующему: “Эй, этот парень написал, что Трамп разговаривал с президентом Израиля. Разве Израилем управляет не премьер-министр?” “Ага, поменяй это”» [10]. Хотя и сам Трамп, спустившись по трапу самолета на Землю обетованную, озадачил встречающих, публично объявив, что «прибыл с Ближнего Востока». А чего стоит появившаяся в ночи запись Трампа в Твиттере: «Несмотря на негативный covfefe» – и больше ничего: очевидно недописанный текст (заснул президент? писáл-писáл и заснул? – злорадствовали недоброжелатели в Сети), где последнее слово было очевидной бессмыслицей, неисправленной опечаткой, вызвавшей миллион просмотров и миллион саркастических комментариев в Сети.

Протрамповские СМИ и социальные сети

Не все американские СМИ выступают против Трампа. На его стороне – занимающий правые позиции телеканал Fox News, печатные и электронные издания *Daily Caller, Gateway, Pundit, Washington Examiner, Washington Times, Infowars, Conservative Treehouse, Truthfeed, NewsMax Media, Breitbart*. В период избирательной кампании «Breitbart стал центром собственной правовой медийной экосистемы… изменившей общую повестку медиа» [7] и расстановку

сил в американском обществе в целом. Американские СМИ сообщали, что для президента дважды в день готовят подборку из свежих публикаций о нем, специально отдавая предпочтение тем, где действия Трампа освещаются в сугубо комплиментарном ключе.

Многие американские аналитики полагают, что Трамп был бы рад больше появляться на телевидении, поскольку в прошлом был телеведущим программы «Celebrity Apprentice» и чувствует себя в телеэфире как рыба в воде. По аналогии с укоренившимся в английском языке словосочетанием «политическое животное» (обозначающем человека, обладающего развитыми инстинктами и навыками политика), его можно было бы назвать «шоу-животным».

Считается, что главным образом именно его бывший пресс-секретарь Шон Спайсер удерживал Трампа от более частых выступлений в телеэфире и пресс-конференций – из опасения, что его манера «рубить с плеча» приведет к еще большему количеству ляпов, нестыковок и противоречий в транслируемой им картине мира и, соответственно, к снижению его популярности. Многие наблюдатели отмечали, что можно говорить о «двух Трампах»: «Трампе телевизионном» и «Трампе телепромптовом». «Трамп телевизионный» говорит без бумажки, увлекаясь, ярко и неожиданно, иногда делая ляпы или противореча самому себе, но всегда апеллируя к обычным людям и импонируя им. А «Трамп телепромптовый» соотносит свое выступление с бегущей перед ним на экране строкой написанного текста, не выходит за рамки заранее продуманного и заготовленного. Второй Трамп ошибался меньше, но не обязательно нравился больше своим преданным сторонникам.

Сам же Шон Спайсер в бытность пресс-секетарем, несмотря на стремление свести к минимуму регулярные брифинги, довольно часто выступал в телевизионных выпусках, где громил СМИ и развернутую ими антитрамповскую кампанию. Аудитория этих телепередач составляла миллионы. По крайней мере, некоторые из них смотрел и сам Трамп, который затем попеременно то высказывал «критические замечания» в адрес своего пресс-секретаря, то называл его «суперзвездой» …что, впрочем, не спасло последнего от скорого увольнения.

Назначенный 21 июля директором по коммуникациям Белого дома бывший финансист с Уолл-стрита Энтони Скарамуччи подчеркивал, что президенту надо больше позволять «быть самим собою» и выступать перед аудиторией, где и когда он пожелает. Скарамуччи продержался в должности даже меньше Спайсера – всего только десять дней. Впрочем, он запомнился и увольнением руководителя аппарата Белого дома Рейнса Прибуса, и ставшим крылатым выражением, что «русские готовы были бы есть снег, чтобы выжить», и обещанием проверить сотрудников Белого дома на детекторе лжи. А также тем, что обзывал многих высокопоставленных деятелей в Вашингтоне непечат-

ными словами, Так, Прибус, обвиненный в утечках секретной информации, был, по мнению Скарамуччи, «чертовым параноидальным шизофреником» (смягченное выражение).

Трамп буквально «оседлал» новые медийные возможности, предоставленные Интернетом и социальными сетями. Трамп стал первым американским президентом, предпочитающим традиционным медийным средствам Твиттер. Н. Степанова и П. Шариков детально проанализировали методы работы в Интернете, который использовал Трамп, чтобы победить на выборах [6, с. 52–67]. По каждому поводу Трамп прибегает к Твиттеру, публикуя комментарии с коротким интервалом, иногда работа в Твиттере продолжается и ночью. Хотя Барак Обама первым из кандидатов в американские президенты активно использовал Интернет для сбора средств в ходе избирательной кампании, именно Трамп первым «прорубил окно» к рядовым избирателям через электронные СМИ.

Накануне вступления Трампа в должность СМИ писали о стоявшей перед ним «дилемме»: после принятия присяги к нему переходил официальный аккаунт в Твиттере @POTUS (от словосочетания «президент Соединенных Штатов» – President of the United States), доставшийся по наследству от предыдущего президента. Однако он привык пользоваться своим личным, созданным еще в марте 2009 г. аккаунтом @realDonaldTrump. Именно его Трамп и продолжает активнейшим образом использовать, находясь на посту главы страны. А аккаунт @POTUS был «обнулен» (т.е. оттуда были удалены посты Барака Обамы), там была заменена аватарка, и, по сообщениям, он продолжает использоваться сотрудниками Белого дома [24]. Между тем, судя по результатам последних опросов, выполненных уже после казуса с «covfefe», большинство американцев выступают против использования президентом Твиттера. Даже члены Республиканской партии и ранее поддерживавший его таблоид *New York Post* обращались к Трампу с просьбой перестать публиковать посты в Твиттере.

Шон Спайсер, еще только ставший пресс-секретарем Трампа и директором по коммуникациям Белого дома (он совмещал эти две позиции вплоть до марта 2017 г., когда на вторую должность был назначен Майкл Дубке, которого потом сменил Скарамуччи), рассчитывал, что твиты президента будут до публикации проходить через его службу. В интервью телеканалу WPRI после назначения Спайсер сказал: «Думаю, что это будет по-настоящему увлекательной частью моей работы». Однако реальность оказалась иной. По утверждению журнала *Vanity Fair*, президент Трамп сам делает свои посты, ни с кем их не обсуждая и не согласовывая. Этим, в частности, объясняются нередко возникающие расхождения в интерпретации событий между президентом и его пресс-службой.

В начале августа появилась информация, что Трамп на своем сайте заводит новостную программу, где будут публиковаться «правдивые, а не фейковые» новости. Стоит упомянуть, что Трамп, к неудовольствию своего окружения, раздавал номер собственного мобильного телефона лидерам других стран, предлагая им звонить напрямую непосредственно ему самому. А затем содержание его телефонных разговоров с мировыми лидерами, со всеми скандальными подробностями, через утечки стало достоянием СМИ.

Многие утечки идут от самого президента. Так, его обвиняют в том, что во время встречи с Сергеем Лавровым он будто бы рассказал, что террористы собираются использовать планшеты для совершения терактов в самолетах, и назвал город, откуда внедренный израильскими спецслужбами агент сообщил эту информацию – что подвергает последнего опасности. Хотя в данном случае и не очевидно, кому в первую очередь должны быть адресованы обвинения: самому президенту или тому, кто оповестил о сказанном прессу, но именно Трампа критикуют за разглашение закрытой информации. Буквально несколькими днями позже, после теракта на стадионе в английском Манчестере, американские СМИ, очевидно, с подачи американских спецслужб, назвали имя подозреваемого в совершении теракта. Были также опубликованы фотографии с места трагедии и, главное, изображения фрагментов разорвавшегося взрывного устройства – что, по мнению британских спецслужб, могло помешать расследованию преступления.

В конце июня – начале июля Трамп целую неделю доминировал в Твиттере, опубликовав рекордное количество постов и последовательно инициировав сразу нескольких громких скандалов. В частности, 2 июля 2017 г. Трамп разместил в своем Твиттере видеоролик, где он будто бы «избивает» телеканал CNN. Этот ролик получил 185 тыс. репостов, 300 тыс. лайков и 100 тыс. комментариев.

Публикацию пародийного видеоролика подвергли критике многие политики-демократы. В американской прессе его называли призывом к насилию над журналистами. *The Huffington Post* обратилось к руководству Твиттера с запросом, не нарушает ли подобное видео правила портала, запрещающие призывы к насилию, но получило отрицательный ответ. Сторонники Трампа, в свою очередь, утверждают, что он защищается от нападок враждебно настроенной прессы. Сам же он называет свою практику общения с народом «президентством нашего дня».

Активное использование Трампом социальных сетей символично для его «сцепки» с «настоящей Америкой» и отражает его стремление напрямую общаться с народом «поверх голов» бюрократии и без посредничества традиционных СМИ. Новые средства коммуникации, как это исторически бывало с новым оружием, оказываются более эффективными, побеждают в борьбе за умы. Этому способствует и массовый «уход» молодого поколения в социаль-

ные сети, а также отмечаемая американскими социологами растущая деинтеллектуализация политического истеблишмента и общества, расширение клипового сознания.

* * *

Хотя противостояние Трампа со СМИ не привело к ухудшению их официального положения в самих США, но, по мнению экспертов, оно затруднило работу печати как в Америке, так и в других регионах мира. В Соединенных Штатах резко возросло количество нападений на журналистов, угроз им самим и членам их семей, распространяемых в том числе по социальным сетям.

Отношения американского президента со СМИ – это отражение глубокого раскола в американском обществе. Раскола между политическим истеблишментом и либеральными кругами, с одной стороны, и менее образованной и менее обеспеченной массой населения – с другой. Рядовые американцы не всегда доверяют традиционной прессе, многие в Америке считают ее нечестной, и очевидная нелюбовь либеральных СМИ к президенту может даже в определенной степени укреплять сторонников Трампа в их поддержке президента.

Играя на интернет-поле, Трамп, можно сказать, условно выигрывает в Сети. За счет своей активности в Твиттере президент сам задает повестку дня, за которой вынуждены следовать и другие ньюз-мейкеры. Однако это может оказаться пирровой победой в условиях, когда его рейтинг в стране в целом продолжает оставаться беспрецедентно низким, а раскол в США между, образно говоря, «читателями газет» и остальным народом остается непреодоленным.

Опасно и расширение релятивизма по отношению к прессе по принципу «цель оправдывает средства» или «на войне как на войне». Этот процесс идет не только в Америке, но и, например, в России – со ссылкой на американский опыт. Так, в ток-шоу «Право голоса» (эфир от 3 июля 2017 г.) и ведущий, и участники говорили о правдивости в журналистике с позиций релятивизма, причем ссылаясь в первую очередь на ситуацию в США [4]. Конечно, нельзя допустить, чтобы противостояние американской власти со СМИ, разговоры о «постправде», информационных и гибридных войнах послужили бы поводом для размывания норм честной журналистики, тем более стали бы предлогом для продолжающегося «закручивания гаек» по отношению к отечественным печатным и электронным СМИ [8, с. 104–107, 109, 113, 115].

Библиография

1. Бубнова Н.И. Новая администрация США: Военно-политические вызовы // Россия и современный мир. 2017. № 1. С. 135–152.

2. Бубнова Н.И. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: Новые ипостаси холодной войны // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 81–91.

3. Пенс: Трамп каждый день старается сломить сопротивление истеблишмента и СМИ // ТАСС. 2017. 1 мая. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4224145 (Дата обращения: 26.02.2017.)

4. «Право голоса» // ТВЦ. Эфир от 3 июля 2017 г. URL: http://www.tvc.ru/channel/brand/id/36/show/episodes/episode_id/50504/?page=6 (Дата обращения: 05.06.2017.)

5. Рубцов А. Превращение победы // Ведомости. 2017. 10 мая.

6. Степанова Н.В., Шариков П.А. Влияние интернет-технологий на предвыборную президентскую кампанию в США в 2015–2016 гг. // США и Канада: Экономика – политика – культура. 2017. № 2. С. 52–67.

7. Benkler Y., Faris R., Roberts H., Zuckerman E. Study: Breitbart-led right-wing media ecosystem altered broader media agenda // Columbia Journalism Review. 2017. 3 Mar.

8. Bubnova N. Russian Media: Struggling Against New Controls / Hachten W.A., Scotton J.F. The World News Prism. Digital, Social and Interactive. Hoboken: Wiley Blackwell, 2016. 267 p.

9. Elperin J., Rein L., Fisher M. Resistance from within: Federal workers push back against Trump // The Washington Post. 2017. 1 Feb.

10. Facebook account of Sam Greene // URL: www.facebook.com/sam.greene.940?pnref=friends.search (Дата обращения: 05.08.2017.)

11. Gaffey C. Donald Trump and Brexit Make «Post-Truth» The Word of the Year // Newsweek. 2016. 16 Nov. URL: http://www.newsweek.com/donald-trump-and-brexit-make-post-truth-word-year-521731 (Дата обращения: 16.11.2016.)

12. Gold H., Karni A. Tillerson holds a press conference without U.S. media // Politico. 2017. 21 May.

13. Grynbaum M.M. Trump Strategist Stephen Bannon Says Media Should «Keep Its Mouth Shut» // New York Times. 2017. 26 Jan. URL: https://www.nytimes.com/2017/01/26/business/media/stephen-bannon-trump-news-media.html (Дата обращения: 05.02.2017.)

14. Hoft J. Election Prediction 2016: Current Trend Lines Show Trump Will Win in Landslide // Gateway Pundit. 2016. 4 Nov. URL: http://www.thegatewaypundit.com/2016/11/2016-election-tgp-prediction-trump-wins-by-landslide/ (Дата обращения: 05.02.2017.)

15. Jefferson T. To Walter Jones. Thomas Jefferson to Walter Jones. 1814. 2 Jan. // Founders Online. National Archives. URL: https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-07-02-0052 (Дата обращения: 15.04.2016.)

16. Kellyanne Conway denies Trump press secretary lied: 'He offered alternative facts' – video // Theguardian. 2017. 22 Jan. URL: https://www.theguardian.com/us-news/video/2017/jan/22/kellyanne-conway-trump-press-secretary-alternative-facts-video (Дата обращения: 05.02.2017.)

17. Manuscript / Mixed Material Image 2 of Thomas Jefferson to John Norvell. 1807. 11 Jun. // Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/resource/mtj1.038_0592_0594/?sp=2&st=text (Дата обращения: 05.02.2017.)

18. Quinn M. Sarah Sanders: Media spends most of its time pushing 'false narrative on Russia' // Washington Examiner. 2017. 29 Jun. URL: http://www.washingtonexaminer.com/sarah-sanders-media-spends-most-of-its-time-pushing-false-narrative-on-russia/article/2627468 (Дата обращения: 16.02.2017.)

19. Reliable Sources // CNN. 2017. 9 July. URL: http://edition.cnn.com/shows/reliable-sources (Дата обращения: 09.07.2017.)

20. Stelter B. President Trump promised a 'big press conference' // Money. CNN. com. 2017. Aug. 14. URL: http://money.cnn.com/2017/08/14/media/jim-acosta-donald-trump-press-conference/index.html (Дата обращения: 14.08.2017.)

21. Tracking the 2016 Presidential Money Race // Bloomberg. 2016. 9 Dec. URL: http://www.bloomberg.com/politics/graphics/2016-presidential-campaign-fundraising (Дата обращения: 09.12.2016.)

22. Twitter account of Ben Sasse // URL: https://twitter.com/BenSasse/status/880429821775552514 (Дата обращения: 09.08.2017.)

23. Twitter account of Donald J. Trump // URL: https://twitter.com/realDonaldTrump/status/880408582310776832 (Дата обращения: 19.08.2017.)

24. Twitter account of Kelly O'Donnell // URL: https://twitter.com/KellyO/status/820785990746963969 (Дата обращения: 19.08.2017.)

25. Twitter account of Lynn Jenkins // URL: https://twitter.com/RepLynnJenkins/status/880433829856542721 (Дата обращения: 19.08.2017.)

References

«Pravo golosa» // TVC. Efir ot 3 ijulja 2017 g. URL: http://www.tvc.ru/channel/brand/id/36/show/episodes/episode_id/50504/?page=6 (Data obrashhenija: 05.06.2017.)

Benkler Y., Faris R., Roberts H., Zuckerman E. Study: Breitbart-led right-wing media ecosystem altered broader media agenda // Columbia Journalism Review. 2017. 3 Mar.

Bubnova N. Russian Media: Struggling Against New Controls / Hachten W.A., Scotton J.F. The World News Prism. Digital, Social and Interactive. Hoboken: Wiley Blackwell, 2016. 267 p.

Bubnova N.I. Novaja administracija SShA: Voenno-politicheskie vyzovy // Rossija i sovremennyj mir. 2017. N 1. C. 135–152.

Bubnova N.I. Rossijsko-amerikanskie otnoshenija v kontekste ukrainskogo krizisa: Novye ipostasi holodnoj vojny // Rossija i sovremennyj mir. 2015. T 2. C. 81–91.

Elperin J., Rein L., Fisher M. Resistance from within: Federal workers push back against Trump // The Washington Post. 2017. 1 Feb.

Facebook account of Sam Greene // URL: www.facebook.com/sam.greene.940?pnref=friends.search (Data obrashhenija: 05.08.2017.)

Gaffey C. Donald Trump And Brexit Make «Post-Truth» The Word Of The Year // Newsweek. 2016. 16 Nov. URL: http://www.newsweek.com/donald-trump-and-brexit-make-post-truth-word-year-521731 (Data obrashhenija: 16.11.2016.)

Gold H., Karni A. Tillerson holds a press conference without U.S. media // Politico. 2017. 21 May.

Grynbaum M.M. Trump Strategist Stephen Bannon Says Media Should «Keep Its Mouth Shut» // New York Times. 2017. 26 Jan. URL: https://www.nytimes.com/2017/01/26/business/media/stephen-bannon-trump-news-media.html (Data obrashhenija: 05.02.2017.)

Hoft J. Election Prediction 2016: Current Trend Lines Show Trump Will Win in Landslide // Gateway Pundit. 2016. 4 Nov. URL: http://www.thegatewaypundit.com/2016/11/2016-election-tgp-prediction-trump-wins-by-landslide/ (Data obrashhenija: 05.02.2017.)

Jefferson T. To Walter Jones. Thomas Jefferson to Walter Jones. 1814. 2 Jan. // Founders Online. National Archives. URL: https://founders.archives.gov/documents/Jefferson/03-07-02-0052 (Data obrashhenija: 15.04.2016.)

Kellyanne Conway denies Trump press secretary lied: 'He offered alternative facts' – video // Theguardian. 2017. 22 Jan. URL: https://www.theguardian.com/us-news/video/2017/jan/22/kellyanne-conway-trump-press-secretary-alternative-facts-video (Data obrashhenija: 05.02.2017.)

Manuscript / Mixed Material Image 2 of Thomas Jefferson to John Norvell. 1807. 11 Jun. // Library of Congress. URL: https://www.loc.gov/resource/mtj1.038_0592_0594/?sp=2&st=text (Data obrashhenija: 05.02.2017.)

Pens: Tramp kazhdyj den' staraetsja slomit' soprotivlenie isteblishmenta i SMI // TASS. 2017. 1 Maja. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4224145 (Data obrashhenija: 26.02.2017.)

Quinn M. Sarah Sanders: Media spends most of its time pushing 'false narrative on Russia' // Washington Examiner. 2017. 29 Jun. URL: http://www.washingtonexaminer.com/sarah-sanders-media-spends-most-of-its-time-pushing-false-narrative-on-russia/article/2627468 (Data obrashhenija: 16.02.2017.)

Reliable Sources // CNN. 2017. 9 July. URL: http://edition.cnn.com/shows/reliable-sources (Data obrashhenija: 09.07.2017.)

Rubcov A. Prevrashhenie pobedy // Vedomosti. 2017. 10 maja.

Stelter B. President Trump promised a 'big press conference' // Money. CNN. com. 2017. Aug. 14. URL: http://money.cnn.com/2017/08/14/media/jim-acosta-donald-trump-press-conference/index.html (Data obrashhenija: 14.08.2017.)

Stepanova N.V., Sharikov P.A. Vlijanie internet-tehnologij na predvybornuju prezidentskuju kampaniju v USA v 2015–2016 gg. // USA i Kanada: Jekonomika – politika – kul'tura. 2017. N 2. C. 52–67.

Tracking the 2016 Presidential Money Race // Bloomberg. 2016. 9 Dec. URL: http://www.bloomberg.com/politics/graphics/2016-presidential-campaign-fundraising (Data obrashhenija: 09.12.2016.)

Twitter account of Ben Sasse // URL: https://twitter.com/BenSasse/status/880429821775552514 (Data obrashhenija: 09.08.2017.)

Twitter account of Donald J. Trump // URL: https://twitter.com/realDonaldTrump/status/880408582310776832 (Data obrashhenija: 19.08.2017.)

Twitter account of Kelly O'Donnell // URL: https://twitter.com/KellyO/status/820785990746963969 (Data obrashhenija: 19.08.2017.)

Twitter account of Lynn Jenkins // URL: https://twitter.com/RepLynnJenkins/status/880433829856542721 (Data obrashhenija: 19.08.2017.)

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

О.В. Бабенко

ПОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ «NOWA EUROPA WSCHODNIA» О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 2013–2016 гг. (Реферативный обзор)

1. HLEBOWICZ B. Niezwykłe zauroczenie Włoch Rosją // Nowa Europa Wschodnia. – Wrocław, 2017. – N 1. – S. 38–45.
2. KACZMARSKI M. Dwie rosyjskie «cnoty»: Taktyka i konsekwencja // Ibid. – N 1. – S. 46–52.
3. KOST P. Wojna podczas pokoju // Ibid. – N 1. – S. 58–63.
4. SIEGIEŃ P. Rosyjski bunkier w Europie // Ibid. – N 1. – S. 70–77.
5. STAWISKI J. Uwaga, nadchodzi Władimir! // Ibid. – N 1. – S. 25–32.

Аннотация. *В обзоре реферируются статьи, посвященные проблемам внешней политики России. Статьи опубликованы в 2017 г.; основное внимание в них уделяется проблемам взаимоотношений России с Украиной и Германией.*

Ключевые слова: *«Nowa Europa Wschodnia», Россия, Польша, Украина, Германия, внешняя политика.*

**Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.
E-mail: o.v.babenko@mail.ru**

O.V. Babenko. Polish Magazine «Nowa Europa Wschodnia» about Russian Foreign Policy in 2013–2016. (Review)

Abstract. *The author of the review retells the articles of the Polish magazine «Nowa Europa Wschodnia» about Russia's foreign policy. The articles were published in 2017; its focuses on the problems of Russia's relations with Ukraine and Germany.*

Keywords: *«Nowa Europa Wschodnia», Russia, Poland, Ukraine, Germany, foreign policy.*

**Babenko Oksana Vasilievna – Candidate of History, Researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: o.v.babenko@mail.ru**

Живущий в Италии польский антрополог Б. Хлебович (1) пишет о российско-итальянских отношениях в 2015–2016 гг. Он полагает, что восхищение итальянцев В.В. Путиным «связано с их желанием освободиться от военного и культурного доминирования США в Европе» [1, с. 38]. Еще в 2002 г. итальянский премьер-министр С. Берлускони говорил о том, что Путин является одним из важнейших мировых лидеров. В 2015 г. российский президент принял участие в международной выставке «Экспо» в Милане, где на создание павильона России было выделено 17,5 млн евро. Участие в выставке стало поводом для совместных заявлений об отмене санкций ЕС против России. В результате санкций уменьшился товарооборот между Россией и Италией, вследствие чего ухудшилась экономическая ситуация в стране. Автор считает также, что российская пропаганда создавала в глазах итальянцев образ Украины «как государства, которое точит рак нацизма» [1, с. 41]. Некоторые итальянцы, осуждая украинский национализм, акцентировали внимание на выселении из своей страны выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока.

В статье отмечается, что В.В. Путину симпатизирует лидер оппозиционной партии «Лига Севера» М. Сальвини, желающий играть роль посредника между Белым домом и Кремлем. Он часто бывает в Москве, где встречается с членами партии «Единая Россия». Путина поддерживает также глава ультраправой партии «Форца Нуова» Р. Фиоре. В то же время основные итальянские СМИ и левые политики такого отношения к Путину не разделяют. Некоторые журналисты, в частности, утверждают, что чертами путинской России являются «шовинизм, ненависть к чужим, антиамериканизм» [1, с. 44]. Тем не менее и сторонники, и противники Путина подчеркивают, что Россию и Италию связывают прочные экономические отношения. Для итальянцев первостепенное значение имеет собственное благосостояние, которое «невозможно поддерживать без путинской России» [1, с. 45].

Адъюнкт Института международных отношений Варшавского университета М. Качмарский (2) рассуждает о тактике В.В. Путина и последствиях его политики. Во время конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 2007 г. В.В. Путин сформулировал кредо российской внешней политики, делая акцент на стремлении России занять свое особое место в международной жизни и несогласии признать глобальное превосходство США. В его выступлении говорилось, что Западу не следует принимать самостоятельные решения без консультации с Россией в случае таких событий, как гуманитарная катастрофа или ядерный кризис. Кроме того, следовало бы перестроить систему безопасности в Европе, ликвидировав автономность НАТО и создав буферную зону в центре Европы, в которой не было бы американских или западноевропейских войск. Наконец, российский президент говорил о свободе действий России на постсоветском пространстве

и недопустимости вмешательства западных стран в дела стран СНГ. Автор задается вопросом, в какой степени России удалось достичь своих целей.

Программе Путина соответствовали, считает он, «российско-грузинская война 2008 г.», присоединение Крыма и российские действия в Восточной Украине [2, с. 47]. Вмешательство Москвы в сирийский конфликт показало, что Кремль в состоянии успешно сдерживать действия Запада не только на постсоветском пространстве, но и в глобальном масштабе. Однако оценка степени активизации внешней политики России неоднозначна. Некоторые западные наблюдатели считают, что политика Кремля «является выражением российской слабости и отчаянной попытки отвлечь внимание общества от нехватки “хлеба” в пользу организации “зрелищ”» [там же]. Наибольших успехов на международной арене России удалось достичь в связи с войной в Сирии. При этом силовые методы решения международных проблем занимают у Москвы последнее место. Поэтому речь идет прежде всего не о вмешательстве Кремля в конфликт, а о том, что Россия сдерживала открытую вооруженную интервенцию западных стран дипломатическими методами. В частности, Москва успешно блокировала все попытки Запада оказать давление на режим Башара аль-Асада посредством наложения вето на соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН. Но означает ли этот успех изменения правил игры на международной арене?

Другим успехом Москвы была аннексия Крыма, но «“исторические права” России на полуостров не хотят признать не только западные государства, но и Китай…» [2, с. 50]. Автор предполагает, что в ближайшие годы Россия может включить в свой состав Южную Осетию. Но признают ли последнюю частью РФ другие государства? «Несмотря на усиление военного присутствия на границах Европы, дело не дошло до признания особой роли России в европейской безопасности» [2, с. 51].

Член Совета экспертов Центра исследований армии, конверсии и разоружения (ЦИАКР) в Киеве П. Кост (3) рассматривает российско-украинские отношения в 2013–2016 гг. Европейские аналитики полагают, что Россия планирует своеобразное наступление на Украину, в основе которого будет прекращение доступа энергии в большую часть страны и «информационный паралич». Идеальным временем для такого наступления были бы сильные морозы. Газовые российско-украинские войны продолжаются с 2006 г. Цепь этих событий завершилась соглашениями от 17 декабря 2013 г., которые подтвердили зависимость от России части украинских объектов военной промышленности, перечеркнули шансы Украины на независимость в газовой сфере и напомнили об огромном финансовом долге Киева. Однако Майдан внес свои коррективы в эти соглашения. Специалисты подсчитали, что в 2016 г. Украине удалось сократить энергетическую зависимость от России с 95 до 70% [3, с. 60]. Кроме того, Кремль «в сильные морозы отказался от

планов порчи линий высокого напряжения Черкасской области, что парализовало бы энергетическую систему Южной, Центральной и Восточной Украины» [3, с. 60].

В 2015 г. на Украине были предприняты российские кибератаки. Возможно, они нужны были для наблюдений за поведением украинских властей. В частности, в Прикарпатье был распространен вирус BlackEnergy, который привел к временному сбою в поставках электроэнергии. Были атакованы также центр расположения некоторых энергетических объектов и один из основных телевизионных каналов ИСТВ. Американские специалисты, проанализировавшие кибератаки, сделали вывод, что «приготовления к ним были начаты еще в 2013 г. …» [3, с. 62].

Российско-украинская энергетическая война имеет и международное значение. Оно проявляется, в том числе, в проблеме строительства газопроводов в обход Украины. Запад беспокоит и вопрос о требованиях России касательно поступления электроэнергии в Крым. Эти требования могут привести к «дальнейшей милитаризации полуострова» [3, с. 63]. С целью решения этого вопроса была достигнута договоренность с немецкой компанией «Siemens» о начале поставок турбин для будущих крымских электростанций. Запад, по мнению автора, должен понять, что и он вовлечен в «войну, которую Россия ведет на Украине» [там же].

Этнолог и филолог из Гданьского университета П. Сегень (4) пишет о роли Калининградской области во внешней политике Москвы. В последние годы этот регион считается «западными воротами России», а автор статьи называет его «российским бункером в Европе» [4, с. 70]. В нем должны были проходить переговоры России с Европейским союзом. Однако в последнее время российское руководство изменило стратегию и решило использовать Калининградскую область «в качестве пугала в регионе Балтийского моря» [там же].

2016-й год был годом радикальных перемен для Калининградской области. За событиями в ней следили соседи региона – Польша и Литва, а также весь Запад. 29 июня 2016 г. министр обороны России С. Шойгу отозвал в Москву руководство Балтийского флота, базировавшееся в г. Балтийске. Офицерам были предъявлены обвинения морально-нравственного характера, им грозило увольнение со службы. Создавалось впечатление, что Россия хочет навести порядок в своих балтийских частях и поддерживать их боевую готовность на высоком уровне. Польша в свою очередь приостановила действие соглашения о малом пограничном движении. Если раньше калининградцы могли попасть в Польшу без визы, то теперь их лишили этой возможности «в целях безопасности» [4, с. 71].

В ноябре 2016 г. в СМИ прошла информация о размещении в Калининграде ракетных комплексов «Искандер» и «С-400» («Триумф»). НАТО и Гос-

департамент США выразили свою обеспокоенность ситуацией в регионе. Российская сторона ответила, что «Калининградский регион является неотъемлемой частью России, в связи с чем она имеет право отстаивать свою безопасность таким способом, какой она считает подходящим» [4, с. 74]. Ракетные комплексы и части Балтийского флота могут свести на нет маневры НАТО в балтийских государствах. Политика В.В. Путина пользуется большой поддержкой в Калининградском регионе, которая обеспечивается пропагандой правильного отношения ко Второй мировой войне и «сравнением региона с Крымом – российским островом, отделенным от материка» [4, с. 76].

Редактор телеканала ТВН24 «Бизнес и мир» Я. Ставиский (5) анализирует российско-германские отношения в 2016 г. Он утверждает, что у России в Германии есть «свои силы» – правая, пропутинская партия «Альтернатива для Германии», антиэмигрантское (антиисламское) движение «Пегида», а также различные крайне левые организации, которые традиционно противостоят Западу. 2016 год в российско-германских отношениях был омрачен акциями в Германии молодых эмигрантов из исламских стран в Кёльне в новогоднюю ночь 2015–2016 гг. Это происшествие подорвало доверие к правительству Ангелы Меркель. Страх и панику населения решил использовать Кремль путем усиления пропаганды. Русские и немцы с российскими корнями вышли на улицы Германии с требованиями безопасности. Некоторые формальные лидеры «немецких россиян» связаны, по мнению автора, с Кремлем и участвуют в антиправительственных демонстрациях в Германии, «используя беспокойство в Германии, связанное с наплывом сотен тысяч эмигрантов из исламских стран» [5, с. 25].

В конце 2016 г. глава контрразведки Германии Х.-Г. Маасен заявил, что в 2017 г. будут сделаны попытки сорвать выборы, чтобы дестабилизировать политическую систему страны. Правительство сообщило населению, что за новым этапом конфронтации будет стоять Россия. Отмечалась негативная роль российской пропаганды, в частности немецкоязычного телеканала «Россия сегодня» (Russia Today), который занимается «распространением российской версии событий на Украине, в Европе и мире» [5, с. 26].

На состояние российско-германских отношений влияет также Восточный комитет Федерального объединения германской промышленности. В нем заседают представители немецких концернов, которые согласились с санкциями против Москвы в ответ на нарушение ею европейского порядка путем аннексии Крыма и действий в Донбассе, но настаивают на установлении особых экономических отношений с Россией. В целом, заключает автор, в Германии преобладает осуждение России за бомбардировки Алеппо и гибель гражданского населения города [5, с. 32].

Библиография

1. Hlebowicz B. Niezwykłe zauroczenie Włoch Rosją // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 38–45.
2. Kaczmarski M. Dwie rosyjskie «cnoty»: Taktyka i konsekwencja // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 46–52.
3. Kost P. Wojna podczas pokoju // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 58–63.
4. Siegień P. Rosyjski bunkier w Europie // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 70–77.
5. Stawiski J. Uwaga, nadchodzi Władimir! // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 25–32.

References

Hlebowicz B. Niezwykłe zauroczenie Włoch Rosją // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 38–45.

Kaczmarski M. Dwie rosyjskie «cnoty»: Taktyka i konsekwencja // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 46–52.

Kost P. Wojna podczas pokoju // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 58–63.

Siegień P. Rosyjski bunkier w Europie // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 70–77.

Stawiski J. Uwaga, nadchodzi Władimir! // Nowa Europa Wschodnia. Wrocław, 2017. N 1. S. 25–32.

М.А. Ядова

ШТЕР Н. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА ВАЖНЕЕ ДЕМОКРАТИИ?* (Реферат)

STEHR N. Exceptional circumstances: Does climate change trump democracy? // Issues in science and technology. Dallas (TX), 2016. Vol. 32. N 2. URL: http://www.issues.org/32-2/exceptional-circumstances-does-climate-change-trump-democracy/ (Date of access: 10.05.2017.)

Аннотация. *Данная работа представляет собою реферат статьи Н. Штера, посвященной теме изменения климата как одной из глобальных проблем человечества. Рассматриваются эффекты влияния глобального потепления на окружающий мир и способы их преодоления в контексте существующих политических режимов.*

Ключевые слова: *изменение климата, глобальное потепление, глобальные проблемы человечества, политические режимы, демократия.*

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва. E-mail: m.yadova@mail.ru

M.A. Yadova. Stehr N. Exceptional Circumstances: Does Climate Change Trump Democracy? (Summary)

Abstract. *The paper is devoted to climate change as one of the main global problems of mankind. The effects of global warming in the world around us and ways of its overcoming in the context of the existing political regimes are studied.*

* *Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное исследование и построение междисциплинарной модели социально-экологического метаболизма современного российского города», осуществляемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-00158а).*

Keywords: *climate change, global warming, global problems of mankind, political regimes, democracy.*

Yadova Maya Andreevna – candidate of Sociological sciences,
Head of the Department of Sociology and Social Psychology
of the Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: m.yadova@mail.ru

В центре внимания немецкого социолога и культуролога, профессора Университета Цеппелин Нико Штера (г. Фридрихсхафен) – проблема изменения климата и способы ее решения в контексте существующих политических режимов.

Изменение климата является одной из глобальных угроз современности. В индустриальную эпоху особенно острой представляется проблема повышения концентрации парниковых газов в атмосфере. Несмотря на то что многие парниковые газы имеют естественное происхождение и, удерживая часть солнечного тепла, играют важную роль в выживании живых организмов, с ростом численности населения и развитием экономики объемы выбросов газов (прежде всего углекислого), порожденных деятельностью человека, стремительно увеличиваются. Результатом происходящего становится изменение климата и повышение среднемировой температуры воздуха, т.е. то, что принято называть глобальным потеплением. В перспективе негативные последствия изменения климата могут иметь беспрецедентные масштабы. Глобальное потепление ведет к таянию горных ледников, смещению климатических зон, вымиранию биологических видов, подъему уровня Мирового океана, изменению количества осадков, засухам, ураганам, наводнениям и прочим природным катаклизмам; кроме того, непредсказуемость погодных условий грозит продовольственным коллапсом в будущем. По мнению специалистов, вопрос изменения климата требует оперативного решения по принципу «лучше предупредить, чем исправлять»: иначе в дальнейшем адаптация к новым условиям потребует от человечества неизмеримо больших усилий и затрат (*Реф.*).

С каждым годом, предполагает Н. Штер, надежность и глубина наших знаний о глобальных и региональных изменениях климата будет возрастать. В подобных условиях возникает закономерный вопрос о том, насколько современное демократическое общество в состоянии бороться с последствиями глобального потепления. По справедливому замечанию автора статьи, человеку XXI в. свойственна определенная усталость от демократии, характеризующаяся потерей веры в эффективность принципов и механизмов демократического управления, в том числе в вопросах преодоления глобальных угроз.

Например, известный климатолог, профессор Колумбийского университета Джеймс Хансен, еще в 1988 г. привлекший внимание общественности к теме глобального потепления, полагает, что перед лицом подобных вызовов демократический процесс просто не работает [1]. Другой авторитетный ученый, британец Джеймс Лавлок, получивший мировое признание благодаря выдвинутой им гипотезе Геи[1], сравнивает процессы изменения климата с войной, которую вынуждено вести человечество [3]. В свою очередь, британский историк Эрик Хобсбаум в работе «Глобализация, демократия и терроризм» [2] ставит под сомнения способность демократических режимов действенно решать глобальные проблемы. Схожее мнение высказывает и лауреат Нобелевской премии израильско-американский психолог Дэниел Канеман, полагающий, что посредством демократических процедур невозможно мобилизовать общество для борьбы с отдаленными и потому кажущимися абстрактными угрозами. Таким образом, констатирует Н. Штер, в глазах многих исследователей экстраординарные опасности и риски, возникшие перед человеческой цивилизацией в последние десятилетия, делают демократию крайне неудобной формой правления.

Тем не менее в своей работе Н. Штер стремится «реабилитировать» демократию как политическую систему, способную на результативные шаги и не боящуюся трудностей. По его мнению, в борьбе с глобальными угрозами равноценной альтернативой демократии может стать лишь еще более открытый демократическим принципам режим. Кроме того, он убежден, что тема изменения климата должна входить в политическую повестку дня любого общества, а не считаться второстепенным вопросом, относящимся к сфере охраны окружающей среды или экономики.

Автор статьи напоминает читателю о существовании в политической практике понятия «исключительные обстоятельства», под которым обычно понимают условия, позволяющие правительству того или иного государства получать расширенные полномочия для предотвращения (или преодоления) чрезвычайных ситуаций, имеющих негативные политические, экономические или экологические последствия. В связи с этим исследователь задается рядом вопросов. Можно ли пожертвовать свободой, ограничив права граждан во имя высоких целей и достижения безопасности в будущем? Как долго должен длиться подобный мораторий «на свободу»? И, главное, насколько плодотворны подобные меры? В конце концов, резонно замечает Н. Штер, мировой опыт не свидетельствует в пользу довода о том, что авторитарные и тоталитарные режимы лучше демократических справляются с экологиче-

1. Согласно гипотезе Геи, наша планета является единым саморегулирующимся суперорганизмом, способным поддерживать необходимые для существования живых существ условия. – Прим. реф.

скими проблемами. Так, следующих путем «авторитарной модернизации» Россию и Китай – несмотря на достаточное количество экологов, климатологов и других специалистов в этих странах – отличает множество нарушений в сфере защиты окружающей среды. Впрочем, как предполагает автор статьи, подобная ситуация не вечна. В том же Китае при существующих темпах экономического роста наиболее образованная и обеспеченная часть населения рано или поздно обратит внимание на слабую экологическую политику своего правительства и добьется ее пересмотра.

Подводя итоги, Н. Штер отмечает, что эффективное решение многих вышеозначенных проблем требует соблюдения определенных условий.

Во-первых, пишет он, представителям власти необходимо признать высокую ценность научных знаний о климате и уметь строить политическое обсуждение вопросов, касающихся глобального потепления, с учетом предоставляемой экспертами (в данном случае – климатологами) информации. У современного общества, подчеркивает Н. Штер, нет возможности избежать «экспертной зависимости» – и бояться этого не следует.

Во-вторых, он категорически не согласен с пессимистической оценкой способности демократических систем управлять так называемыми исключительными обстоятельствами. По его мнению, сложности, связанные с предупреждением чрезвычайных ситуаций и планированием будущего, вызваны не столько слабостью демократических процедур, сколько трудно решаемы в принципе, особенно в условиях стремительно нарастающей социальной нестабильности.

В-третьих, говоря о наиболее эффективной модели политической системы, Н. Штер предлагает не сворачивать, а наоборот, расширять демократические права и свободы. По его словам, демократические режимы в силу своей гибкости и открытости обладают бóльшей адаптивностью, что дает им широчайшие возможности для решения проблем, связанных с охраной окружающей среды, на международном уровне. Так, полагает Н. Штер, в будущем в демократических странах вполне вероятно возникновение новых форм социальной солидарности и повышение уровня социальной ответственности граждан, что поможет усилить способность местных и региональных властей сопротивляться угрозе глобального потепления. В качестве успешных примеров подобного рода он приводит практику использования энергии ветра в Техасе[2], а также опыт властей Германии, поддерживающих развитие

2. Штат Техас в силу своих климатических особенностей является лидером в производстве энергии ветра в США. Около 10% электроэнергии в Техасе производится с помощью ветрогенераторов, что позволяет некоторым энергетическим компаниям в определенное время суток (как правило, ночью) раздавать избыточную электроэнергию бесплатно. – Прим. реф.

«зеленой» энергетики в стране и планирующих полностью перейти на альтернативные источники энергии.

В целом, отмечает Н. Штер, стремление некоторых экспертов и политиков преодолеть проблему изменения климата с помощью выбора единственно возможного и «правильного» варианта политической стратегии представляется несостоятельным. Мир, в котором мы живем, и угрозы, стоящие перед ним, слишком сложны и не дают надежды на существование быстрого и простого решения. В этой схватке, по мнению Н. Штера, победа будет за тем, кто способен нестандартно мыслить, действовать и открыт экспериментам.

Библиография

1. Hansen J. Storms of My Grandchildren: The Truth About the Coming Climate Catastrophe and Our Last Chance to Save Humanity. L.: Bloomsbury, 2009. 304 p.
2. Hobsbawm E. Globalisation, Democracy, and Terrorism. L.: Abacus, 2008. 184 p.
3. Lovelock J. The Vanishing Face of Gaia: A Final Warning: Enjoy It While You Can. L.; N.Y.: Allen Lane, 2009. 288 p.
4. Stehr N. Exceptional circumstances: Does climate change trump democracy? // Issues in science and technology. Dallas (TX), 2016. Vol. 32. N 2. URL: http://www.issues.org/32-2/exceptional-circumstances-does-climate-change-trump-democracy/ (Date of access: 10.05.2017.)

References

Hansen J. Storms of My Grandchildren: The Truth About the Coming Climate Catastrophe and Our Last Chance to Save Humanity. L.: Bloomsbury, 2009. 304 p.

Hobsbawm E. Globalisation, Democracy, and Terrorism. L.: Abacus, 2008. 184 p.

Lovelock J. The Vanishing Face of Gaia: A Final Warning: Enjoy It While You Can. L.; N.Y.: Allen Lane, 2009. 288 p.

Stehr N. Exceptional circumstances: Does climate change trump democracy? // Issues in science and technology. Dallas (TX), 2016. Vol. 32. N 2. URL: http://www.issues.org/32-2/exceptional-circumstances-does-climate-change-trump-democracy/ (Date of access: 10.05.2017.)

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2017 г.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Н.Ю. Ахапкин. Российский рынок труда в 2014–2016 гг.: Устойчивость без развития ..... № 1, с. 62
М.Е. Баскакова, И.В. Соболева. Малый бизнес: Качество занятости и соблюдение трудовых прав ..... № 2, с. 57
В.П. Булдаков. Как понять революцию? ..... № 4, с. 17
В.П. Булдаков. 1917 год: Лица, личины и лики революции ..... № 1, с. 6
М.И. Воейков. Революция 1917 года в России: Социально-экономические проблемы ..... № 2, с. 6
М.И. Воейков, Г.В. Анисимова. Социально-экономическое неравенство: Российские тенденции ..... № 1, с. 46
С. Дудаков. Ульянов – Ленин. Штрихи к портрету ..... № 1, с. 35
А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов. Этнический национализм в массовом сознании постсоветской России ..... № 1, с. 72
О.И. Киянская. Декабристы в отечественной истории и историографии: Полемические заметки ..... № 2, с. 42
В.А. Ковалёв. Есть у революции начало? (Статья 1-я) ..... № 1, с. 21
В.А. Ковалёв. Нет у революции конца? От политических переворотов к изменению основ цивилизации (Статья 2-я) ..... № 2, с. 23
Т.В. Котюкова. Туркестанский плен: Немецкие и австро-венгерские военнопленные в Русском Туркестане в годы Первой мировой войны ..... № 3, с. 47
М.П. Одесский. Октябрь 1917 года: Между «революцией духа» и «переворотом». (К истории идеологемы «революция») ..... № 4, с. 6
Ю.Н. Саямов. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. ..... № 3, с. 33
А.С. Ципко. Что дал России большевистский Октябрь? О человеческой цене «великого Октября» ..... № 3, с. 6

РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

П.А. Даценко. Королевство Вюртемберг
и проблема германского нейтралитета в 1853–1854 гг.
(По материалам российской дипломатической миссии
в Штутгарте) ..... № 4, с. 139
Е.П. Кудрявцева. За кулисами Венского конгресса..... № 4, с. 77
В.С. Парсамов. Священный союз и его интерпретаторы ..... № 4, с. 45
М.-П. Рей. Венский конгресс как инструмент
выработки новых дипломатических норм и обычаев.
Пер. с французского О.В. Окуневой..... № 4, с. 31
Н.П. Таньшина. Венская система и Венские соглашения:
Взгляд из Франции..... № 4, с. 61
А.О. Хорошева. Великие державы
и создание Великого герцогства Люксембург в XIX в..... № 4, с. 86
И. Фраскет. Обретение независимости иберoамериканскими странами и европейская Реставрация:
Постановка проблемы и перспективы исследования.
Пер. с испанского О.В. Окуневой ..... № 4, с. 118
A. Forrest. The Congress of Vienna and the Atlantic Slave
Trade ..... № 4, с. 102

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

О.А. Александрова. Средний класс в России и Германии:
Природа различий ..... № 2, с. 75
С.Г. Арбузов. Тенденции развития Украины
в период 2007–2015 гг. ..... № 1, с. 120
В.И. Бажуков. Россия и НАТО: Партнерство
или противостояние?..... № 3, с. 75
М.М. Бороденко. Встреча на берегах Дуная:
Проблемы и перспективы российско-венгерских
отношений..... № 3, с. 103
Н.И. Бубнова. Новая администрация США:
Военно-политические вызовы..... № 1, с. 135
Н.И. Васильева. Прямые иностранные инвестиции
в реальном секторе экономики России: Итоги 2016 года..... № 2, с. 105
Ю.А. Гринева. Основные тенденции развития
миграционных потоков в Литве на рубеже XX–XXI вв. ..... № 2, с. 122
Г.А. Дробот, А.Я Щербакова. Лидерский потенциал России
в глобальном мире..... № 3, с. 65

Л.С. Косикова. Проблемы взаимодействия евразийской и европейской интеграций ..... № 1, с. 85
Е.М. Кузьмина. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве в ШОС ..... № 4, с. 163
О.Г. Леонова. Индийско-российские отношения в XXI веке: Взгляд с другой стороны ..... № 3, с. 133
Д.С. Миронова. Современный этап трансформации НАТО ..... № 3, с. 89
Е.А. Москакова. Россия в системе современной международной трудовой миграции ..... № 2, с. 113
Л.В. Новоселова. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в контексте «поворота России на Восток» ..... № 3, с. 149
Н.В. Попова. Страны БРИКС в формирующемся многополярном мире ..... № 4, с. 155
А.В. Посашкова. Процессы региональной интеграции: Опыт МЕРКОСУР и ЕАЭС ..... № 4, с. 178
А.Г. Пылин. Внешнеторговое взаимодействие ЕАЭС и Вьетнама в контексте создания зоны свободной торговли ..... № 3, с. 164
А.М. Сереброва. Борьба с «Исламским государством»: Война и политика ..... № 2, с. 129
И.С. Синицина. Международная трудовая миграция в Центральной и Юго-Восточной Европе ..... № 1, с. 103
А.Я. Щербакова. Россия и Восток: Проблемы безопасности и политического лидерства ..... № 4, с. 194
А.В. Шурубович. Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний ..... № 3, с. 116
М.А. Ядова. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи ..... № 2, с. 91

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В.Н. Бабенко. Проблемы формирования советской системы правосудия (1917–1920) ..... № 3, с. 250
А.Г. Донгаров. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. ..... № 1, с. 153
С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Межэтническая кооперация: Казань последних советских десятилетий ..... № 1, с. 172
Д.М. Фельдман. Литература и политика: Российские писательские сообщества 1890–1920-х годов в политическом контексте ..... № 3, с. 177

В.С. Парсамов. Идеологическая экспертиза и историческое знание в большевистской России 1920-х – первой половины 30-х годов ..... № 3, с. 222
А.Л. Юрганов. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом..... № 3, с. 200

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

О.А. Алексеенко. Перспективы России в полицентричной системе международных отношений ..... № 2, с. 226
А.И. Андреев. Россия в глобальном мире знаний ..... № 2, с. 216
И.К. Богомолов. Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле–октябре 1914 г. ..... № 2, с. 143
Н.И. Бубнова. Закусив удила: Противостояние Дональда Трампа и американских СМИ..... № 4, с. 222
Г.А. Борщевский. Реформа бюрократии: Сравнение опыта Великобритании и России..... № 3, с. 260
З.С. Бочарова. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы ..... № 2, с. 161
А.В. Вараксин. Социальные сети в условиях демократизации современной России..... № 2, с. 194
А.Ю. Лесь. Стратегические союзники России на глобальном медиапространстве ..... № 2, с. 209
И.В. Лукьянов. Государство в условиях четвертой промышленной революции ..... № 2, с. 201
Л.П. Муромцева. Наследие русской эмиграции: Возвращение на Родину..... № 2, с. 177
Ю.С. Пивоваров. Художник Гитлер: Полемические заметки ..... № 4, с. 202
М.А. Положихина. Электронное правительство: Опыт Запада и России..... № 1, с. 182
Ю.В. Смородина. «Мягкая сила» России и пути повышения ее эффективности ..... № 3, с. 290
М.Е. Соколова. Риски всеобщей наукометризации для информационной среды науки ..... № 1, с. 197
П.М. Шульгин, О.Е. Штеле. Наследие выдающегося ученого (К 190-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тян-Шанского) ..... № 1, с. 209
Э.Э. Шульц. Русская революция: Проблема легитимности..... № 3, с. 280

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2017 г.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

О.В. Бабенко. Польский журнал «Nowa Europa Wschodnia» о внешней политике России в 2013–2016 гг. (Реферативный обзор)..... № 4, с. 237
В.П. Любин. Радвани Ж., Лярюэль М. Россия. Между страхами и вызовами ..... № 1, с. 242
Н.К. Меден. Самопровозглашенные государства постсоветского пространства (По страницам немецких публикаций) ..... № 1, с. 218
Л.Н. Шаншиева. Непредсказуемость внешней политики России: Гипотезы немецких экспертов. (Реферативный обзор)..... № 1, с. 229
М.А. Ядова. Штер Н. Исключительные обстоятельства: Изменение климата важнее демократии? (Реферат)..... № 4, с. 243

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений.

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированной список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: http://translit.net/.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o… // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 г. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html (Data obrasheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны только в тексте статьи.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 4 – 2017 (97)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 21.11.2017 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,6 Уч.-изд. л. 16,3
Тираж 870 экз. Заказ № 164

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9